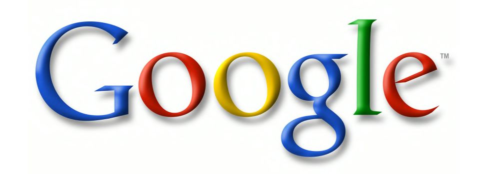

512
BUHR A
a39015 01810413 6b

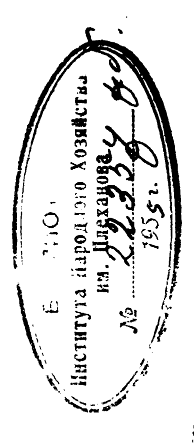

2р 50к.

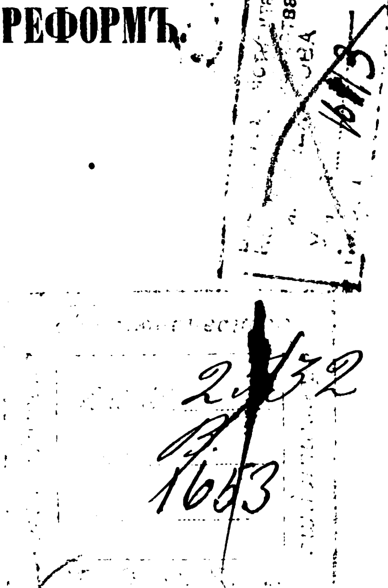

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

2р 50к.

ЭПОХА ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

Отпечатано 1,200 экземпляровъ.

Весь доходъ отъ изданія, за вычетомъ издержекъ печатанія, обращается въ пользу голодающихъ.

Отчетъ о первомъ изданіи напечатанъ въ № 81 *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 22-го марта 1892 года.

ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ

ИЗЪ ЭПОХИ

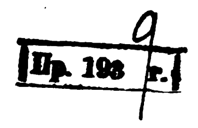
ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.—ОТМѢНА ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.—ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.—НОВЫЙ СУДЪ И ПР.).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче.

Майковъ.

Гр. Джаншіева.

2-ое дополненное изданіе.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°. Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1892

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы срываемъ,
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его...

Некрасовъ.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Переживаемыя крестьянствомъ тяжелыя времена далеко не просвѣтлили политическаго разумѣнія нашихъ близорукихъ почитателей дореформеннаго, крѣпостнаго строя жизни. Ихъ органы печати тянутъ все одну и ту же старую пѣсню, и чуть ли не подняли даже ея тонъ.

Одинъ изъ журналовъ, не смущаясь своимъ названіемъ, подъ которымъ въ 50-хъ годахъ проводились идеи гуманности, равноправности и европейскаго просвѣщенія, выбивается изъ силъ, чтобы доказать необходимость окончательно задѣлать, забить пробитое Петромъ В. „окно", въ которомъ усматривается главная причина переживаемаго Россіею тяжелаго эконономическаго кризиса. Другой представитель реакціонной печати свое откровенное крѣпостничество и ретроградство выставляетъ съ тѣкимъ самодовольнымъ безстыдствомъ, что невольно вспомнишь упрекъ, обращенный поэтомъ Жемчужниковымъ къ нашей „правдолюбивой" реакціонной печати:

...можно маску снять—зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ, зачѣмъ же нѣтъ стыда?!...

Когда въ концѣ 50-хъ г., до отмѣны крѣпостнаго права, находились Коробочки, проводившія теорію о томъ, что одни люди рождаются съ нѣжнымъ сло-

женіемъ и тонкими чувствами, а другіе съ грубымъ физическимъ сложеніемъ и предназначенными быть рабами первыхъ [1]*), то такая дико-наивная теорія вызывала улыбку. Но что сказать объ безчинствующихъ современныхъ публицистахъ, которые черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостнаго права мечтаютъ о возможности возстановленія крѣпостнаго строя или, какъ нынче называютъ, „обязательнаго труда крестьянъ для себя и для деревни?“.*

И такое-то цинично-архаическое приглашеніе произвести новый опытъ прикрѣпленія, —какъ надъ anima vili,—надъ народомъ, тридцать слишкомъ лѣтъ живущаго плодами своего тяжкаго, неблагодарнаго, но все же „свободнаго“ труда — именуется послѣднимъ словомъ самобытнаго трезваго консерватизма sans phrases.

Отъ такой проповѣди консерватизма или, точнѣе, неудержимо пятящагося назадъ ретроградства навѣрное отшатнулись бы съ отвращеніемъ всѣ консерваторы даже крѣпостныхъ временъ, имѣвшіе хоть какое нибудь политическое разумѣніе. Вотъ что, напримѣръ, писалъ о движеніяхъ назадъ и впередъ В. А. Жуковскій, котораго трудно заподозрѣть въ какихъ нибудь радикальныхъ увлеченіяхъ.—„Движенье—святое дѣло, поучалъ Жуковскій въ письмахъ своихъ юнаго великаго князя Константина Николаевича; все въ божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стать; неподвижность есть смерть, не примѣтная, но все же смерть, производящая только гниль“ [2]*).*

---

[1]) См. ниже главу III, прим. 8.

[2]) См. Русскій Архивъ 1867, стр. 1406.

Доказывая своему юному корреспонденту необходимость своевременныхъ реформъ и пагубность регресса, тотъ же просвѣщенный охранитель осуждалъ: какъ попытки перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду, такъ и попытки изъ понедѣльника пятиться назадъ въ воскресенье. Первое, по его мнѣнію, это революція впередъ, второе революція назадъ [3]*).*

Нынѣшнимъ „кастовымъ" публицистамъ, рекомендующимъ все государственное вниманіе и заботливость сосредоточить на интересахъ и нуждахъ избраннаго привилегированнаго меньшинства, не лишнее вспомнить, что задачею разумнаго управленія должны быть, какъ училъ тотъ же благонамѣренный другъ порядка, „не дѣла, озаряющія только немногихъ избранныхъ, а дѣла правды, благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго" [4]*).*

Стыдно и горько, что черезъ четверть столѣтія послѣ великихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью уничтожить неравенство и неправду, нужно напоминать о такихъ элементарныхъ истинахъ!..

Живучесть застарѣлыхъ крѣпостническихъ вкусовъ, пріемовъ и міровоззрѣній—самый тяжелый тормазъ для общественнаго развитія. Едва ли не въ нихъ, главнымъ образомъ, заключалась причина неправильнаго функціонированія нашихъ преобразованныхъ учрежденій.

Будучи лишены подходящихъ благопріятныхъ условій, наши преобразованныя учрежденія, почти во все время ихъ дѣйствія, напоминали положеніе той птички, о которой Державинъ писалъ:

---

3) См. ниже, примѣчаніе 7.

4) Тамъ-же.

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой..
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой да пой!

Еще нужно удивляться, какъ при такой аномальной обстановкѣ не вполнѣ изсякъ животворящій духъ, присущій освободительнымъ реформамъ 60-хъ годовъ.

Г. Д.

5-го марта 1892 г.
Москва.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Ив. Ил. Масловъ, — пріятель И. С. Тургенева, вмѣстѣ съ нимъ крестившій дѣтей Бѣлинскаго — оставилъ по духовному завѣщанію, утвержденному судомъ 5-го декабря 1891 года, до полумилліона руб. на народное образованіе. Завѣщатель мотивировалъ свое распоряженіе такъ: „желая засвидѣтельствовать, пишетъ онъ, глубокое сочувствіе великимъ реформамъ, совершеннымъ въ незабвенное и славное царствованіе Государя Императора Александра Николаевича, я нахожу наилучшій для сего способъ въ содѣйствіи народному образованію въ землѣ русской". Среди раздающагося въ послѣдніе годы несмолкаемаго гула инсинуацій и клеветъ, направленныхъ противъ освободительныхъ реформъ 60-хъ гг., этотъ одинокій голосъ сочувствія прозвучалъ особенно замѣтно и трогательно...

„Вѣдь и до сихъ поръ, писалъ въ 1884 г. нашъ знаменитый сатирикъ, встрѣчаются старички, которые облизываются при воспоминаніи о старыхъ порядкахъ". Стариковъ едва ли не превзошли нынѣшніе молодые панегиристы крѣпостныхъ порядковъ, оплакивающіе стихомъ Гомера паденіе этого „святаго, великаго невозвратнаго Иліона"...

Предлагаемыя читателю „Историческія Справки" имѣютъ цѣлью нѣсколько возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной

эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонною печатью. Справки эти вызваны годовщинами событій не одинаковой важности, но общимъ связующимъ для нихъ звеномъ является ихъ общій благородный источникъ, — освободительно-гуманное движеніе 60-хъ гг., къ которому они такъ или иначе примыкаютъ. А это движеніе, — откуда, по прекрасному выраженію одного профессора, идетъ „все чѣмъ красна наша жизнь“,—какъ извѣстно, въ свою очередь исходило изъ того вѣчно памятнаго движенія 40-хъ годовъ, коего могучимъ вдохновителемъ и руководителемъ былъ великій подвижникъ мысли русской, Бѣлинскій:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! Предъ именемъ твоимъ,
Дозволь смиренно преклонить колѣни...

Какъ ни неблагопріятно переживаемое нами время для либерально-гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велика, что напоминаніе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ безполезно. Всякій, искренно вѣрующій въ живительную силу этихъ началъ, не можетъ не надѣяться на конечное торжество ихъ.

Если вообще не нужно забывать правила:

Dum spiro spero

то въ особенности умѣстно вспомнить его сегодня, въ Татьянинъ день, съ которымъ, что̀ бы тамъ ни было, связано столько отрадныхъ воспоминаній и радостныхъ чаяній.

Г. Д.

Москва,
12-го января
1892 года.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ

† 13 января 1892 года.

Ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка.

Изъ переп. Жуковскаго съ в. к. Константиномъ Николаевичемъ.

Comment? la Liberté déchaîne ses colères,
Partout, contre l'effort des erreurs seculaires,
La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin;
Et je ne prendrai pas parti dans ce grand drame?

L. Ackermann.

Традиціонное чествованіе годовщины дня подписанія освободительной хартіи, ежегодно совершаемое въ С.-Петербургѣ 19-го февраля въ кружкѣ дѣятелей крестьянской реформы, носило въ нынѣшнемъ году особенно грустный характеръ: не задолго передъ тѣмъ скончался одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей минувшей славной эпохи гуманно-либеральныхъ реформъ — великій князь Константинъ Николаевичъ, „*вложившій душу*" въ великое дѣло освобожденія крестьянъ [1]).

Историческія Справки, посвященныя преобразовательной эпохѣ 60-хъ годовъ, не могутъ не отмѣтить призна-

---

[1]) См. Н. П. Семенова, Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1892, т. III, ч. 2, стр. 753.

тельнымъ словомъ плодотворную, кипучую дѣятельность того изъ сподвижниковъ Царя - Освободителя, который своимъ отзывчивымъ добрымъ сердцемъ горячо откликнулся на его гуманные запросы и своимъ умѣлымъ, просвѣщенныхъ содѣйствіемъ и непреклонною энергіею не разъ спасалъ судьбу реформъ, въ особенности крестьянской, въ минуты колебанія и шатанія мысли въ высшихъ сферахъ.

Будучи богато одаренъ отъ природы [2]), получивъ замѣчательно разностороннее [3]), широкое образованіе, постоянно впослѣдствіи пополняемое, закаливъ съ дѣтства свой характеръ въ аккуратныхъ привычкахъ и твердыхъ принципахъ [4]), обогативъ свой умъ наблюденіемъ ино-

---

[2]) См. *Русскую Старину* 1892, № 2, стр. I.

[3]) Необходимость разносторонняго энциклопедическаго образованія для вел. кн., безъ сомнѣнія, была внушена В. А. Жуковскимъ.—Въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г. появилась въ высшей степени любопытная переписка его съ юнымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Сначала, повидимому, юный корреспондентъ тяготился этою перепискою, которая имѣла характеръ еженедѣльнаго принудительнаго школьнаго упражненія въ русскомъ языкѣ. Но затѣмъ она заняла его, и переписка получила непринужденный, задушевный характеръ. Эта переписка можетъ дать будущему біографу вел. кн. не безъинтересныя данныя для уясненія характера вел. кн. и его политической дѣятельности.—Такъ, въ письмахъ своихъ Жуковскій очень настойчиво рекомендовалъ великому князю пополнять какъ можно больше свое образованіе.

Великіе князья, пишетъ онъ, должны понимать *свое время*, должны поставить себя на высоту своего вѣка, своимъ *всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ* (см. письмо отъ 28 окт. 1842). Въ другой разъ онъ, отечески журя великаго князя за легковѣсный отзывъ о Рембрандтѣ (я не судья по этой части, говорилъ съ оттѣнкомъ пренебрежительнаго самодовольства вел. кн. въ письмѣ своемъ изъ Гааги 1841 г.), Жуковскій внушаетъ своему юному (14-ти лѣтъ) корреспонденту: не пренебрегайте тѣмъ, что облагораживаетъ душу. Искусство нужно вамъ какъ человѣку, нужно какъ царскому сыну, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди общества (1400 стр., Русск. Арх. 1867).

[4]) Въ письмахъ своихъ Жуковскій постоянно ставилъ на видъ вел. кн., что въ виду предстоящей важной государственной дѣятельности необходимо

странныхъ государствъ, въ свои неоднократныя поѣздки [5]), и опытомъ государственнаго управленія [6]), покойный великій князь Константинъ Николаевичъ къ началу новаго царствованія въ лицѣ своемъ являлъ типъ новаго молодаго поколѣнія государственныхъ людей 50-хъ годовъ, хорошо сознававшихъ близость поворота въ судьбахъ Россіи, хотя не ясно сознававшихъ еще содержаніе и пути его. Ясно было для всѣхъ просвѣщенныхъ людей, способныхъ понимать смыслъ и значеніе пережитаго грознаго урока, одно: это невозможность сохраненія statu quo ante; необходимость измѣненія „курса" государственнаго корабля; своевременность и, стало быть, *необходимость* коренныхъ, всестороннихъ *реформъ* [7]).

выработать аккуратность, твердыя привычки, самостоятельное мышленіе, *сильную волю*. „Сильная *воля*—это могущество души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу, которымъ мы все низкое приносимъ въ жертву высшему; *знаніе* — это истинное просвѣщеніе ума, который всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приводитъ, т. е. къ одному знаменателю, къ одному главному знанію, къ знанію *дома* вообще и къ знанію нашего назначенія въ особенности". Далѣе Жуковскій поясняетъ, что для разумной дѣятельности необходимъ запасъ хорошихъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ постепеннаго самонаблюденія и самоусовершенствованія; привычки дѣйствовать собственнымъ *умомъ* (относительно пріобрѣтенія знаній) и собственною *волею* (относительно доброй нравственности) (письмо 29 декабря 1840, Русс. Арх., 1867, стр. 1395).

Въ числѣ привычекъ, выработанныхъ вел. кн. было веденіе Дневника, который онъ велъ аккуратно въ теченіе 50-лѣтъ, начавъ его въ концѣ 30-хъ годовъ (т. е. лѣтъ 10—12) и доведя до 7-го іюля 1889 г., т. е. до кануна дня, когда его сразилъ злой недугъ (параличъ). (Русская Старина 1892, № 2, стр. IV).

5) Первое морское плаваніе вел. кн. совершилъ въ 1835 г., т. е. восьми лѣтъ. До 1878 г. имъ было совершено до 50-ти плаваній, и въ теченіе ихъ былъ на морѣ 1375 дней, т. е. болѣе 3½ лѣтъ. (Рус. Стар. тамъ-же, стр. V).

6) Съ конца 40-хъ годовъ вел. кн. принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ отрасляхъ морскаго, военнаго, а также общегосударственнаго управленія (тамъ же см. Послужный списокъ вел. кн.).

7) Жуковскій, не довольствуясь совѣтами о личномъ самоусовершенст-

Полный силъ и живой энергіи, въ цвѣтѣ лѣтъ (около 30) и въ счастливомъ сознаніи своей способности и готовности работать на общее благо, вел. кн. Константинъ Николаевичъ служитъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ центромъ и источникомъ самыхъ разнообразныхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью изучить Россію, съ тѣмъ чтобы обновить ея государственно-общественный бытъ на новыхъ началахъ. Морское вѣдомство,—которому по роду своей спеціальности не было дотолѣ никакого дѣла до „постороннихъ вѣдомствъ“ и до котораго тоже не было никому дѣла изъ лицъ другихъ вѣдомствъ,—дѣлается съ конца 50-хъ годовъ средоточіемъ разнообразной кипучей дѣятельности, живо заинтересовавшей все мыслящее русское общество. Начиная отъ этнографическихъ экспедицій для изученія разныхъ мѣстностей Россіи и кончая вопросами гласнаго судопроизводства и отмѣны

вованіи, старался внушить вел. кн. правильное отношеніе къ промблемамъ общественной жизни и къ вопросамъ государственной политики. Онъ ему разъясняетъ второстепенность военной славы, смыслъ *прогресса*, *реформъ* и пр.

Въ наше время, писалъ Жуковскій къ 1845 г. 18-ти лѣтнему юношѣ Константину Николаевичу, мечтавшему о томъ, чтобы прибить Олеговъ щитъ на вратахъ Царьграда (что̀ Жуковскій считалъ не только праздною но и *вредною* мечтою), нужны не дѣла славы, озаряющія только *немногихъ избранныхъ, а дѣла правды,* Божіей правды, благодѣтельныя для *всѣхъ и каждаго* (1412). (Avis нынѣшнимъ адвокатамъ кастовыхъ интересовъ). Впрочемъ, военныя мечтанія вел. кн. продолжались недолго, и изъ письма Жуковскаго отъ 1848 г. мы узнаемъ, что послѣ венгерской кампаніи, въ которой онъ заслужилъ георгіевскій крестъ, великій князь крайне скептически относится къ войнѣ (стр. 1430). Изъ другихъ писемъ Жуковскаго наиболѣе любопытны тѣ, въ которыхъ онъ развиваетъ свой взглядъ на прогрессъ, *реформы* (въ этотъ взглядъ тоже не мѣшаетъ вникнуть современнымъ защитникамъ застоя и понятнаго движенія).

Говоря о революціи и застоѣ, Жуковскій пишетъ въ 1841 г.: Движеніе—*святое* дѣло; все въ Божіемъ мірѣ *развивается, идетъ впередъ* и не можетъ и не должно стоять. *Неподвижность—смерть* (курс. подл.), непримѣтная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. *Движенье,* развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но *безпрестанное*, есть жизнь. Останавливать движенье или насильственно ускорить

тѣлесныхъ наказаній (и это замѣтьте, въ вѣдомствѣ, гдѣ необходимость безчеловѣчныхъ наказаній, ради поддержанія дисциплины, почти вездѣ признавалась неопровержимою аксіомою) и даже вопросами раціональной педагогики — все интересуетъ морское вѣдомство, имѣющее во главѣ живаго, пылкаго энциклопедиста и гуманиста, великаго князя Константина Николаевича. Журналъ морскаго министерства *Морской Сборникъ* дѣлается однимъ изъ самыхъ живыхъ и популярныхъ органовъ печати (достаточно напомнить знаменитыя статьи Н. И. Пирогова „Вопросы жизни“, впервые поставившія педагогику на почву гуманитарную и сдѣлавшія брешь въ старой ремесленной школѣ профессіональной муштровки), а само министерство азилемъ [8]), гдѣ спасаются всѣ люди независимаго характера

его (т. е. въ обоихъ случаяхъ мѣшать жизни), *равно погибельно*. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа (стр. 1406). Къ этой же темѣ Жуковскій возвращается въ 1850 г. послѣ революціоннаго движенія 1848 г. въ Германіи. Осуждая это движенье, Жуковскій осуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и германскія правительства, которыя пренебрегли «вѣчными правилами» мудраго управленія, и, не сумѣвъ во время дать удовлетворенія нуждамъ, вызвали взрывъ. „Революція, пишетъ Жуковскій, есть безумно губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ середу. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника *назадъ* въ воскресенье столь же напрасно и столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое—революція *назадъ*... Что же совѣтуетъ *теорія*, которая учитъ тому, что надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ середу, но не тащи его и *назадъ въ воскресенье*.— А что говоритъ практика? Практика, согласная съ сестрою своею теоріей, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, *перешагнувъ* черезъ которую, понедѣльникъ становится вторникомъ, *провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ*, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее и дѣйствіе ему соотвѣтственное, т. е. дѣйствіе уже принадлежащее вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа* (к. п.) *во время*, *къ мѣсту*, *по закону вѣчной правды* (см. письмо 2-го марта 1850 г., Русс. Арх. 1867, стр. 1438).

8) См. статью сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино“ въ № 3 *Книжкѣ Недѣли* за 1892 г., стр. 28.

отъ самодурства самовластныхъ бюрократовъ стараго закала, въ родѣ гр. Панина [9]). Словомъ, морское вѣдомство, руководимое в. к. Константиномъ Николаевичемъ, этимъ „le plus libéral et le plus éclairé prince de l'empire", какъ достойно величаетъ его знаменитый французскій публицистъ Лероа-Болье [10]), сдѣлалось настоящимъ разсадникомъ или главнымъ штабомъ всего того преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ, которое привело къ реформамъ, „составляющимъ, какъ гласитъ извѣстный оффиціальный документъ, гордость нашу и славу минувшаго царствованія".

Но особенное значеніе для исторіи русской культуры имѣетъ самоотверженное участіе великаго князя Константина Николаевича въ величайшей изъ реформъ нынѣшняго столѣтія [11])—въ крестьянской. Незабвенныя, исключительныя заслуги почившаго великаго князя были оффиціально признаны еще въ 1861 г. въ знаменитомъ рескриптѣ, данномъ въ одинъ день съ подписаніемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

„Подписавъ сегодня манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, Я и *по влеченію сердца, и по долгу моему*, — гласитъ рескриптъ, — желаю въ этотъ самый *достопамятный для Россіи* [12]) день изъявить Вамъ мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое, вполнѣ моей волѣ и моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего важнаго государственнаго дѣла. Съ самаго назначенія Вашего 15-го іюня 1857 г. членомъ комитета, учрежденнаго для предпринятаго преобразованія, Вы принимали дѣятельное участіе во всѣхъ онаго дѣйствіяхъ и по оконча-

---

9) Характеристику гр. Панина см. ниже гл. I, § 2.

10) См. Leroy-Beaulieu—Un homme d'etat russe (N. Milutine) Paris, 1884, стр. 159.

11) См. тамъ же, 29.

12) Выраженіе *„день достопамятный для Россіи"*, вѣроятно, было поставлено вмѣсто слова „радостный", которое значилось въ первоначальномъ проектѣ манифеста и которое было вычеркнуто, по предложенію митрополита Филарета (см. н. главу I, § 3).

нія въ октябрѣ 1860 года состоявшими при семъ Комитетѣ редакціонными коммиссіями порученныхъ имъ работъ, призывая главный комитетъ къ подробному представленныхъ ими проектовъ разсмотрѣнію, Я, по особому къ Вамъ довѣрію, назначилъ Ваше Высочество предсѣдателемъ въ семъ комитетѣ. Вы вполнѣ оправдали сіе довѣріе. Глубоко и тщательно изучивъ все, относящееся къ важнымъ разнообразнымъ вопросамъ, Вы съ *пламеннымъ ко благу общему усердіемъ* посвящали ежедневно трудамъ въ главномъ комитетѣ всѣ Ваши усилія, все Ваше время, *и безъ сомнѣнія благодаря Вамъ*, подробное разсмотрѣніе сего обширнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ и составленіе нѣсколькихъ Положеній приведены къ окончанію въ назначенное время".

Искренній, сердечный тонъ этого документа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что тутъ мы дѣло имѣемъ не съ одною изъ тѣхъ оффиціальныхъ условностей, fable convenue или pia fraus, которыми, по разнымъ соображеніямъ, иногда прикрашивается оффиціальная версія государственныхъ событій [13]). Пылкій по темпераменту, горячій [14]), по справедливому замѣчанію одного изъ ближайшихъ свидѣтелей дѣла освобожденія, в. к. Константинъ Николаевичъ вложилъ въ это великое дѣло *всю свою душу* и былъ ревностнѣйшимъ помощникомъ Государю въ осуществленіи его воли [15]).

И тутъ нѣтъ и тѣни преувеличенія!

---

[13]) Удалившемуся по болѣзни первому предсѣдателю главнаго комитета кн. Орлову, завзятому крѣпостнику, также была выражена въ рескриптѣ за *услуги,* оказанныя освобожденію крестьянъ, оффиціальная благодарность, имѣвшая характеръ ироніи (см. Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост. III, 150).

[14]) Горячій, какъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, вел. кн. умѣлъ однако, когда требовали обстоятельства, сдерживать свою горячность. „Въ началѣ своего служенія на посту предсѣдателя государственнаго совѣта, писалъ покойный М. И. Семевскій, служившій подъ начальствомъ вел. кн., пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто прорывались, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ на высотѣ своего положенія, быстро усвоивая суть обсуждавшихся вопросовъ, сглаживая оттѣнки разномыслія и приводя собраніе къ единогласному рѣшенію (тамъ же, стр. III).

[15]) См. примѣч. 1.

Сочувствуя по человѣчеству горькой долѣ милліоновъ обездоленныхъ крестьянъ, лишенныхъ правъ человѣческой личности, и признавая своевременность, стало быть, и необходимость освобожденія крестьянъ, съ точки зрѣнія государственнаго блага, Константинъ Николаевичъ отдался этой благородной, но трудной и опасной (опасной даже при его высокомъ общественномъ положеніи) проблемѣ со всѣмъ жаромъ теплаго человѣческаго сочувствія и съ неуклонною настойчивостью закаленнаго и просвѣщеннаго государственнаго человѣка. Предпочитая „безопасному бездѣлью", inertiae dulcedo [16]) всѣ трудности и опасности общественнаго борца за правое дѣло, вел. кн. покинулъ холодныя сферы полуравнодушнаго, оффиціальнаго безстрастія, прельщающаго своею безмятежностью не рѣдко лѣнивыя натуры и далеко не такого высокаго происхожденія. Не имѣя ничего общаго съ этими равнодушными къ общественному благу людьми—(по поводу которыхъ Апокалипсисъ говоритъ: поелику ты теплъ, а не горячъ, и не холоденъ, то извергну тебе изъ устъ моихъ),—знаменитый поборникъ народной свободы, съ самаго начала [17]) крестьянской реформы открыто сталъ за свободу и не рѣдко для защиты ея лично вмѣшивался въ самую ожесточенную битву, происходившую около нея, испытывая и огорченія, и радости всѣхъ благородныхъ бойцовъ за свободу.

---

16) Taciti Vita Agricolae, III.

17) Весьма естественно было Императору Александру II, говорилъ недавно бывшій секретарь Редакціонной Коммиссіи сенаторъ П. П. Семеновъ въ рѣчи, посвященной памяти вел. кн. Константина Николаевича, искать не только утѣшенія, но и нравственной поддержки внѣ Комитета (враждебнаго реформѣ) и въ особенности въ своей семьѣ, въ которой онъ нашелъ двухъ горячихъ и *безбоязненныхъ* сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Это были великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна» (Русс. Старина, 1892, № 3. Рѣчь сен. Семенова, на 31-й годовщинѣ „19 февраля" стр. 814).

Одно время, послѣ смерти перваго предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи Я. И. Ростовцева, циркулировало предположеніе назначить на его мѣсто в. к. Константина Николаевича. Мысль эта была оставлена въ тѣхъ видахъ, дабы не сдѣлать члена императорской фамиліи мишенью тѣхъ безчисленныхъ злостныхъ клеветъ и враждебныхъ демонстрацій, на которыя были такъ щедры крѣпостники по отношенію къ своимъ противникамъ. [18]) Тщетная предосторожность! Покойный в. к. Константинъ Николаевичъ слишкомъ много и слишкомъ горячо поработалъ для народной свободы, чтобы его могли миновать тернія, неизбѣжные при исполненіи такой благородной культурной миссіи...

До іюля 1857 г. великій князь не принималъ оффиціальнаго участья въ Секретномъ Комитетѣ, вѣдавшемъ крестьянскій вопросъ, хотя и былъ посвященъ въ тайну императоромъ Александромъ II, котораго онъ горячо поддерживалъ въ его великодушномъ начинаніи, вмѣстѣ съ великою княгинею Еленою Павловною. Но, какъ извѣстно, мысль Государя объ освобожденіи была встрѣчена крайне враждебно со стороны почти всѣхъ высшихъ сановниковъ, членовъ Секретнаго Комитета и государственнаго совѣта:

Намъ рано, рано! въ злобѣ страстной,
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ.

Въ теченіе полугода Секретный Комитетъ ничего путнаго не сдѣлалъ и очевидно разсчитывалъ похоронить крестьянскій вопросъ, какъ и 6 прежнихъ подобныхъ комитетовъ, существовавшихъ при Николаѣ I [19]). Вер-

[18]) Тамъ же стр. 818.

[19]) Боясь рѣшительныхъ мѣръ и не сочувствуя реформѣ, сановники по обыкновенію прикрывались необходимостью осмотрительности и осторожности въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ. См. н. рѣчь сен. Семенова, стр. 814.

нувшись изъ заграничной поѣздки, Александръ II, поддержанный, какъ сообщали, въ своемъ намѣреніи королемъ прусскимъ Вильгельмомъ и барономъ Гастгаузеномъ[20]), остался недоволенъ Секретнымъ Комитетомъ. Въ видахъ внесенія въ дѣятельность его свѣжей струи въ іюлѣ 1857 г. былъ назначенъ членомъ его в. к. Константинъ Николаевичъ, который и не замедлилъ поставить ребромъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права передъ озадаченными сановниками, разсчитывавшими покончить съ вопросомъ измором. 15, 16, 17 августа 1857 вел. кн. имѣлъ горячую схватку съ защитниками крѣпостнаго права, но они остались въ большинствѣ. Впрочемъ, рѣшено было сдѣлать ничтожный шагъ впередъ: приступить къ *собранію данныхъ* для *улучшенія быта* крестьянъ; объ освобожденіи крестьянъ никто еще не смѣлъ оффиціально заикнуться. Вѣря въ великое значеніе печати [21]) и общественнаго мнѣнія, — не даромъ писалъ тогда Катковъ, что „общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени,“ — в. к. Константинъ Николаевичъ сдѣлалъ было попытку внести *гласность* въ обсужденіе

[20]) См. н. Матеріалы I, 127.

[21]) В. к. Константинъ Николаевичъ всегда стоялъ за необходимость предоставленія печати широкой свободы. «Это былъ, по замѣчанію историка Семевскаго, государственный мужъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, признававшій необходимость возможно болѣе *широкой свободы* печати и права обсужденія общественной и государственной дѣятельности всѣхъ и каждаго. Убѣжденіе это сохранено было великимъ княземъ во всю его жизнь, и оно было до того *сильно*, добавляетъ Семевскій, что его не поколебали даже тѣ нападки и обвиненія, которыя сыпались на него въ русской печати, напр., во время польской смуты изъ обоихъ лагерей“. (Русская Стар. 1892, № 2). — Чтобы оцѣнить такое разумное, достойное истиннаго джентльмена и государственнаго человѣка, отношеніе даже къ такимъ литературнымъ противникамъ, каковы были извѣстные московскіе маніаки-публицисты (Ср. ниже гл. V, прим. 24), — достаточно припомнить, какъ другіе расправлялись съ своими литературными врагами; достаточно припомнить исторію съ *Голосомъ*, прекращеннымъ гр. Д. А. Толстымъ.

крестьянскаго вопроса [22]) и тѣмъ поставить его,—какъ и сдѣлано было нѣсколько позже,—на твердую почву [23]). Но попытка встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства Секретнаго Комитета, которое усмотрѣло въ такомъ необычайномъ шагѣ революціонную мѣру [24]).

Великая насущная реформа рисковала быть отложенною въ долгій ящикъ и завязнуть въ стадіи безплоднаго бюрократическаго пережевыванья вопроса, т. е. собиранія все новыхъ и новыхъ данныхъ, если бы не адресы литовскаго дворянства, давшіе спасительный толчекъ дѣлу. По мѣткому замѣчанію извѣстнаго дѣятеля крестьянской реформы, адресы эти послужили рычагомъ [25]), давшимъ возможность вывесть крестьянскій изъ летаргическаго состоянія. Подъ вліяніемъ горячихъ сторонниковъ освобожденія Секретному Комитету повелѣно было въ кратчайшій срокъ обсудить заявленіе литовскаго дворянства, которое изъявило согласіе на освобожденіе крестьянъ, хотя и безъ земли. Даже и это умѣренное предложеніе не было одобрено Секретнымъ Комитетомъ, и только группа великаго князя (Я. И. Ростовцевъ, С. С. Ланской и Д. Н. Блудовъ) стояла за объявленіе оффиціальнаго приступа къ освобожденію крестьянъ. Го-

---

[22]) См. н. Матеріалы I, 135. Начальникъ III отдѣленія кн. В. А. Долгоруковъ, само собою разумѣется, былъ естественнымъ противникомъ гласности. Поэтъ Тютчевъ, поэтому поводу сострилъ, что кн. Долгоруковъ не прочь бы даже и страшный судъ произвести при закрытыхъ дверяхъ (н. с. Лероа-Болье, 155, прим.). Изъ другихъ представителей партіи крѣпостниковъ особенно ратовалъ противъ гласности кн. Менщиковъ, тотъ самый, который проектировалъ освобожденіе крестьянъ растянуть на 70 лѣтъ. По словамъ князя, съ допущеніемъ гласности въ журналахъ будутъ писать не помѣщики, а *профессора и студенты*, и ничего добраго изъ этого не выйдетъ, а будетъ одно только зло (см. н. Матеріалы II, 134).

[23]) Только, благодаря гласности, правительство дѣлало, по мнѣнію Милютина, рѣшительный шагъ, связывавшій его самого. См. н. с. Лероа-Болье, 14.

[24]) См. Матеріалы, I, 137.

[25]) Русская Старина 1892, № 3.

сударь согласился съ мнѣніемъ этой группы и въ незабвенный день 20 ноября 1857 г. послѣдовалъ рескриптъ на имя литовскаго дворянства съ разрѣшеніемъ устройства Губернскаго Комитета для составленія проекта „объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ“. Въ дополнительномъ „секретномъ“ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ уже прямо говорилось „объ уничтоженіи крѣпостной зависимости“, правда не вдругъ, а постепенно.

Сѣмя было брошено, нужно было обезпечить ему добрый всходъ—приливъ свѣта и тепла!.. Видя источникъ его въ гласности, великій князь предложилъ Секретному Комитету счастливую мысль разослать рескриптъ и министерскій „секретный“ циркуляръ по всѣмъ губерніямъ. Комитетъ, хотя и неохотно, согласился на эту мѣру. Въ одну ночь, въ знаменитую ночь 20-го ноября, благодаря друзьямъ свободы, особенно знаменитому дѣятелю ея Н. А. Милютину [26]), были отпечатаны рескриптъ и циркуляръ и на другой день 21-го ноября циркуляры летѣли уже во всѣ концы Россіи, разнося „секретную“ благую вѣсть о предстоящемъ освобожденіи народа. Если это и не была полная гласность, то было нѣчто довольное къ ней близкое.

Вскорѣ встрепенулись и ужаснулись консерваторы, засѣдавшіе въ Секретномъ Комитетѣ, увидѣвъ такое поспѣшное приведеніе въ исполненіе, подъ вліяніемъ „красныхъ“, постановленія Комитета. Привыкшіе въ потемкамъ канцелярской тайны эти государственные люди столько же боялись послѣдствій этого небывалаго шага, сколько и съ гадливымъ скептицизмомъ останавливались предъ такою профанаціею законодательной дѣя-

---

26) По словамъ Лероа-Болье, Милютину принадлежитъ въ разсылкѣ циркуляра главная руководящая роль. См. н. с. Лероа-Болье стр. 15, прим. 1.

тельности въ глазахъ толпы, какъ бы дѣлавшейся ея свидѣтелемъ, если не участникомъ и контролеромъ. Хранители старыхъ традицій сдѣлали попытку остановить эту мѣру (разсылку циркуляровъ), которая, какъ они чуяли, должна была умалить могущество ихъ олигархической оппозиціи и вырвать изъ ихъ рукъ судьбу великаго начинанія. Но было уже поздно! Стрѣла была спущена, и почта разносила по всѣмъ концамъ Россіи радостную вѣсть о нарожденіи свободы.

Значеніе мудрой мѣры, предложенной в. к. Константиномъ Николаевичемъ, было громадно для судебъ крестьянскаго вопроса. Оглашеніе начала приступа къ отмѣнѣ крѣпостнаго права имѣло первостепенное значеніе и для правительства, и для народа. Въ правительствѣ должно было прекратиться господствовавшее въ немъ дотолѣ колебаніе и сомнѣніе. Оно сжигало корабли, отрѣзывало себѣ отступленіе и обязывалось *безповоротно* довести дѣло до конца [27]). Кромѣ того, благодаря гласности, и только ей одной, правительство получало могучаго союзника въ лицѣ либеральнаго общественнаго мнѣнія и литературы, при помощи которыхъ оно только и было въ состояніи одолѣть противниковъ освобожденія — чиновную знать [28]). Для народа гласность имѣла также весьма серьезное значеніе. Какъ только разнесся въ концѣ 1857 г. слухъ о готовящемся освобожденіи, народъ, уже съ конца царствованія Николая I ждавшій воли съ нетерпѣніемъ [29]), пришелъ въ крайне возбужденное, лихорадочное состояніе. Благодаря тѣмъ потемкамъ, которыя создавала допущенная полугласность, въ народѣ

---

27) См. Русс. Стар. 1892, № 3, стр. 816.

28) Только благодаря поддержкѣ общественнаго мнѣнія, говоритъ Лероа-Болье, восторжествовали два наиболѣе спорные и важные пункта крестьянской реформы: надѣленіе крестьянъ землей и самоуправленіе сельскихъ обществъ. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 53.

29) О нетерпѣніи народа см. н. главу I, § 1.

стали циркулировать слухи о томъ, что помѣщики скрываютъ отъ нихъ указъ о волѣ, и начались волненія. Для прекращенія ложныхъ слуховъ предписано было циркуляромъ отъ 3-го февраля 1858 г. напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ рескрипты [30]). И замѣчательно, что какъ только надежда на освобожденіе получила осязательную форму въ видѣ оффиціальнаго обѣщанія правительства, толки и волненія прекратились тотчасъ, и крѣпостные крестьяне держали себя спокойно, какъ никогда, и съ этихъ поръ прекратились вовсе убійства помѣщиковъ [31]). Народъ до конца реформы оказалъ замѣчательную выдержку [32]) и оставался покоенъ, чѣмъ не мало огорчилъ консерваторовъ крѣпостническаго лагеря, разсчитывавшихъ эксплоатировать народныя волненія въ интересахъ замедленія крестьянской реформы [33]).

Въ 1858 г. центръ тяжести крестьянскаго вопроса переходитъ въ провинціи, въ губернскіе комитеты; въ столицахъ правительственная дѣятельность ослабѣваетъ, но за то литература, не смотря на всѣ цензурные тиски, ухитряется пустить въ оборотъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ надѣломъ [34]). Само собою разумѣется, что в. к. Константинъ Николаевичъ становится на сторону этого „раціональнаго" рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Въ 1859 г. открывается Редакціонная Коммиссія для составленія проекта положенія о крестьянахъ. Эта знаменитая Коммиссія, какъ извѣстно вынесла на своихъ плечахъ все бремя этого труднаго законодательнаго под-

---

30) См. н. Матеріалы II, 154.

31) См. тамъ же 174—175.

32) См. Русскую Старину 1886, № 2, стр. 375, и ниже главу I.

33) О томъ, какъ предполагали терроризовать высшія сферы слухами о народныхъ волненіяхъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и М. Н. Муравьевъ, см. ниже главу I, § 1.

34) Исторію вопроса о надѣлахъ см. въ главѣ II, § 3.

вига и всю злобу ожесточеннаго крѣпостничества, перешедшаго въ своихъ нападкахъ на Коммиссію всякія границы не только приличія, но и самой элементарной порядочности [35]).

В. к. Константинъ Николаевичъ не входилъ въ составъ Коммиссіи, но онъ оказалъ въ это время ей и, стало быть, дѣлу свободы, громадныя, хотя и не замѣтныя для публики услуги. „Дѣятели крестьянской реформы, читаемъ въ одной кавказской газетѣ, редактируемой сыномъ Н. А.—Ю. Н. Милютинымъ, постоянно болѣзненно чувствовали *необезпеченность* своего дѣла, которое такъ странно поражаетъ насъ, не могущихъ себѣ представить, что въ ту пору (1859—60 гг.) было еще вопросомъ, будутъ ли освобождены крестьяне, или все дѣло будетъ признано вредною затѣею. Въ это-то трудное время поддержка двухъ особъ императорской фамиліи, великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича, не разъ спасала дѣло. Какъ братъ и другъ императора Александра II, в. кн. Константинъ Николаевичъ много могъ влiять на успѣшный исходъ затрудненій, а чрезъ близкихъ ему людей (особенно А. В. Головнина) онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами Редакціонной Коммиссіи.—Обо всѣхъ опасностяхъ, тревогахъ и затрудненіяхъ сообщалось в. кн. Константину Николаевичу, и отъ него приходили ободренія, обѣщанія защиты, совѣты и предостереженія. Эта сторона дѣла, не оставившая слѣдовъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, составляетъ самую существенную заслугу великаго князя. Это мелочи, но эти мелочи охранили и выростили великое дѣло“ [36]).

Съ окончаніемъ работъ Редакціонной Коммиссіи и съ

---

35) Объ озлобленіи противъ Редакціонной Коммиссіи, какъ „очага красныхъ революціонеровъ“, см. въ главѣ I, § 3.

36) Газ. *Кавказъ* 1892 № 14.

переносомъ дѣла въ Главный Комитетъ началась для великаго князя Константина Николаевича новая стадія усиленныхъ трудовъ и чрезвычайныхъ заботъ о благополучномъ довершеніи крестьянскаго дѣла. Крѣпостническая партія напрягала всѣ усилія, чтобы добиться въ Главномъ Комитетѣ если не полнаго обезземеленія, что уже по духу времени казалось невозможнымъ, то возможно большаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ [37]). Фраза, употребленная во время прощальной аудіенціи Государя въ рѣчи, обращенной къ членамъ Редакціонной Коммиссіи („можетъ быть придется *многое* измѣнить") [38]), окрылила надеждами консервативную партію. Но за то, какъ вѣрно отмѣчаетъ лѣтописецъ этой Коммиссіи, чтобы *не* пришлось многое измѣнить, *постоялъ* уполномоченный довѣріемъ Государя в. кн. Константинъ Николаевичъ [39]).

Неожиданный случай пришелъ на этотъ разъ на помощь друзьямъ народа. На мѣсто князя Орлова, пораженнаго параличемъ наканунѣ открытія засѣданія Главнаго Комитета, предсѣдателемъ его былъ назначенъ великій князь. Понимая всю трудность и величіе выпавшей на его долю благородной миссіи, онъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ всѣми силами своей души. Всегда отличавшійся добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ [40]), на сей разъ отдалъ онъ

37) О взглядѣ крѣпостниковъ на надѣлъ см. въ главѣ I, § 2.

38) См. н. с. Семенова Освобожденіе крестьянъ 2 ч., III т., стр. 753.

39) Тамъ же.

40) М. И. Семевскаго поражали память и трудолюбіе в. к. Константина Николаевича. Каждое сколько нибудь важное дѣло, говоритъ онъ, изучаемо имъ было лично, не рѣдко безъ посредства докладчика, было ли то въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ главномъ присутствіи по воинской повинности, или, наконецъ, въ Общемъ Собраніи государственнаго совѣта. В. к. всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія съ дѣломъ. Видя иногда утомленіе въ лицѣ августѣйшаго предсѣдателя, говоритъ тотъ же свидѣтель,

на служеніе народному дѣлу всѣ отпущенныя ему природою богатыя природныя дарованія, оплодотворенныя блестящимъ образованіемъ, безостановочнымъ саморазвитіемъ и жизненнымъ опытомъ. Если въ предъидущей стадіи крестьянской реформы великій князь, въ качествѣ доброжелательнаго пѣстуна, охранялъ Редакціонную Коммиссію, какъ колыбель народной свободы, отъ многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, пользуясь главнымъ образомъ своимъ высокимъ положеніемъ, близостью своею къ трону, то теперь, вступая въ champ clos въ открытое единоборство съ корифеями крѣпостнической партіи, могъ положиться только на свои личныя силы и способности, на свое замѣчательное образованіе, даръ слова, способность къ усидчивому труду и удивительную память [11]). Кромѣ того онъ долженъ былъ возымѣть твердую рѣшимость принять ту горькую чашу тяжкихъ огорченій, клеветъ, на которыя были такъ щедры крѣпостники относительно всѣхъ крупныхъ дѣятелей крестьянской реформы [12]), отъ которыхъ далеко не защи-

---

мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ утомленія и узнавали, что наканунѣ до глубокой ночи Е. В. читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, при чемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ своей обширной библіотеки. Да, это былъ труженникъ государственный, заключаетъ Семевскій, труженникъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель, всею душею желавшій пользы и блага горячо любимой имъ Россіи". (Русс. Стар. 1892, № 2, стр. III).

[11]) Весьма часто было, разсказываетъ Семевскій, въ Главномъ Комитетѣ великій князь, остановивъ докладчика, самъ продолжалъ докладъ, съ поразительною ясностью излагая подробности спутанныхъ дѣлъ. (Тамъ же, стр. IV).

[12]) О смерти Ростовцева, вызванной ожесточенными нападками крѣпостниковъ, см. въ главѣ I, § 1. С. С. Ланской, павшій, по проискамъ реакціи, тотчасъ по обнародованіи Манифеста, не могъ перенесть своего неожиданнаго паденія (см. у Лероа-Болье см. н. с. главу III). О систематической травлѣ крѣпостниками Н. Л. Милютина, какъ „краснаго", см. главы I—III н. с. Лероа-Болье. Указывая на тѣ нападки, оскорбленія, и гоненія, коимъ иногда несправедливо подвергаются въ демократіяхъ общественные дѣятели, французскій публицистъ на примѣрѣ Н. А. Милютина показываетъ,

тило его высокое положеніе ни при жизни [43]), ни послѣ смерти.

Великій князь пошелъ на встрѣчу своему тяжкому, но завидному историческому жребію! Изучивъ еще раньше [44]) во всѣхъ подробностяхъ проектированное Редакціонною Коммиссіею поземельное устройство крестьянъ, великій князь Константинъ Николаевичъ употребилъ чрезвычайныя усилія, чтобы склонить въ его пользу Главный Комитетъ. Большинство Комитета было однако противъ, образуя нѣсколько группъ. Горячо и ясно доказывалъ великій князь, что, при осуществленіи предположеній гр. В. Н. Панина, у крестьянъ отойдетъ *одна треть* обезпечивающихъ ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ надѣ-

---

какъ часто и при другихъ формахъ правленія государственные люди, дѣйствующіе въ интересахъ народнаго блага, должны выносить молча всевозможныя горькія обиды и страданія, (стр. 35 н. с.).

43) Говоря о семейномъ, частномъ праздновaніи у вел. кн. въ 1886 г. юбилея великаго дня 19-го февраля—оффиціальное празднованіе, какъ извѣстно, не было разрѣшено—сенаторъ П. П. Семеновъ говоритъ: „свѣтелъ и радостенъ былъ в. к. Константинъ въ этотъ день; великодушно забылъ онъ все *тяжелое и горькое*, имъ пережитое въ трудную эпоху его дѣятельности; живо шла за столомъ бесѣда съ нами великаго князя, и ярко возстановляла его бойкая память одни свѣтлыя воспоминанія пережитаго, а особенно свѣтлы они были потому, что великій князь и въ старые года не утратилъ *пылкой вѣры* въ будущность русскаго государства и русскаго народа“. (Р. Ст. 1892 г., № 3, стр. 823).

44) В. к. Константинъ Николаевичъ,—говоритъ сенаторъ П. П. Семеновъ,—*одинъ* изъ всѣхъ членовъ Главнаго Комитета слѣдилъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта (составляемаго Редакціонною Коммиссіею) и при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головнина (впослѣдствіи министра народ. просвѣщенія) всегда зналъ все, что тамъ происходило. Этимъ объясняется то, что когда въ октябрѣ 1860 г. законопроектъ, составленный Редакц. Комм., былъ внесенъ въ Главный Комитетъ, то и изъ всѣхъ его членовъ, не исключая даже предсѣдателя коммиссіи гр. В. Н. Панина, великій князь ближе всѣхъ былъ знакомъ не только съ подробностями проекта, но и съ мотивами, руководившими его составителями, что было тѣмъ болѣе важно, что объяснительной записки Редакц. Коммиссія, вслѣдствіе *поспѣшности закрытія,* составить не успѣла. (См. тамъ же, стр. 817).

ловъ; что при предположеніяхъ М. Н. Муравьева будетъ отобрана у нихъ *большая половина* надѣловъ, а при предположеніи кн. П. П. Гагарина *три четверти*, и бытъ крестьянъ такимъ образомъ *улучшенъ не будетъ*. Все было напрасно. Корыстныя вожделѣнія дѣлали глухими ко всѣмъ доводамъ разума и общественной пользы—всѣ три меньшинства [45]).

Наконецъ, в. к. Константинъ Николаевичъ рѣшился на своего рода Геркулесовъ подвигъ: разубѣдить гр. Панина, дабы съ присоединеніемъ его голоса составить хоть большинство изъ пяти голосовъ. Это былъ необыкновенно смѣлый шагъ, потому что гр. Панинъ, не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій въ истинномъ значеніи слова, отличался необычайнымъ упрямствомъ въ своихъ предубѣжденіяхъ и даже завѣдомо ошибочныхъ взглядахъ [46]). „Никогда не изгладится изъ моей памяти, вспоминалъ на дняхъ сенаторъ П. П. Семеновъ, тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ послѣ двухъ-часовыхъ горячихъ споровъ [47]), происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось, наконецъ,

---

45) Тамъ же, стр. 814.

46) Черты самовластнаго упрямства гр. Панина см. въ главѣ I, § 2.

47) Споръ этотъ былъ доконченъ при комической и неприличной обстановкѣ (см. главу I), подробно описанной Н. П. Семеновымъ въ послѣдней части его Сборника (ч. 2, т. III, стр. 765—773). Гр. Панинъ настоялъ на отнятіи у крестьянъ сѣнокосовъ, отсутствіе которыхъ такъ вредно отразилось на хозяйствѣ ихъ. Мало того. Съ какимъ-то упрямствомъ взбалмошнаго маніака онъ оттягивалъ у П. П. Семенова, защищавшаго норму крестьянскихъ надѣловъ, установленную Редакціонными Коммиссіями, 1/2 десятины, 1/4 десятины (стр. 771), не понимая и не будучи въ состояніи понять, благодаря своему незнанію жизни и узко-бюрократическому воззрѣнію, какими неудобствами и затрудненіями должны были отразиться даже подобные ничтожные отрѣзки. (Въ письмѣ своемъ Н. А. Милютину отъ 25 сентября 1861 г. Ю. Ѳ. Самаринъ съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, какое тяжелое впечатлѣніе производили на народъ затѣянные гр. Панинымъ отрѣзки „полудесятинъ“—см. н. с. Лероа-Болье стр. 98, примѣч.).

убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства“ [48]).

Великій князь спасъ въ Комитетѣ и государственномъ совѣтѣ надѣлы, проектированные Редакціонною Коммиссіею, хотя и не вполнѣ [49]).

Императоръ Александръ II высоко цѣнилъ громадность услугъ, оказанныхъ в. кн. Константиномъ Николаевичемъ крестьянской реформѣ, и въ памятномъ засѣданіи государственнаго совѣта 28-го января 1861 года горячо благодарилъ его и цѣловалъ нѣсколько разъ [50]). „Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, писалъ Государь въ своемъ рескриптѣ 19-го февраля 1861 г., *какъ* дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ какъ В. И. В., такъ и *другіе* члены Главнаго Комитета“.

Въ тотъ же день этотъ временный комитетъ былъ переименованъ въ постоянный Комитетъ о сельскомъ состояніи, просуществовавшій до 1882 г. В. кн. Константинъ Николаевичъ во все это время былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Комитета и, насколько было возможно, охранялъ крестьянскую реформу отъ реакціи, наступившей уже съ апрѣля 1861 г....

Имя великаго князя Константина Николаевича неразрывно связано съ вѣчнопамятнымъ дѣломъ отмѣны крѣпостнаго состоянія крестьянъ. Имя дѣятелей его, говорилъ К. В. Чевкинъ въ 1860 года, будетъ „черезъ нѣсколько лѣтъ во святыхъ“ [51]). Предсказаніе не вполнѣ оправдалось, по крайней мѣрѣ, относительно времени. Даже тѣ,—освобожденные крестьяне,—которые наиболѣе

---

[48]) См. Русскую Старину 1892 г. № 13, стр. 820.

[49]) См. н. сб. Семенова ч. 2, т. III, стр. 762 о гагаринскомъ или „нищенскомъ“ надѣлѣ.

[50]) См. Матеріалы, III, 108.

[51]) См. тамъ же, томъ III, 102.

выиграли отъ освободительнаго акта, не знаютъ, благодаря своему невѣжеству, именъ дѣятелей его. Что же касается субъектовъ крѣпостнаго права, бывшихъ душевладѣльцевъ, то они, тоже по невѣжеству, хотя и менѣе извинительному, и донынѣ все еще изрыгаютъ хулу на этихъ доблестныхъ дѣятелей.

Но придетъ время, когда и эти слѣпцы уразумѣютъ, наконецъ, отъ какой нравственной болячки избавили ихъ дѣятели крестьянской реформы, освободивъ и ихъ отъ нравственной язвы владѣнія душами, которое, по мѣткому выраженію знаменитаго лѣтописца *Пошехонской старины втягивала „всѣхъ въ омутъ унизительнаго безправія“*. Тогда и крѣпостники благословятъ имена своихъ „благодѣтелей“, дѣятелей крестьянской реформы, которыхъ они нынѣ стараются смѣшать съ грязью...

Хочется вѣрить въ такое конечное торжество правды, какъ ни стары и многочисленны факты, ему противорѣчащіе. Хочется вѣрить, что, въ концѣ концовъ, имена тѣхъ „qui ont contribué au triomphe du bien“ [32]), имена безкорыстныхъ дѣлателей добра покроются не меркнущею славою.

Потребность такой вѣры въ силу добра такъ велика, что ей платятъ дань самые отважные скептики [33]). Да и какая была бы цѣна жизни безъ такой вѣры?!

---

32) E. Renan. Fenilles dettachées, p. 624.
33) Ibidem. préf. XV.

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Да на чредѣ высокой не забудетъ:
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!

Жуковскій

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ:
Такъ! но распутать ихъ легче народу...
Муза! съ надеждою привѣтствуй свободу!

Некрасовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.

(Справка къ 5-му марта 1861—1891 гг.)

Значенье крѣпостнаго права въ русской жизни было универсально. Это право обусловливало всѣ стороны быта. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи.

Иванюковъ.

I.

Не только въ исторіи Россіи, но и въ лѣтописяхъ всемірной исторіи не много найдется дней, съ которыми соединялось бы такое «радостное» и возвыщающее душу настроеніе, какъ съ незабвеннымъ днемъ 5-го марта 1861 года. Каковы бы ни были недостатки Положеній о крестьянахъ, въ памяти людской навсегда сохранится благодарное воспоминаніе о свѣтломъ днѣ, когда великій законодательный актъ 19-го февраля получилъ окончательную законодательную санкцію [1]) и «юридическое знаменованіе»,

[1]) Законъ, гласитъ ст. 59 нашихъ Основ. Законовъ, получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня объявленія.—Въ исторіи нашего новаго законодательства извѣстенъ случай необнародованія, по измѣнившимся обстоятельствамъ, утвержденнаго верховною властью закона, который, такимъ образомъ, eo ipso потерялъ силу закона, благодаря необнародованію (см. L'empire des Tzars par Leroy-Beaulieu. Paris. 1882 т. II, p. 598.

вслѣдствіе опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе. Въ этотъ день съ церковнаго амвона былъ читанъ знаменитый Высочайшій манифестъ 19-го февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, заканчивавшійся извѣстными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго» [2]).

Объявленіе воли, т. е. торжественное чтеніе достопамятнаго акта, даровавшаго личную свободу и элементарныя человѣческія права 25-ти милліонамъ народа, судя по свидѣтельству современниковъ-очевидцевъ, далеко не произвело на непосредственныхъ слушателей впечатлѣнія, соотвѣтствующаго величію и торжественности грандіознаго историческаго момента, который они имѣли счастье переживать. Объясняется это отчасти тогдашнимъ тревожнымъ настроеніемъ, главнымъ же образомъ тѣмъ, что слогъ манифеста, вдобавокъ довольно объемистаго (онъ занимаетъ 6 печатныхъ страницъ большаго формата) «былъ тяжелъ и мало понятенъ для народа» [3]). Когда окончилось чтеніе, пишетъ Д. Г. Щербачевъ, одинъ изъ свидѣтелей чтенія манифеста въ Петербургѣ, и всѣ стали выходить изъ церкви, замѣтно было «на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе». Словомъ, первое впечатлѣніе манифеста было смутно-неопредѣленное и далеко не «радостное». Формальный тонъ манифеста, отзывавшійся оффиціальною реторикою, его черствая дѣловитость, въ которой немногія теплыя слова—«уваженіе къ человѣческому достоинству и христіанская любовь»—незамѣтно терялись, заглушались, тонули въ массѣ сухихъ подробностей и мало вразумительныхъ постановленій объ устройствѣ матеріальнаго быта крестьянъ, совершенно не шла къ возвышенно-радостному настроенію, подобавшему великому дню провозглашенія паденія рабства въ Россіи, дню котораго лучшіе ея люди [4]) давно уже ждали съ безотрадною тоскою и сердечнымъ томленіемъ:

---

[2]) См. второе полн. собр. Зак. Росс. Имперіи, т. XXXIV, № 36, 650.

[3]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ *Русскомъ Архивѣ*, 1891 г., № 1, стр. 76.

[4]) Карамзинъ во вторую половину своей дѣятельности усвоилъ, какъ пишетъ Валуевъ, „взглядъ на дѣла управленія—царедворческой того вре-

Увижу-ль я, друзья, народъ освобожденный,
И рабство павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря!...

Многіе, въ томъ числѣ и авторъ этихъ стиховъ, равно какъ и его сверстники, дѣятели 20-хъ годовъ, а также и «властитель думъ» 40-хъ годовъ, Бѣлинскій, такъ и не сподобились видѣть этотъ свѣтлый день, но, говоря словами того же поэта.

...Не пропалъ ихъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе!...

Осуществленіе этой вѣковой думы и мечты передовой части русскаго общества и возвѣщалъ манифествъ 19 февраля, хотя и тономъ, несоотвѣтствовавшимъ этому «радостному» событію.

Само собою разумѣется, что такой тонъ и редакція манифеста не были дѣломъ случайности. Ключъ къ разъясненію этого обстоятельства лежитъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ послѣднюю стадію законодательныхъ работъ по крестьянской реформѣ.

6-го февраля 1860 г. умеръ Я. И. Ростовцевъ, знаменитый предсѣтатель Редакціонной Коммиссіи, вложившій въ дѣло освобожденія всю свою душу и, почти можно сказать, пожертвовавшій жизнью [5]) за «святое дѣло». Пока былъ живъ Ростовцевъ,

---

мени. Возгласы на счетъ крестьянъ „худо платящихъ оброкъ господамъ" (выраженіе изъ писемъ Карамзина) не сопровождаются никакимъ знакомъ какого-бы то ни было *участья* къ низшимъ классамъ народа", что Валуевъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время Россія кончалась XIV классомъ по табели о рангахъ — (см. Дневникъ П. А. Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11 страница 395.

5) Предсмертная болѣзнь Ростовцева (желчная лихорадка) была вызвана чрезмѣрнымъ увлеченіемъ благородною миссіею, выпавшею на его долю. Сдѣлавшись мишенью самыхъ злостныхъ и наглыхъ нападокъ со стороны крѣпостниковъ, Ростовцевъ — натура воспріимчивая и пылкая — не вынесъ этихъ безчисленныхъ уколовъ и клеветъ себялюбивой знати.—Какъ бы предвидя неизбѣжность самопожертвованія этотъ, въ общемъ далеко не геройскаго закала, человѣкъ такъ проникся величіемъ и трудностями своей задачи, что говоривалъ не разъ: „я иду на крестную смерть", „я готовъ сложить голову на плахѣ" и т. п. (см. Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. права. Берлинъ. 1860, т. I, 380 и II, 256, а также рѣчь П. П. Семенова въ *Русской Старинѣ*, 1892, № 3)

безчисленныя клеветы и чудовищныя обвиненія, сыпавшіяся на Редакціонную Коммиссію изъ лагеря крѣпостниковъ, были нейтрализуемы вліяніемъ ея предсѣдателя. Неограниченное довѣріе, питаемое императоромъ Александромъ II къ Ростовцеву служило для Коммиссіи щитомъ, ограждавшимъ ее отъ самыхъ яростныхъ и беззастѣнчивыхъ нападокъ, какъ ни были властны сферы, изъ которыхъ онѣ исходили. Смерть Ростовцева, если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ Редакціонной Коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами реакцію, входившую въ силу уже съ конца 1859 г. [6]).

Избраніе преемника Ростовцеву должно было служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія дальнѣйшей судьбы принятаго въ Редакціонной Коммиссіи при Ростовцевѣ плана освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Ни одинъ изъ сановниковъ, считавшихся искренно сочувствующими дѣлу освобожденія (гр. П. Д. Киселевъ, С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и др.) [7]) не заняли мѣста Ростовцева. Не попалъ также и М. Н. Муравьевъ, который, хотя и былъ въ душѣ противникомъ освобожденія, но считался способнымъ, по соображеніямъ оппортюнизма, пойти на сдѣлку, но вмѣстѣ съ тѣмъ считался человѣкомъ ненадежнымъ и способнымъ нарушить данное обѣщаніе [8]).

---

[6]) См. н. с. Иванюкова, глава XX.

[7]) См. Освобожденіе крестьянъ—Н. П. Семенова. Спб. 1890 г., т. II, стр. 630 и слѣд.

[8]) См. н. с. Семенова, стр. 631.—Валуевъ въ дневникѣ своемъ называетъ Муравьева „государственнымъ хамелеономъ“ и приводитъ тому подъ 1860 г. рядъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ личныхъ сношеній съ Муравьевымъ, при которомъ онъ служилъ. Въ 1859 г. въ началѣ дѣятельности редакціонныхъ комиссій Муравьевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освободительной программы Ростовцева. Членъ редакціонной коммиссіи М. П. Позенъ, по разсчету Муравьева, долженъ былъ нанести смертельный ударъ (coup de poignard) Ростовцеву (см. Русск. Стар. 1891, № 8, стр. 278). Но впослѣдствіи, когда Ростовцевъ вошелъ въ полное довѣріе и силу, Муравьевъ говорилъ о немъ: быть можетъ, Богъ сохранитъ Якова Ивановича для Россіи (Русская Старина, 1891, № 10, стр. 149). Описывая подобострастное преклоненіе Муравьева предъ шефомъ жандармовъ, кн. В. А. Долгоруковымъ, Валуевъ, между прочимъ, указываетъ, что не только въ словахъ и жестахъ, но въ самомъ си-

II.

Предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи былъ назначенъ гр. В. Н. Панинъ, старый министръ юстиціи николаевскихъ временъ, буквоѣдъ-законникъ [9]), бюрократъ до мозга костей, формалистъ, рутинеръ (въ теченіе 30-ти лѣтъ управленія министерствомъ гр. Панинъ не ввелъ ни одной реформы), вдобавокъ педантъ-мизантропъ, брюзга и деспотъ-самодуръ, съ которымъ личныя отношенія были крайне непріятны. Вотъ, что̀ такое былъ новый

дѣньи выражалъ Муравьевъ свое подобострастіе, сидя на стулѣ en trois quarts или по-польски: w pol dupka (Русск. Старина, 1891 г., № 11, стр. 416). Ханъ, бекъ, мирза, паша, мандаринъ—все, что угодно, говоритъ Валуевъ о Муравьевѣ, только не министръ (тамъ же, № 10, стр. 148). Для характеристики „дѣловитости" Муравьева Валуевъ между прочимъ пишетъ: ген. Муравьевъ и кн. Долгоруковъ вмѣсто памятованія своихъ „принциповъ" (кавычки подлинника) робѣютъ предъ мыслью, что „могутъ сказать" (к. п.). Государю, что „они даютъ мало земли крестьянамъ" (к. п.). Они — до того поверхносты и легкопядны, продолжаетъ Валуевъ, что совершенно забыли, что коммиссія установила двѣ нормы—высшую и низшую, и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою и имъ *виднѣе* (курсивъ подл.), чѣмъ низшая, напечатанная второй (sic—безъ всякаго преувеличенія прибавляетъ Валуевъ въ скобкахъ). Они для исправленія проекта „грабительствующихъ", по ихъ мнѣнію, коммиссій, готовы грабительствовать болѣе ихъ и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ коммиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интерессахъ помѣщиковъ" (см. тамъ же, № 11, стр. 420). Для характеристики самого автора дневника небезъинтересно слѣдующее его мѣсто. Онъ считалъ scandalum magnum то обстоятельство, что Панинъ, при содѣйствіи Тонильскаго, Н. П. Семенова (автора н. сборника «Освобожд. крестьянъ) и К° въ нѣсколько дней произвольно переработывали цифры надѣла, выработанныя Редакц. Коммиссіею путемъ сложныхъ и продолжительныхъ вычисленій (тамъ-же, стр. 426). Между тѣмъ самъ же Валуевъ, „получивъ приказаніе отъ Муравьева пересоставить (но самымъ шаткимъ основаніямъ) цѣлую главу проекта Редак. Комм." не преминулъ исполнить желанія своего начальства, и кромѣ, на скорую руку составилъ новую систему повинностей (тамъ-же, стр. 414—415).

[9]) См. Характеристическій очеркъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 665 и слѣд., а также въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа" стр. 9 - 10. Въ помянутой характеристикѣ г. Семеновъ между прочимъ

председатель! Но не эти качества были причиною того общаго смущенія [10]) и неудовольствія, которыя вызвало среди членовъ Редакціонной Коммиссіи назначеніе гр. Панина, а главнымъ образомъ репутація его, какъ завзятаго крѣпостника съ феодально-аристократическими тенденціями. Назначеніе гр. Панина считалось побѣдою реакціонной партіи, хотя, съ другой стороны, было извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ, какъ, за меньшее изъ золъ, высказался передъ своею смертью [11]), за назначеніе гр. Панина,

---

упоминаетъ, что гр. Панинъ, получивъ должность министра юстиціи, взялъ двухмѣсячный отпускъ и въ это время прочелъ отъ доски до доски весь только что вышедшій Сводъ Законовъ, а два тома (гражданскіе и уголовные законы) выучилъ *наизусть* (стр. 666). Примѣнялъ же онъ ихъ съ сухою жестокостью истаго буквоѣда и „кнутофила" (по мѣткому выраженію нашего ученаго г. Ровинскаго см. ниже главу III). На стр. 22 — 23 моихъ „Основъ судебной реформы" указанъ случай, въ которомъ гр. Панинъ не согласился дать сенатскому ходатайству *о замѣнѣ* малолѣтнему преступнику 100 ударовъ розгами 50-ю, признавъ что уже замѣною, въ силу закона, плетей розгами, чаша милосердія была исчерпана до дна.

[10]) Члены Редакц. Коммиссіи такъ были смущены, что собирались подать въ отставку, отъ которой оттоворилъ ихъ великій князь Константинъ Николаевичъ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 586, 695). Выборомъ гр. Панина, богатаго землевладѣльца, очевидно имѣлось въ виду дать удовлетвореніе партіи крѣпостнической, консервативной. Уступка въ лицѣ должна была компенсировать настойчивость въ дѣлѣ проведенія крестьянской реформы въ духѣ народной или либеральной программы. Эта система двойнаго равновѣсія или окраски въ полутоны характеризовала правительственную систему и въ послѣдующее время: полтора мѣсяца спустя послѣ изданія Положеній 19-го фрвраля, смѣщаются безъ прошенія главные двигатели ихъ Н. А. Милютинъ и С. С. Ланской, и дѣло проведенія реформа передается въ руки равнодушнаго къ ней, если не прямо враждебнаго П. А. Валуева, писавшаго записки для М. Н. Муравьева направленныя противъ проектовъ Редакц. Комм. (см. выше примѣч., 8). То же самое было и при судебной реформѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи новаго суда министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ приносится въ жертву, главный виновникъ его открытія, и мѣсто его, въ видахъ смягченія точнѣе извращенія духа реформы, замѣщается противникомъ судебной реформы — гр. Панинымъ. Леруа-Болье, внимательно изучившій наши учрежденія, въ этой двойственности видитъ главную причину неудачи нашихъ реформъ (см. н. с. его т. II и IV, а также его Un homme d'état russe, chapitre III).

[11]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 632—633.

полагая, что онъ не постѣсниться дѣйствовать и вопреки своимъ политическимъ нравственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ [12]).

Предоставленіе руководства дѣломъ освобожденія крестьянъ человѣку, въ душѣ ему не сочувствовавшему, но обязанному оффиціально ему содѣйствовать, создавало уже само по себѣ двусмысленное положеніе, помимо личныхъ особенностей гр. Панина. На мѣсто прежняго живаго, теплаго сердечнаго отношенія къ «святому» дѣлу, проявлявшагося при Ростовцовѣ [13])

---

12) Когда гр. Панинъ, убѣжденный крѣпостникъ, согласился принять постъ предсѣдателя Редакц. Коммиссіи съ обязательствомъ вести работы ихъ въ прежнемъ направленіи, т. е. противно своимъ убѣжденіямъ, то въ объясненіе своего поведенія онъ говорилъ великому князю Константину Николаевичу слѣдующее: „у меня есть убѣжденія, *сильныя убѣжденія* (??). Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ Государя Императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно *наперекоръ* съ тою и даже большею энергіею, какъ если-бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Адм. Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: „Это самая полная защита низости, какую и когда либо слышалъ“. Другіе отозвались объ этомъ credo, прибавляетъ Валуевъ, такъ: „Панинъ былъ правъ“ (см. дневникъ Валуева, Р. С. 1889, № 11, стр. 150)... Гр. В. Бобринскій уклонился отъ предложеннаго ему Александромъ II званія члена редакц. коммиссіи, такъ какъ было поставлено тоже условіе, что и гр. Панину, а именно отказъ отъ права подачи собственнаго, отдѣльнаго мнѣнія. Когда гр. Бобринскій объяснилъ гр. Панину свой образъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью отклоненіе отъ подписанія мнѣній, несогласныхъ съ его убѣжденіемъ, тотъ наивно возразилъ: „да это осужденіе всей моей дѣятельности. Я всю жизнь подписывалъ вещи, не согласныя съ моими убѣжденіями“. (Тамъ-же, стр. 153). — Великая княгиня Елена Павловна, сильно сочувствовавшая освобожденію крестьянъ и пораженная выборомъ гр. Панина, крѣпостника, выразила свое удивленіе Государю. На это онъ отвѣчалъ: „да вы не знаете гр. Панина, его убѣжденіе—это точное исполненіе моихъ приказаній“. (Leroy-Beaulieu—Un homme d'état russe. Paris. 1884, p. 56).

13) Ростовцевъ, будучи, до поѣздки своей за границу, какъ и почти всѣ петербургскіе чиновники, диллетантомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, относился къ нему съ большою сердечностью. Развивая въ 1858 г. въ письмахъ къ Государю свой планъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, Ростовцевъ полагалъ, что если командировать въ провинцію нѣсколько

крестьянская реформа получала сухой казенный [14]), угрюмый, мрачный колоритъ, да, именно мрачный, и вотъ почему.

Гр. Панинъ вмѣстѣ съ высшимъ дворянствомъ [15]), вопреки мнѣнію Ростовцева, стоявшаго горою за «раціональное, а не палліативное» рѣшеніе вопроса, боялся народа и считалъ опаснымъ предоставить ему настоящую свободу, т. е. освободить съ землею и совершенно упразднить помѣщичью юрисдикцію и предоставить крестьянамъ самоуправленіе.

Желая затормозить крестьянскую реформу, крѣпостники частью старались запугать высшее правительство завѣдомо преувеличенными страхами революціи вообще и народныхъ волненій въ частности, частью сами боялись ихъ bona fide [16]).

флигель-адъютантовъ и др., то Россія будетъ *блаженствовать* (sic). Въ этомъ наивномъ взглядѣ невольно усматриваетъ теплое, сердечное отношеніе къ дѣлу (см. н. Матеріалы II, 160).

[14]) Первымъ дѣломъ гр. Панина было, какъ только онъ сдѣлался председателемъ Редакц. Коммиссіи приведеніе въ ясность, въ какого рода шкафахъ хранятся дѣла, какъ они опечатаны и пр. Затѣмъ онъ прика влъ чтобы ему были оказаны „секретныя" дѣла. Ихъ не оказалось въ Коммиссіи. Но гр. Панинъ все не унимался, будучи убѣжденъ что по изстари заведенному порядку безъ секретныхъ дѣлъ не можетъ обойтись раціональное дѣлопроизводство. Для успокоенія гр. Панина секретарь коммиссіи, П. (нынѣ сенаторъ, братъ автора сб. Осв. Крест.) П. Семеновъ, собралъ какія-то дѣла и назвалъ, ad majorem gloriam бюрократической эстетики, секретными. (Матеріалы, II). Это пристрастіе къ канцелярскимъ тонкостямъ не покидало гр. Панина до конца. У него хватило духу и догадливости въ такой торжественный моментъ, какъ закрытіе Редакціонной Коммиссій, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ, подробно распространяться о числѣ писцовъ, о расходованіи оставшагося отъ нея неупотребленнымъ матеріала и т. п. столь же важныхъ, интересныхъ и умѣстныхъ предметахъ государственной важности. (См. н. с. Семенова, III, ч. 2, стр. 808—809).

[15]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 69.

[16]) Валуевъ заноситъ въ свой дневникъ слова М. Н. Муравьева: „На Высшую Власть нужно дѣйствовать страхомъ опасности. Не слѣдуетъ говорить, что опасность грозитъ именно отъ демократіи, а вообще нужно говорить объ опасности... Если пройдутъ заключенія ред. ком. я буду молчать, но революція у насъ неизбѣжна" (Р. Ст. 1891, № 9, стр. 147) Такого же мнѣнія держался и шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ предрекавшій революцію въ виду неудовольствія дворянства (см. Русс. Стар. 1891, № 14, стр. 412), а изъ Москвы въ началѣ января 1860 года

Нѣкоторое внѣшнее правдоподобіе этимъ мрачнымъ предсказаніямъ придавало то естественное возбужденное состояніе, въ которомъ должно было находиться и дѣйствительно находилось крѣпостное населеніе въ послѣдніе годы предъ объявленіемъ воли. Хотя значенье этого факта, совершенно неправильно истолковывалось сторонниками вотчинной полиціи, но самый фактъ возбужденности населенія не подлежалъ сомнѣнію. Еще въ концѣ Николаевскаго царствованія, благодаря невѣрному истолкованію указовъ 3-го апрѣля 1854 г. о морскомъ ополченіи и 29-го января 1854 г. о народномъ ополченіи, были волненія во многихъ губерніяхъ, вызванныя тѣмъ, что являлась масса желающихъ поступить въ ополченіе, надѣясь этимъ путемъ добиться воли. Дѣло дошло до того, что рязанскіе крестьяне, считая мѣстныя власти подкупленными помѣщиками, собрались было идти на Москву. Вооруженные дубинами и желѣзными пиками, они на вопросъ становаго, что они за люди, отвѣчали угрозами, чтобы онъ ѣхалъ прочь или они убьютъ его. Пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, чтобы вернуть крестьянъ обратно. Движенія крестьянъ хотя и не столь серьезныя были также въ Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и др. губерніяхъ [17]).

Съ новымъ царствованіемъ и въ особенности съ обнародованіемъ первыхъ рескриптовъ стала циркулировать въ народѣ масса темныхъ слуховъ, и увеличились толки о предстоящей въ скоромъ времени волѣ. «Народъ нашъ скрытенъ и легковѣренъ, писалъ оренбург. ген.-губ. въ 1859 г. Нѣтъ нелѣпаго слуха, который не могъ бы взволновать его. Въ прошломъ году цѣлыя селенія бѣжали изъ домовъ отъ страха нападенія коканцевъ, отстоящихъ отъ волновавшихся мѣстъ болѣе, чѣмъ на 2000 верстъ. Теперь волнуютъ простолюдиновъ слухи о появленіи... антихриста. Еще въ минувшемъ мѣсяцѣ ходила молва, что въ гнѣвѣ на откупщиковъ царь позволяетъ бить кабаки, но что это только начало и что, покончивъ съ откупомъ, примутся и за помѣщиковъ» [18]).

доходили извѣстія, что тамъ ожидаютъ катастрофы въ теченіе года. (См. Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 147).

[17]) См. н. Матеріалы I, 80.

[18]) См. письма Катенина къ Ростовцеву во II т. н. с. Семенова, стр. 24.

Въ настоящее время,—писалъ тверской комитетъ въ 1859 г.,— надежды крѣпостнаго населенія перешли въ нетерпѣливое ожиданіе. Сначала народъ считалъ оставшееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни: такъ, въ продолженіе прошлаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ народѣ слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго Воскресенья, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ [19]).

С. С. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 1859 г., писалъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о состояніи умовъ въ народѣ вообще: «Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу. Съ самаго восшествія Вашего на престолъ, народная молва, время отъ времени, назначаетъ то тотъ, то другой день манифеста объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ настоящее время этотъ срокъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается въ день рожденія и празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника» [20]).

Заслуживаетъ вниманія та особенность этого народнаго возбужденія, что оно съ удивительной выдержкою держалось въ границахъ законности. Причиною этого явленія была *гласность*, допущенная съ 1858 г. Какъ только министерство циркуляромъ отъ 5-го февраля 1858 г. разрѣшило напечатаніе рескриптовъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, прекратились циркулировавшіе дотолѣ толки о томъ, что помѣщики скрываютъ указъ о волѣ. Затѣмъ водворилось среди крестьянъ полное небывалое дотолѣ спокойствіе [21]).

Считая лихорадочное возбужденіе народа болѣе или менѣе доказаннымъ, либеральная и консервативная партіи, боровшіяся

Въ это же время началось въ народѣ движеніе противъ пьянства, сначала поддержанное было духовенствомъ, но впослѣдствіи подавленное благодаря проискамъ откупщиковъ (см. Матеріалы т. XI, 180).

19) См. Полож. тверскаго комитета, стр. 2. Обзора основаній.

20) См. т. I н. с. Семенова, стр. 832.

21) См. Матеріалы I, 174—175.

около крестьянской реформы, дѣлали изъ этого факта противоположные выводы. Ростовцевъ, выражавшій мнѣніе первой, полагалъ, что спасти Россію отъ потрясеній возможно только путемъ *радикальнаго* [22]) рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденіемъ крестьянъ съ землею и съ полнымъ упраздненіемъ вотчинной полиціи, помѣщичьей власти.

«Если одиннадцать (съ женщинами 22) милліоновъ жителей, писалъ Ростовцевъ Александру II [23]), тѣшимые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждою на свободу и на улучшеніе своего состоянія, будутъ *обмануты*, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти и неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, то Россія не будетъ спасена» [24]).

Въ подтвержденіе той мысли, что разрѣшеніе крестьянской реформы не усилитъ, а уничтожитъ возбужденіе умовъ въ народѣ, либералы ссылались также и на данныя уголовной статистики. Въ 40-хъ годахъ были особенно часты убійства крестьянами ихъ господъ: въ одной изъ западныхъ губерній въ теченіе

---

[22]) Въ литературѣ, въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о радикальномъ или постепенномъ освобожденіи крестьянъ трактовался на всѣ лады. Американскій экономистъ Кери на обѣдѣ у Донона лѣтомъ 1859, намекая на крестьянскую реформу, въ назиданіе своихъ слушателей говорилъ такъ: „Будемъ учиться у природы. Когда она желаетъ добра человѣку, дѣйствуетъ постепенно: она ниспосылаетъ росу, лѣтніе дожди, солнечное тепло. Когда она стремится къ разрушенію, дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясеніе“. На это кн. Черкасскій отвѣчалъ: „женщина беременна въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ“ (см. Русс. Стар. 1891, № 9, стр. 556. Не лишено назидательности, что однимъ изъ самыхъ горячихъ *поборниковъ радикализма* былъ въ это время М. Н. Катковъ въ своемъ *„Русскомъ Вѣстникѣ“*. *Всякое уклоненіе и замедленіе* въ подобномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе, писалъ, когда оно почувствовано и заявлено, пагубно для всѣхъ сторонъ и для самого общества (Русск. Вѣстн. 1860, февраль).

[23]) См. письмо отъ 23 октября 1859 въ прилож. 4, т. II н. с. Семенова, стр. 929.

[24]) Съ членами редакц. коммиссіи Ростовцевъ былъ еще откровеннѣе и прямо указывалъ, что въ случаѣ обезземеленія крестьянъ Россіи грозитъ „пугачевщина“ см. прот. зас. 23 ноября 1859 г. въ кабинетѣ больнаго Ростовцева, стр. 254 н. с. Семенова, т. II.

двухъ лѣтъ было одиннадцать убійствъ. Незадолго предъ освобожденіемъ крестьянъ, какъ только пронесся первый благовѣстъ о предстоящей волѣ, убійства вовсе прекратились, не смотря на сильное возбужденіе умовъ: до поднятія крестьянскаго вопроса среднее число убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни одного случая убійства [25]).

Другая (консервативная) партія держалась противоположнаго взгляда. Она полагала, что предоставленіе свободы народу, въ теченіе многихъ вѣковъ жившему подъ крѣпостнымъ правомъ, должно опьянить его, вскружить ему голову и повести къ волненіямъ, а то и прямо къ анархіи, а потому стояла за постепенность освобожденія (кн. Менщиковъ проектировалъ 75-ти лѣтній срокъ, другіе полагали свободу даровать хорошимъ ученикамъ, въ видѣ награды), за сохраненіе хоть части прежней помѣщичьей юрисдикціи и освобожденіе безъ земли. По убѣжденіямъ своимъ графъ Панинъ принадлежалъ къ этой крѣпостнической партіи, тогда какъ огромное большинство Редакціонной Коммиссіи, въ составѣ которой продолжали оставаться главные ея вдохновители: Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, кн. В. А. Черкасскій и Д. Ѳ. Самаринъ, продолжали держаться программы либеральной партіи.

Какой образъ дѣйствій приметъ новый предсѣдатель при исполненіи своей трудной миссіи?

Личный тактъ, умѣнье ладить съ людьми и привлекать ихъ своею обходительностью могли бы нѣсколько облегчить щекотливую роль гр. Панина, обязаннаго устраивать мирные компромиссы. Но именно личныя качества его такъ мало соотвѣтствовали этой роли, что положеніе его въ коммиссіи во все время ея существованія было неблагодарное и тяжелое, иногда комичное, а подчасъ просто невыносимое, даже унизительное.

Типичный представитель старой бюрократической системы, знакомый съ жизнью только чрезъ груды бумажнаго производства и чрезъ окно своего кабинета (онъ даже съ своимъ alter-ego Топильскимъ сносился занумерованными бумагами), гр. Панинъ вдругъ сталкивается съ столь труднымъ и сложнымъ вопро-

[25]) См. н. Матеріалы, I, 174.

сомъ [26]), какъ крестьянскій. Магнатъ-деспотъ, привыкшій всю жизнь смотрѣть на людей только съ точки зрѣнія «кастовыхъ» отличій и табели о рангахъ [27]) и слышать около себя одно лишь подобострастное: «такъ точно!»—вдругъ лицомъ къ лицу сталкивается, въ составѣ Редакціонной Коммиссіи, съ людьми новаго образа мыслей и дѣйствій, которые вовсе не спѣшатъ выставить на показъ свою политическую и нравственную пустопорожность, свои молчалинскія добродѣтели, а напротивъ осмѣливаются горячо отстаивать свои убѣжденія. Человѣкъ, привыкшій мѣнять свои убѣжденія по мѣрѣ надобности начальства и въ свою очередь превращавшій своихъ приближенныхъ въ простыя пѣшки запуганной и безотвѣтной исполнительности,—вдругъ на старости лѣтъ узнаетъ, что не только между «порядочными» людьми «высшей касты» [28]) (т. е. богатыми аристократами), но и между небогатыми людьми, съ маленькими чинами и даже безъ чиновъ, встрѣчаются лица съ твердыми, дорогими для нихъ убѣжденіями, которыя они не приносятъ въ жертву соображеніямъ карьеры. Эти «смѣльчаки» дерзаютъ говорить «нѣтъ», тамъ, гдѣ гр. Панинъ говоритъ «да», и на оборотъ. Ему, привыкшему говорить и слышать: только почтительное «слушаю-съ», кажется, что онъ ослышался... Онъ вторично развиваетъ свои предложенія, и что же? члены Коммиссіи вторично не соглашаются съ нимъ—съ самимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, гр. Пани-

---

26) Иногда членамъ коммиссіи стоило неимовѣрныхъ трудовъ разъяснить Панину самые незамысловатые практическіе вопросы см., напр., стр. 728—729 н. с. Семенова, т. II. Гр. Панинъ, пишетъ г. Семеновъ, какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію *имъ* задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія и даже по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, никогда не могъ представить себѣ указанныхъ препятствій см. н. с. Семенова, т. II, стр. 672.

27) О дореформенномъ времени Валуевъ въ дневникѣ пишетъ: Россія тогда кончалась XIV классомъ. Ниже этой степени, кромѣ солдатъ, которые имѣли колективное, машинное значенье и купцовъ, представлявшихъ родъ промышленной прислуги, *ничего* не было—только скорлупа, въ которой вмѣщалось 14-ти гранное зерно. (Русс. Стар. 1891, № 11. стр. 325.

28) См. выше въ примѣч. 10 о разговорѣ гр. Панина съ гр. Бобринскимъ.

нымъ [29]). Диву долженъ былъ даться этотъ чудакъ-мизантропъ,— проведшій всю жизнь среди бумагъ и искавшій эквивалента семейныхъ радостей и общественной жизни въ кругу попугаевъ «порѣчистѣе», говорившихъ, какъ люди, и людей «посмирнѣе, говорившихъ какъ попугаи, въ родѣ его, правой руки М. И. Топильскаго [30]), — когда судьба столкнула его съ независимыми людьми этого новаго типа, которые не только высокопоставленнаго предсѣдателя не слушаются и не боятся, но даже, horribile dictu! и отъ орденовъ отказываются [31]). Словно впервые, послѣ сороколѣтней государственной службы, гр. Панинъ вышелъ изъ душной канцелярской атмосферы на вольный

29) Съ особенною силою сказалось это въ засѣданіяхъ 6 и 8 апрѣля, когда гр. Панинъ употреблялъ страшныя усилія, чтобы сломить сопротивленіе Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго и солидарнаго съ ними большинства и добиться отмѣны рѣшеннаго при Ростовцевѣ *кореннаго* вопроса о безсрочности пользованія крестьянами землею до выкупа ея. Непосредственно подчиненный гр. Панину оберъ-прокуроръ Н. М. Любощинскій († 1890 г.) ни однимъ словомъ не поддержалъ своего раздраженнаго оппозиціею начальника. За то самымъ горячимъ сторонникомъ его мнѣнія выступилъ другой оберъ-прокуроръ, Н. П. Семеновъ, авторъ цитуемой не разъ книги, котораго кн. Черкасскій упрекнулъ тогда же въ отступленіи отъ прежняго взгляда. — Несмотря на убійственную сухость протоколовъ г. Семенова въ этихъ засѣданіяхъ, и въ нихъ достаточно отражается незавидная роль гр. Панина. (См. т. III, н. с. Семенова, стр. 2—23 и 69—85). Г. Семеновъ и теперь усиливается оправдать гр. Панина, но лучшимъ доказательствомъ тому, что со стороны гр. Панина это было сознательное стремленіе повергнуть дѣло вспять, служитъ отмѣтка въ дневникѣ Валуева отъ 6 апрѣля 1860: „гр. Панинъ, пишетъ онъ, хотѣлъ *опрокинуть* начало постояннаго пользованія, но долженъ былъ уступить“. (См. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 394).

30) См. характеристику Панина въ наз. соч. Семенова, т. II, стр. 672. Приближенные графа Панина въ сношеніяхъ съ нимъ не только теряли всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и чувство человѣческаго достоинства. (См. разговоръ Н. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Семенева, т. II, стр. 692).

31) М. И. Сухомилиновъ напечаталъ письмо къ гр. Панину Ю. Ѳ. Самарина, при которомъ онъ возвратилъ пожалованный орденъ Владиміра 3 ст., ссылаясь на то, что принятіе ордена можетъ дать поводъ къ неправильному истолкованію дѣятельности его по крестьянской реформѣ. (См. Истор. Вѣстн. 1885, № 1, стр. 77—79).

C. d

воздухъ и впервые въ Редакціонной Коммиссіи увидѣлъ людей безъ преломленія ихъ сквозь призму табели о рангахъ. Тутъ-то у него вырвалась знаменательная фраза: «нѣтъ, надо признаться время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно» [32]).

Впрочемъ, и помимо личныхъ свойствъ новаго предсѣдателя, самая неопредѣленность и шаткость крестьянскаго дѣла въ 1860 г. создавала «переходное состояніе» [33]), съ которымъ не легко было справиться и человѣку, болѣе проницательному и обходительному, нежели гр. Панинъ.

Съ одной стороны ему оказывалось высшею властью «непостижимое довѣріе» [34]), съ другой—велѣно было ему сохранить прежнее направленіе [35]) въ работахъ Редакціонной Коммиссіи, которая оказывала ему упорное сопротивленіе. Единомышленники гр. Панина съ своей стороны требовали, чтобы онъ положилъ преграду слишкомъ далеко зашедшимъ друзьямъ «Колокола» [36]) т. е. членамъ Редакціонной Коммиссіи, которыхъ единомышленникъ гр. Панина М. Н. Муравьевъ называлъ, безъ обиняковъ «грабителями» [37]).

Какой путь избралъ гр. Панинъ? Во вступительной рѣчи своей онъ заявилъ себя довольно примирительно, указавъ на то, что дворянская партія «нерѣдко опрометчиво и неосновательно укоряла Редакціонную Коммиссію». Онъ даже употребилъ такую

[32]) См. Матеріалы, II, 189.

[33]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 693.

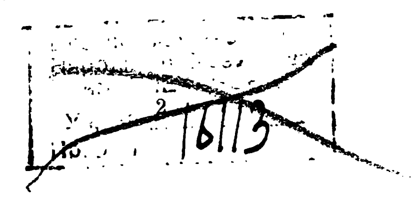
[34]) Такъ именно отвѣчаетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ 12 декабря 1860 г.. см. Р. С. 1891, № 11, стр. 424.

[35]) Подобныя колебанія продолжались до конца реформы. Послѣ смерти Ростовцева Государь полагалъ, что проектъ редакц. коммиссіи можетъ быть измѣненъ „только въ подробностяхъ" (см. н. с. Семенова, стр. 634), а по окончаніи же ея работъ при пріемѣ членовъ редакціонной коммиссіи Государь заявилъ: проекты ея „вѣроятно будутъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ" (см. дневникъ Валуева Р. С. 1891, № 11, стр. 410). Въ высочайшихъ резолюціяхъ на докладѣ гр. Панина, вызванномъ его столкновеніемъ съ большинствомъ редакціонной коммиссіи, есть также нѣкоторая неясность. (См. стр. 491 и 193, т. III, ч. 1, н. с. Семенова).

[36]) См. н. Матеріалы, II.

[37]) См. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 410.

[38]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 698.

фразу: «за крестьянъ между нами нѣтъ представителей, и потому намъ самимъ предстоитъ *отстаивать* ихъ» [38]).

Была ли эта рѣчь со стороны гр. Панина дипломатическимъ маневромъ или сказалась въ ней хорошо извѣстная приближеннымъ его черта—не согласовать посылокъ съ заключеніемъ [39]),—но только послѣдующій его образъ дѣйствій не согласовался ни съ этимъ обѣщаніемъ, ни съ вышеупомянутою его profession de foi вообще.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ Редакціонной Коммиссіи гр. Панинъ дѣлалъ попытки добиться отъ нея существеннаго измѣненія постановленій принятыхъ при Ростовцовѣ [40]); но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ ея, гр. Панинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность и этихъ своихъ усилій, гр. Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ оттяжки дѣла. Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже—протоколы «исправлялись» въ духѣ предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы, такъ какъ члены уклонялись подписать протоколы, не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А. Милютинымъ на свѣжую воду, гр. Панинъ поблѣднѣлъ и задыхаясь сказалъ: «такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! это случается со мною въ первый разъ въ моей жизни» [41]). Отъ системы проволочекъ пришлось также отказаться въ виду прямаго предписанія Государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи въ главномъ комитетѣ гр. Панину удалось

---

39) Г. Семеновъ, относящійся къ гр. Панину съ большимъ уваженіемъ, между прочимъ, объ немъ пишетъ: послѣ обстоятельнаго разбора чужихъ мнѣній гр. Панинъ иногда приходилъ къ такому неожиданному заключенію, что связать его съ тѣмъ, къ чему онъ клонилъ, не было никакой возможности. (См. н. с. Семенова, т. II, стр. 672).

40) Помимо указанныхъ выше апрѣльскихъ засѣданій, см. еще засѣніе 5 марта 1860 года, гдѣ рѣчь шла о выкупѣ дворовыхъ; см. н. с. Семенова, т. II, стр. 805.

41) См. н. с. Иванюкова, стр. 378.

провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ Редакціонной Коммиссіи, при чемъ, вопреки первоначальному намѣренію [42]), допущенъ былъ даже т. н. сиротскій или гагаринскій надѣлъ. Въ главномъ комитетѣ гр. Панинъ игралъ очень двусмысленную роль, набросивъ тѣнь на правильность цифръ поземельнаго надѣла, выведенныхъ подъ его предсѣдательствомъ Редакціонной Коммиссіей [43]).

Закрытіе Редакціонной Коммиссіи происходило при тяжелой обстановкѣ (столкновеніе между большинствомъ и членомъ ея, чиновникомъ Муравьева Булыгинымъ, намѣренно затягивавшимъ дѣло, согласно данной инструкціи, приняли подъ конецъ крайне острый характеръ чуть не приведшій къ дуэли), совершенно не сходной съ открытіемъ ея. Предсѣдатель Коммиссіи, гр. Панинъ, который даже не подавалъ руки его членамъ, вовсе не явился на церемонію закрытія. Помимо его, исходатайствована была С. С. Ланскимъ для членовъ Коммиссіи аудіенція у государя, при которой однако Ланской,

---

[42]) На письмѣ Паскевича къ Государю противъ того мѣста, гдѣ говорилось о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ Государь отмѣтилъ: „и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру", см. Р. С. 1891, № 10, стр. 145—146.

[43]) Въ дневникѣ своемъ (см. Русс. Старина 1891, № 11, стр. 417), подъ 19-мъ неября 1860 г. Валуевъ пишетъ: Въ сегодняшнемъ засѣданіи главнаго Комитета была рѣчь о цифрахъ редакціонной коммиссіи. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривалъ ихъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо за коммиссію заступался. Гр. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ коммисеіи, объявилъ, что цифры *невѣрны*, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ". Между тѣмъ, вотъ что говорилъ самъ гр. Панинъ въ одномъ изъ засѣданій Редакціонной Коммиссіи о своей будущей роли въ главномъ комитетѣ. „Я человѣкъ *честный*, заявлялъ онъ въ засѣданіи 16 апрѣля, я не хочу говорить здѣсь одно, а потомъ дѣлать другое. Подписывать журналъ въ одномъ смыслѣ, а защищать въ главномъ комитетѣ мое мнѣніе въ другомъ направленіи — я считаю *безчестнымъ*" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 73 — 74). Не лишнее къ этому добавить, что въ разговорахъ съ своимъ приближеннымъ М. И. Топольскимъ гр. Панинъ говорилъ иначе: „въ Редакц. Ком. я всего говорить не могу. Мнѣ необходимо для главнаго комитета и государственнаго совѣта оставить *зады*" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 431).

явившійся со спискомъ членовъ Редакціонной Коммиссіи былъ игнорированъ, и благодарность, хотя и довольно сухо, была выражена гр. Панину), пожаловавшемуся Государю на дѣйствія Ланскаго.

При столь печальной обстановкѣ [44]) закрылась Редакціонная Коммиссія, которая съ такою бодростью и радостными надеждами приступала въ 1859 году къ дѣлу подъ воодушевленнымъ предводительствомъ своего знаменитаго предсѣдателя! Какъ измѣнились времена въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Но еще болѣе разительна была перемѣна въ лицахъ, дававшихъ ходъ дѣлу и налагавшихъ на него свой отпечатокъ. Когда Ростовцевъ получилъ увѣдомленіе о Высочайшемъ назначеніи на должность, съ оговоркою «*если* онъ согласится принять эту обязанность на себя»,—онъ отвѣчалъ кн. А. Ф. Орлову въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «принимаю я на себя не съ согласіемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга». «*Съ молитвою* къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя. *Съ благоговѣніемъ* къ Государю, удостоившему меня такого *святаго* призванія. *Со страхомъ* предъ Ро-

[44]) См. Р. Ст. 1891, № 11, стр. 410. Въ самомъ составѣ Редак. Комм. подъ конецъ ея занятій столкновеніе между большинствомъ и замаскированными крѣпостниками стали учащаться, особенно съ однимъ изъ нихъ съ чиновникомъ Муравьева г. Булыгинымъ, который, слѣдуя инструкціи своего начальства разсчитывалъ затормозить крестьянскую реформу, risibile dictu! отказомъ въ содѣйствіи межевщиковъ, подчиненныхъ Муравьеву. — Пылкій, благородный другъ народа Милютинъ сказалъ Муравьевскому агенту: „Ваши дѣйствія неблаговидны, я знаю, что вы хотите только *подслужиться* извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ коммиссіямъ. Членамъ ихъ нельзя этого допустить изъ чувства самосохраненія. Какъ вы служили 30 лѣтъ не знаемъ, но все, что вы написали противъ коммиссій дѣлаютъ васъ *недостойнымъ* быть въ средѣ ихъ членовъ". Дѣло чуть не дошло до дуели. — Окончательную редакцію Положеній не могли прослушать въ общемъ присутствіи, не была даже просмотрѣна послѣдняя корректура, какъ уже закрыли 10 октября коммиссію.—Просили отсрочки на нѣсколько дней, но послѣдовалъ отказъ.— При закрытіи коммиссіи наравнѣ съ членами ея, государственными дѣятелями, выражено было благоволеніе—и тутъ виденъ гр. Панинъ! — и канцеляріи, которой почти не было вовсе (см. н. сб. Семенова, 2 ч. III т., стр. 738 и слѣд.

сіею и предъ потомствомъ, съ *чувствомъ долга* предъ своею совѣстью» [45]).

Относясь такъ серьезно и тепло къ своей трудной, но благородной миссіи, Ростовцевъ всецѣло сталъ за радикальное и за неуклонно-послѣдовательное [46]) рѣшеніе крестьянскаго вопроса, требуемое государственною пользою. Если при этомъ иногда, при столкновеніи интересовъ дворянъ съ интересами крестьянъ, вѣсы наклонялись въ пользу послѣднихъ, то это дѣлалось, какъ объяснилъ Ростовцевъ въ письмѣ къ Государю, потому, «что наклонить *потомъ* (курсивъ подлинника) отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и *много охотниковъ* [47]) и *много силы* (к. п.)». Такое теплое, сердечное отношеніе къ дѣлу къ «святому дѣлу», такую вѣру въ него сохранялъ Ростовцевъ *до конца своихъ дней*. Послѣднюю свою, продиктованную уже на смертномъ одрѣ, записку къ Государю заканчивалъ онъ слѣдующими бодрыми словами: «въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества, полный тѣхъ же *надеждъ* и той же *теплой вѣры*, которыя васъ, Государь, никогда не покидали» [48]). Послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ Государю во время агоніи были: «Государь, не бойтесь!»... Вѣра и надежда, гуманность и уваженіе къ «святѣйшему изъ званій—человѣкъ»— вотъ что двигало дѣло освобожденія, доведенное до конца правительствомъ, не смотря на упорное противодѣйствіе властныхъ сферъ, благодаря горячей поддержкѣ либеральнаго общественнаго мнѣнія [49]):

Не ты-ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?

Именно такой вѣры, такого сердечнаго отношенія, такой теплой вѣры не было и не могло быть у преемника Ростовцева,

---

45) См. н. с. Семенова, т. 1, стр. 48. Письмо Ростовцева къ Орлову.

46) Далъ бы Богъ, писалъ Ростовцевъ Государю 25 сентября 1875 г., „не упасть духомъ, вести дѣло ровно, спокойно, безъ треволненій внѣшнихъ“, см. н. с. Семенова. Т. II, 913.

47) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 932.

48) Тамъ же, стр. 993.

49) См. Лероа-Болье L'homme etc., стр. 53.

гр. Панина. Онъ не вѣрилъ въ дѣло, порученное его руководству. Онъ могъ исполнять навязанную ему не симпатичную обязанность только съ тою казенною готовностью, только съ тою кислосладкою гримасою исполнительнаго рутинера, который привыкъ, ради угожденія начальству, faire bonne mine au mauvais jeu! Мало того. Въ отличіе отъ Ростовцева, который послѣ тщательнаго изученія и уясненія крестьянскаго дѣла, искренно сознавалъ ошибочность своихъ взглядовъ и отступалъ отъ нихъ, преемникъ его застывалъ безповоротно, по соображеніямъ далеко не почтеннаго упрямства, въ своихъ бюрократическо-кастовыхъ воззрѣніяхъ. Самонадѣянный педантъ, увѣренный въ своей непогрѣшимости самовластный бюрократъ, гр. Панинъ, какъ истый Титъ-Титычъ въ мундирѣ, способенъ былъ, несмотря на свое прекрасное знаніе классической литературы, забыть классическое правило—nullius nisi insipientis in errore perseverare,—и скорѣе съ тупымъ упрямствомъ отстаивать свое произвольное мнѣніе и оправдывать свою ошибку, нежели поколебать догматъ своей непогрѣшимости [50]).

[50]) Можно бы составить назидательный и веселый томикъ изъ случаевъ проявленія у гр. Панина нелѣпаго педантизма, упрямаго самодурства, которые въ изобиліи разсыпаны и въ характеристикахъ, написанныхъ людьми ему преданными. Приведу два—три. Въ 20-хъ годахъ, гр. Панинъ состоялъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Мадритѣ. Дѣла не было никакого, но движимый усердіемъ къ службѣ гр. Панинъ самъ придумалъ для себя такое „дѣло". Въ назначенные имъ самимъ дни недѣли являлся съ подушкою въ пріемную посольства и оставался тамъ цѣлыя сутки, не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ слѣдующаго дня самъ смѣнялъ себя съ дежурства. — Немногіе смѣльчаки рѣшались разъяснить гр. Панину допущенныя имъ ошибки, но и тогда, когда онѣ были доказаны, никогда онъ не соглашался исправить ихъ. Нужно было выдать деньги Деноткину, а въ резолюціи Панина по ошибкѣ оказалась фамилія Демонтовичъ. Когда разъяснена была эта ошибка, гр. Панинъ изрекъ такую резолюцію: „Деноткинъ тоже, что Демонтовичъ. Выдать г. Деноткину по ходатайству г. Демонтовича" (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 679, 673).— Гр. Панинъ приказалъ вице-директору Б. Н. Хвостову изготовить въ 24 часа докладъ по одному крайне сложному вопросу крестьянской реформы. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ Хвостовъ исполнилъ порученіе и къ назначенному часу принесъ данное порученіе. Проходитъ нѣсколько времени, и гр. Панинъ дѣлаетъ Хвостову замѣчаніе за недо-

Если таковъ былъ гр. Панинъ въ обычной своей служебной дѣятельности, въ крестьянскомъ вопросѣ, помимо личныхъ непріятностей [51]), упрямство его имѣло еще особенныя причины.

ставленіе доклада. Хвостовъ оправдывается, напоминаетъ обстоятельства, при которыхъ былъ переданъ пакетъ съ докладомъ. Все напрасно. Панинъ настаиваетъ на своемъ. Тогда Хвостовъ отъискиваетъ на столѣ Панина доставленный пакетъ, лежавшій нераспечатаннымъ. Вы думаете Панинъ извинился предъ Хвостовымъ? Ничуть! Онъ къ нему обратился съ слѣдующими словами: „господинъ Хвостовъ, завтра, къ десяти часамъ, доставьте мнѣ то, чего я требую". Хвостову пришлось вторично продѣлать ту же работу ради торжества принципа: sic volo, sic jubeo, или что тоже—„моему нраву не препятствуй", „отгадай чего моя нога хочетъ" и т. п. Но такъ какъ нѣтъ такого дикаго акта самодурства, для котораго подхалимствующіе приспѣшники не могли выдумать объясненія, то и здѣсь М. И. Топильскій желалъ усмотрѣть глубокій замыселъ со стороны гр. Панина: провѣрить правильность работы Хвостова (см. Историческій Вѣстникъ 1885 г., № 1, стр. 74). — И это говорилъ человѣкъ, который, по продолжительному личному опыту зналъ, что всѣ дѣйствія гр. Панина опредѣлялись тѣмъ, съ какой онъ ноги всталъ, въ какомъ онъ настроеніи духа (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 668), человѣкъ, который дрожалъ предъ Панинымъ и не смѣлъ ему открыть явную его ошибку. Былъ такой случай. Гр. Панинъ по ошибкѣ вмѣсто одного чиновника уволилъ въ отпускъ на 4 мѣсяца другаго, что имѣло послѣдствіемъ лишеніе жалованья. Топильскій *отказался* доложить Панину объ ошибкѣ, „доказывая, что это безполезно, что графъ *ни за что* своей резолюціи не измѣнитъ" (см. тамъ же, стр. 78). Гр. Панинъ, при своей маніи величія, даже святыхъ считалъ себя въ правѣ судить и осуждать. Такъ узнавъ, что Николай Чудотворецъ заушилъ Арія, воскликнулъ: „какое невѣжество" и распорядился, чтобы впредъ въ церкви Министерства Юстиціи совершаемой раньше особой службы въ день этого святого— болѣе не служили. Когда родилась дочь у гр. Панина, онъ пожелалъ назвать ее Маріею. Какъ человѣкъ основательный, онъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ житіями. Узнавъ изъ нихъ, что это были раскаявшіяся грѣшницы, Панинъ далъ дочери своей другое имя (см. назв. Матеріалы III, 89).

51) Въ дневникѣ Валуева находимъ такую подробность. Гр. Панинъ, исказившій цифры Редакціонныхъ Коммиссій, вздумалъ оправдать свои и съ этою цѣлью устроилъ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича диспутъ, съ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи П. П. Семеновымъ, но изъ диспута первый вышелъ съ пораженіемъ. Тогда для отмщенія онъ устроилъ въ своемъ присутствіи ратоборство между П. П. Семеновымъ и братомъ его Н. П. Семеновымъ, подчиненнымъ гр Панина и раздѣлявшимъ мнѣніе своего начальства (см. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 425). Въ только-что вышедшемъ послѣднемъ выпускѣ н. сб.

Не имѣя убѣжденій, въ истинномъ значеніи слова [52]), гр. Панинъ имѣлъ много закоренѣлыхъ предразсудковъ, которые невозможно было поколебать никакими доводами разума и справедливости. Въ числѣ ихъ былъ тотъ, по которому онъ на всѣхъ не аристократовъ смотрѣлъ съ гадливою пренебрежительностью истаго брамина. Гордость происхожденія, пишетъ г. Семеновъ, заставляла считать гр. Панина, лицъ не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ признавалъ какъ за существо *другаго порядка* творенія [53]). Такимъ образомъ, если не личный матеріальный интересъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—графъ Панинъ, владѣвшій 21,000 душъ и имѣвшій годовой доходъ въ 130,000 [54]),

---

Семенова описано подробно это потѣшное засѣданіе, которое Панинъ открылъ замѣчаніемъ, что онъ не желаетъ возстановлять брата на брата и въ которомъ развѣ только роль П. П. Семенова представляется хотя и тяжелою, но сколько нибудь благородною и привлекательною. Что касается тона самаго гр. Панина, то онъ поражаетъ не только своею надменностью, но и своимъ циническимъ глумленіемъ. Выторговывая у г. Семенова цифры надѣловъ, выведенныя путемъ продолжительнаго и хлопотливаго вычисленія, гр. Панинъ опирался на авторитетъ своего сподручнаго клеврета Топильскаго. При совѣщаніи, бывшемъ передъ тѣмъ у великаго князя Константина Николаевича, г. Семеновъ уличилъ гр. Панина въ неправильномъ, а именно: „механическомъ" пользованіи статистическими данными. Промолчавъ въ то время гр. Панинъ, окруженный подобострастными слушателями, мужественно замѣтилъ: я его (Семенова) прощаю (sic.).—Г. Семеновъ горячо защищая необходимость для крестьянъ сѣнокосовъ, сказалъ, что „онъ ручается за это головою". гр. Панинъ отвѣчаетъ—это хорошо, но ни ваша, ни моя смерть дѣлу не поможетъ. Когда г. Семеновъ съ увлеченіемъ отстаивалъ цифры крестьянскихъ надѣловъ, гр. Панинъ изволилъ шутить: какой онъ обжора земли! (см. ч. 2, т. III, стр. 766 и слѣд.). Оно и понятно. Крѣпко охраняя интересы дворянъ, гр. Панинъ былъ совершенно равнодушенъ къ интересамъ крестьянъ. Былъ такой случай. Подъ желѣзную дорогу нужно было занять землю крестьянъ гр. Панина, купленную ими на свои деньги, но записанные, въ силу закона, на имя помѣщика. Гр. Панинъ, желая доказать свою щедрость, уступилъ *чужую* собственность даромъ (см. н. Матеріала III, 87).

52) Г. Семеновъ въ своей характеристикѣ Панина говоритъ, что у него „не было никакого міровоззрѣнія", но при этомъ неожиданно прибавляетъ, что „воспитаніе Панина было болѣе *европейское* (?), нежели русское". См. т. II, н. с., стр. 666.

53) Тамъ же.

54) Тамъ же, стр. 671.

по его собственнымъ словамъ терялъ немного [55]),—то непреодолимые кастовые предразсудки «крѣпостника-кнутофила» мѣшали ему любить и уважать «подлый» народъ, а безъ этого нельзя было ни довѣрять ему, ни желать дѣйствительнаго его освобожденія, т. е. не на словахъ, а *на дѣлѣ*, какъ того желалъ Государь [56]).

А могъ ли уважать «быдло», «чернь» этотъ браминъ-бюрократъ, который даже къ лицамъ, одною—двумя степенями ниже его стоящимъ по общественному положенію—относился съ нескрываемымъ пренебреженіемъ [57])?! Холодомъ, недовѣріемъ, пессимизмомъ, свѣтобоязнью повѣяло отъ первыхъ же словъ [58]) и дѣйствій преемника Ростовцева, гр. Панина, и этотъ отпечатокъ сохранился за его дѣятельностью по крестьянской реформѣ до самаго конца ея!

III.

Такой же холодный тонъ звучитъ въ послѣднемъ, заключительномъ аккордѣ крестьянской реформы, — манифестѣ 19-го февраля, составленіе котораго имѣетъ свою любопытную исторію. Наблюденіе за изготовленіемъ этого акта возложено было на того же гр. В. Н. Панина въ его качествѣ министра юстиціи.

Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ [59]). Но проектъ не удовлетво-

---

55) Тамъ же, стр. 698.

56) См. Рѣчь Государя 21 февраля 1860 г. къ депутатамъ второго приглашенія, н. с. Семенова, т. II, 696.

57) См. бесѣду П. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Н. П. Семенова, т. II, стр. 691.

58) Хотя предъ назначеніемъ своимъ гр. Панинъ говорилъ, что „нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ“, но въ первой же рѣчи къ депутатамъ онъ строжайше рекомендовалъ воздержаться отъ разглашенія и просивъ вести дѣло семейно (см. Семенова, т. II, стр. 692, 698). Между тѣмъ Ростовцевъ разсылалъ печатные матеріалы по крестьянскому дѣлу въ количествѣ 3,000 экземпляровъ по всей Россіи, считая, что это дѣло не семейное, а общегосударственное, за которое, какъ выразился Ростовцевъ, обязаны отчетомъ предъ всею Россіею (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 126 и II, стр. 686).

59) См. Русскій Вѣстникъ, 1891 года, № 6, статью Н. П. Семенова „Проекты Манифеста 19 февраля 1861 г.“.

рилъ гр. Панина, и по его докладу Высочайше повелѣно было окончательную редакцію этого важнаго документа, возложить на московскаго митрополита Филарета. При томъ высокомъ уваженіи, которымъ пользовался митрополитъ Филаретъ при дворѣ и въ обществѣ, весьма понятно,—говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ,—что выборъ Государя остановился на іерархѣ, обладавшемъ такимъ сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ [60]).

Въ письмѣ своемъ отъ 31-го января 1861 г. гр. Панинъ, извѣщая митрополита Филарета о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, между прочимъ писалъ: «При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта слово Государя Императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи Его Императорское Величество, съ полною довѣренностью къ вѣрноподданническимъ Вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ Вашимъ, призналъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Вы приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному предмету... Руководимый сими чувствами и симъ довѣріемъ Государь предоставляетъ вамъ сдѣлать всѣ тѣ измѣненія или прибавленія, кои бы Вы признали соотвѣтствующими чувствамъ Его Величества и собственнымъ Вашимъ, для лучшаго успѣха предположенной цѣли» [61]).

Митрополитъ Филаретъ былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Онъ полагалъ, что правительство не справится «съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многія по осво-

---

[60]) См. статью Сухомлинова: „Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ" въ Историч. Вѣстн. 1885, № 1.

[61]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. V, ч. 1. М. 1887, стр. 6. Духовенство, въ особенности высшее, въ большинствѣ было противъ освобожденія, но встрѣчались и сторонники его. Преосвященный Григорій, епископъ Калужскій и Боровскій привѣтствовалъ въ 1858 г. приступъ къ освобожденію крестьянъ. Архимандритъ при Казанской Духовной Академіи Іоаннъ, основываясь на посланіи первомъ къ Коринѳ. (VII, 20—23), доказывалъ, что крѣпостное право учрежденіе языческое и противорѣчитъ духу христіанства. Противъ этого воззрѣнія выступилъ Игнатій, епископъ Ставропольскій. (См. Матеріалы, I, 280).

божденіи крестьянъ». «По складу своего ума и по другимъ причинамъ, онъ не сочувствовалъ, говоритъ г. Сухомлиновъ, рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни. Но не сочувствуя освобожденію крестьянъ, митрополитъ Филаретъ долженъ былъ сдѣлаться его первымъ провозвѣстникомъ» [62]). Поставленный въ затруднительное положеніе, митрополитъ Филаретъ,—говоритъ г. Сухомлиновъ,—просилъ снять съ него непосильное бремя. Оффиціально, онъ ссылался на свое незнакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, основательное знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго содѣйствія крестьянской реформѣ и т. п. Въ частной бесѣдѣ онъ высказывался откровеннѣе, находя безполезнымъ исправлять частности, когда цѣлое, т. е. *весь проектъ*, представляетъ нѣчто шаткое, непрочное, «утлое».

Но воля Государя оставалась непреклонною, и чтобы склонить митрополита Филарета, былъ командированъ въ Москву довѣренный чиновникъ гр. Панина, извѣстный его клевретъ М. И. Топильскій. Этой миссіи придавалось такое важное значеніе и умы находились въ такомъ напряженномъ состояніи, что гр. Панинъ, боясь, чтобы донесенія Топильскаго не вскрывались на почтѣ, приказалъ ему употреблять вымышленныя названія. Сначала хлопоты Топильскаго, человѣка довольно ограниченнаго [63]), оставались безуспѣшны, несмотря, какъ онъ пишетъ, на его «довольно льстивыя рѣчи». Но благодаря содѣйствію духовника митрополита Филарета, удалось склонить его. 3-го февраля 1861 г. Топильскій писалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наконецъ другъ добродѣтели (т. е. митрополитъ Филаретъ) убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло и, послѣ двукратныхъ со мной объясненій, принялся сегодня рѣшительно за работу. Саввинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроніевъ (т. е. духовникъ Филарета) былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало» и пр. [64]).

---

[62]) См. н. с. Сухомлинова, стр. 75.
[63]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 665—693.
[64]) См. н. ст. Сухомлинова, стр. 76.

5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что «въ исполненіе порученія его ввело вѣрноподданическое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію». Далѣе онъ изъясняетъ основанія сдѣланныхъ въ присланномъ проектѣ манифеста измѣненій.

Измѣненія противъ первоначальнаго проекта сдѣланы были довольно значительныя. Объемъ его былъ почти вдвое сокращенъ [65]). Пропущено было (впрочемъ, безъ всякаго ущерба для содержанія) довольно длинное историческое введеніе. Но выкинуто было также и простое, задушевное обращеніе къ крестьянамъ и дворовымъ, въ которомъ обрисовывалась ихъ новая будущность. «Довольство добывается, гласило между прочимъ это обращеніе, не иначе какъ собственнымъ трудомъ, умножается доброю жизнью и строгою бережливостью, а законъ издается для того, чтобы всякій, исполнивъ свои обязанности, могъ трудиться невозбранно, себѣ на пользу въ мѣру своихъ силъ и способностей, и чтобы каждый трудящійся могъ безбоязненно утѣшаться нажитымъ честно добромъ». Опущено было также мѣсто, гдѣ о днѣ объявленія воли говорилось такъ: «въ сей *радостный* для насъ и для всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ день».

По поводу этого измѣненія была составлена митрополитомъ Филаретомъ на другой день вслѣдъ за манифестомъ, 6-го февраля особая «записка о затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе Положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ». Въ запискѣ этой разъяснилось, почему изъ Манифеста исключено находившееся его въ первоначальномъ проектѣ мѣсто, въ которомъ предпринимаемое преобразованіе называлось «радостнымъ» [66]).

«Затрудняюсь и теперь, сказано въ запискѣ, объяснить сіе,

---

[65]) Самаринскій проектъ напечатанъ г. Семеновымъ въ Русск. Вѣст.. 1891, № 6.

[66]) Въ рескриптѣ, данномъ 19-го февраля на имя важнѣйшаго дѣятеля крестьянской реформы великаго князя Константина Николаевича, день объявленія воли все-таки названъ „достопамятнымъ для Россіи“.

чтобы не коснуться сужденіемъ дѣла государственнаго, о которомъ судить не призванъ я моимъ служеніемъ», но затѣмъ далѣе онъ разъясняетъ этотъ пунктъ такимъ образомъ: «не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы *многіе* [67]) изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса [68]); но многіе благонамѣренные люди ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія. Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостнаго права на крестьянъ и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ — вотъ мѣры благонадежныя. Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право «*постояннаго пользованія землею* помѣщиковъ», не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для себя опору, *упрямство* крестьянъ, которое проявляется у нихъ и безъ законной опоры? При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственностью крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя *стѣсненными въ правѣ собственности* и въ хозяйственныхъ

---

[67]) По поводу неудовольствія дворянъ Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ своемъ Государю отъ 29 сентября 1859 г. между прочимъ писалъ: „Какой-бы проектъ ни писали Редакціонныя Коммиссіи, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все таки многіе депутаты непремѣнно потребовали-бы уступокъ... Вообще *если-бы мы боялись огорчить* дворянство, *то никогда бы ничего не сдѣлали,* ибо все отнимающее что либо у человѣка не можетъ быть для него пріятно, а уладить крестьянскій вопросъ безъ пожертвованій со стороны дворянства нѣтъ никакой возможности. Дай Богъ только, чтобы пожертвованій этихъ было менѣе“, (см. т. II, н. с. Семеновъ, стр. 912—913).

[68]) Не безъинтересно сопоставить эти строки съ словами Я. И. Ростовцева. „Смотря съ точки зрѣнія гражданскаго права, писалъ онъ Государю 23-го октября 1859 г., вся зачатая реформа отъ начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушенія правъ частной собственности. Но какъ необходимость государственная и на основанія государственнаго права реформа эта *законна, священна, необходима.* Огромное большинство враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости обвиняютъ Редакц. Комм. въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ Коммиссіи *красными*“. (См. н. с. Семенова т. II, стр. 828).

обстоятельствахъ [69]). И сіе не подѣйствуетъ ли *неблагопріятно на ихъ усердіе* къ правительству?...» [70]).

IV.

Въ то время, какъ въ Москвѣ составляли проектъ манифеста, въ Петербургѣ въ величайшей тревогѣ съ глубочайшею таинственностью и невѣроятною поспѣшностью совершала свобода послѣдній актъ своего труднаго нарожденія. Все, что происходило, говоритъ г. Семеновъ, по дѣлу освобожденія крестьянъ съ 10-го октября 1860 г. по 5-е марта 1861 г., т. е. со дня закрытія редакціонныхъ коммиссій и до обнародованія манифеста 19-го февраля, было покрыто непроницаемою тайною даже для большинства членовъ бывшихъ редакціонныхъ коммиссій [70]). Такая чрезвычайная таинственность обусловливалась, прежде всего, личными особенностями графа В. Н. Панина, который,—по словамъ того же автора,—считалъ всегда дѣломъ первостепенной важности скрывать виды правительства отъ лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ іерархіи или не входящихъ въ составъ его [71]).

Но и помимо личныхъ свойствъ графа Панина, были другія

---

[69]) Какъ извѣстно, оспариваемое здѣсь „безсрочное пользованіе“ получило силу закона и вошло въ Положеніе 19-го февраля. Есть ли это дѣло случая или прямого заимствованія, но изложенная здѣсь аргументація *почти дословно* воспроизводитъ соображенія гр. Панина, которыя онъ развивалъ въ интересахъ помѣщиковъ въ своей всеподданѣйшей запискѣ отъ 19 апрѣля 1860, написанной послѣ столкновенія съ членами Редакц. Коммисс. „Это (постоянное и безсрочное пользованіе), писалъ гр. Панинъ, во 1-хъ, явно противорѣчитъ удостовѣренію Вашего Величества (въ рескриптахъ), что земли остаются въ полной собственности дворянства; во 2-хъ, воспрепятствуетъ добровольному выкупу, ибо крестьянинъ, увѣренный въ томъ, что земля всегда за нимъ останется, не имѣетъ никакого побужденія ее покупать; въ 3-хъ, разоритъ окончательно всѣхъ землевладѣльцевъ, и пр.“. См. т. III, н. с. Семеновъ, стр. 491).

[70]) См. н. Сборникъ мнѣній Филарета, стр. 16-17.

[70]) См. „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семенова, 1892, т. III, ч. 2, стр. 749—750.

[71]) См. тамъ же, стр. 733.

Во всеподданнѣйшую записку свою о закрытіи редакціонныхъ коммис-

обстоятельства, сообщавшія работамъ по крестьянскому дѣлу нѣсколько тревожный, почти мрачный характеръ. Причиною его былъ недостатокъ въ правительственныхъ сферахъ точныхъ свѣдѣній о настроеніи общества и народа. Шумно и гулко всколыхавшіяся послѣ продолжительнаго застоя, словно вешнія воды въ половодье, общество и его главная представительница литература смущали бюрократію своимъ необычнымъ видомъ. Крѣпостное населеніе, переживавшее время лихорадочнаго, естественнаго наканунѣ воли, нетерпѣнія, но умѣвшее сдержать его въ предѣлахъ, представляло собою сфинксъ, внушавшій однимъ симпатію, другимъ безотчетный страхъ, а инымъ такъ и просто

сій гр. Панинъ, между прочимъ, внесъ такой пунктъ; при открытіи засѣданій главнаго комитета объявить ему положительную Высочайшую волю, чтобы всѣ дѣла и работы производились въ *совершенной тайнѣ* и не были сообщаемы никому (безъ всякаго изъятія) изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу комитета, вмѣнивъ въ особенную обязанность государственному секретарю наблюдать, чтобы употребленные по этому дѣлу чиновники государственной канцеляріи не сообщали *рѣшительно никому* того, что будетъ происходить и что будетъ утверждено въ главномъ комитетѣ (см. тамъ же, стр. 808).

Еще раньше врагъ гласности графъ Панинъ отступилъ отъ традицій Я. И. Ростовцева, стоящаго за широкую гласность въ крестьянскомъ дѣлѣ и печатавшаго труды редакціонной коммиссіи въ количествѣ 3,000 экз. Въ концѣ 1859 г. главный комитетъ уменьшилъ число ихъ до 350 съ тѣмъ, чтобы они были предоставлены только членамъ главнаго комитета, государственнаго совѣта и редакціонной коммиссіи. Со вступленіемъ гр. Панина въ должность предсѣдателя редакціонной коммиссіи, когда преступлено было къ печатанію отзывовъ дворянскихъ депутатовъ, въ большинствѣ враждебныхъ освобожденію крестьянъ, гласность была еще болѣе стѣснена. По настоянію графа Панина и вопреки Высочайшему повелѣнію, отзывы депутатовъ стали печататься въ количествѣ всего 50 экз., при чемъ всѣ они были занумерованы. По окончаніи разсмотрѣнія отзывовъ гр. Панинъ сталъ требовать обратно печатные экземпляры отъ членовъ редакціонной коммиссіи. Нѣкоторые вернули ихъ, большинство же отказалось исполнить это произвольное требованіе. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, кн. Голицынъ рѣзко возразилъ гр. Панину, усматривая въ его требованіи покушеніе на его право собственности Другой членъ Галаганъ, котораго гр. Панинъ просилъ возвраттть экземпляръ для его, Панина, личнаго пользованія, вызвался перепечатать книгу на свой счетъ, но также наотрѣзъ отказался вернуть его (см. Матер. д. истор. упразд. крѣпостн. права, т. III, стр. 158).

ужасъ. Уже не говоря о партіи, враждебной освобожденію крестьянъ и заинтересованной въ преувеличеніи опасностей, съ нимъ сопряженныхъ, даже и друзья народа, мало его знающіе, съ нескрываемою тревогою смотрѣли въ грозное и неизвѣстное будущее.

Самъ Ростовцевъ, котораго трудно заподозрить въ желаніи затормазить крестьянскую реформу, въ началѣ такъ пессимистически смотрѣлъ на нее, что подалъ въ 1858 г. Государю записку о необходимости учрежденія временныхъ генералъ-губернаторствъ для немедленнаго прекращенія могущихъ возникнуть безпорядковъ. Кружокъ дѣятелей, примыкавшихъ къ покойному великому князю Константину Николаевичу и вѣрившій въ благотворное дѣйствіе свободы, считалъ и нецѣлесообразнымъ, и небезопаснымъ такое мѣропріятіе, и въ этомъ смыслѣ была составлена Н. А. Милютинымъ контръ-записка, поданная Государю министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ. Императоръ Александръ II, раздѣлявшій въ то время взглядъ Ростовцева, отнесся съ крайнимъ неодобреніемъ къ запискѣ Ланскаго. Въ отмѣткахъ своихъ, сдѣланныхъ на поляхъ записки, Государь, между прочимъ, писалъ: «Такъ думаютъ и говорятъ люди неблагонамѣренные, которые хотѣли бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы достигнуть ихъ цѣлей, которыя состоятъ въ ниспроверженіи существующаго порядка. Теперь, конечно, народъ спокоенъ въ ожиданіи; но когда ожиданія на счетъ свободы не сбудутся въ томъ *смыслѣ*, какъ онъ его разумѣетъ, то кто отвѣчаетъ, что тогда будетъ; а тогда поздно принимать мѣры».—Противъ того мѣста записки, гдѣ говорилось, что народъ будетъ покоенъ, Государь написалъ: «Дай Богъ, но по всѣмъ доходящимъ до меня свѣдѣніямъ Я не имѣю въ томъ увѣренности».

Но съ теченіемъ времени въ высшихъ кругахъ, сочувствующихъ свободѣ, сталъ преобладать болѣе спокойный взглядъ на дѣло, хотя крѣпостники, въ родѣ начальника III отдѣленія кн. Вас. Андр. Долгорукова и министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, продолжали сѣять тревогу и видѣть въ терроризаціи удобное средство для достиженія своихъ плановъ. Друзья свободы, вѣря въ здравый смыслъ народа, все же съ замираніемъ сердца прислу-

шивались къ слухамъ о предстоящихъ безпорядкахъ, которые какъ нельзя болѣе были бы на руку врагамъ свободы. «Я считаю себя обязанною предупредить, писала 18-го февраля в. к. Елена Павловна Милютину, что, какъ передаютъ мои люди, если ничего не будетъ къ 19-му февраля, чернь явится къ зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія. Нужно бы нѣсколько обратить вниманіе на эти толки: демонстрація была бы *пагубна* [73]).

Не смотря на всѣ принятыя мѣры, въ общество и въ народъ попадали извѣстія о тѣхъ мучительныхъ перипетіяхъ, коими сопровождалися послѣднія стадіи нарожденія народной свободы. Государь счелъ нужнымъ непосредственно и лично направить послѣднюю фазу законодательныхъ работъ. Благодаря энергіи и искусству предсѣдателя главнаго комитета, покойнаго великаго князя Константина Николаевича, «вложившаго душу въ это великое дѣло», по справедливому замѣчанію г. Семенова [74]), проектъ положеній прошелъ черезъ комитетъ безъ существенныхъ измѣненій. Оставалось побороть упрямство членовъ государственнаго совѣта, огромное большинство коего стояло за помѣщичьи интересы и относилось враждебно къ проекту редакціонной коммиссіи объ освобожденіи крестьянъ съ должнымъ надѣломъ.

26-го января состоялось соединенное засѣданіе совѣта министровъ и главнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Государя. Онъ горячо благодарилъ членовъ комитета, защищавшихъ проектъ редакціонныхъ коммиссій, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго цѣловалъ нѣсколько разъ. Тутъ же онъ высказалъ свою непремѣнную волю, чтобы разсмотрѣніе проектовъ было окончено безотлагательно къ 15-му февраля.

28-го января происходило засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя [75]).

---

[73]) Н. с. Лероа-Болье, 61.

[74]) Н. с. Семенова. III, ч. 2, 783.

[75]) По поводу этого памятнаго засѣданія Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу слухи, въ разсчетѣ напугать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину (мин. нар. просв.) тѣни Я. И, Ростовцева и пр.» Русс. Стар. 1891, № 1, стр. 49.

Въ рѣчи своей Государь категорически указалъ, что при обсужденіи Положеній могутъ быть допущены второстепенныя измѣненія, но основы должны остаться *неприкосновенными*. Въ виду того, что дѣлались попытки, особенно со стороны крѣпостника Муравьева, затормозить дѣло подъ предлогомъ собиранія дополнительныхъ данныхъ о надѣлахъ, вторично велѣно было къ 15-му февраля окончить обсужденіе. На каждый день былъ назначенъ урокъ, безъ исполненія котораго Совѣтъ не могъ разойтись. Большинство членовъ было неблагопріятно проектамъ редакціонной коммиссіи, и Государь большею частью присоединялся къ мнѣнію меньшинства. Самое существенное измѣненіе было допущеніе такъ-называемаго гагаринскаго или, какъ народъ прозвалъ, «нищенскаго» надѣла ($^1/_4$ нормальнаго), даровою уступкою котораго помѣщикъ освобождался отъ своихъ обязанностей.

16-го февраля всѣ подготовительныя работы были окончены. 19-го февраля государственный секретарь В. П. Бутковъ отвезъ въ Зимній дворецъ проектъ манифеста и указа сенату. Хотя по исключительной важности государственнаго акта, подлежащаго законодательной санкціи, это было дѣло предсѣдателя государственнаго совѣта, но Бутковъ съ радостью взялъ на себя эту лестную миссію частью въ виду дряхлости предсѣдателя (гр. Д. Н. Блудова), частью изъ желанія быть свидѣтелемъ великой исторической минуты подписанія акта о дарованіи свободы десяткамъ милліоновъ, долженствовавшаго сдѣлать «19-е февраля» величайшимъ днемъ XIX столѣтія» [76]). Но Государь пожелалъ въ эту исключительно торжественную минуту, когда свершалось дѣло его царствованія остаться одинъ, на-единѣ съ своею совѣстью, безъ свидѣтелей, въ особенности безъ такихъ равнодушныхъ или точнѣе бездушныхъ свидѣтелей, какъ Бутковъ, котораго влекло не столько благоговѣніе предъ этимъ величавымъ моментомъ появленія на свѣтъ свободы, сколько праздное любопытство салоннаго бонмотиста [77])... Если кого желалъ бы

---

76) См. н. с. Леруа-Болье, 51.

77) Типъ гибкаго карьериста—царедворца, держащаго носъ по вѣтру, В. П. Бутковъ, лишенный всякихъ серьезныхъ убѣжденій, сначало былъ противникомъ освобожденія и вторилъ своимъ патронамъ графамъ Закровскому и Орлову, потомъ сдѣлался *оффиціальнымъ либераломъ*, и въ

горячо видѣть около себя въ это мгновеніе Государь, то, конечно, Я. И. Ростовцева, надъ могилою котораго не задолго передъ тѣмъ 6-го февраля проливалъ онъ горячія слезы [78]).

Историческимъ гусинымъ перомъ [79]) подписанъ былъ 19-го февраля, въ день воцаренія Александра II Манифестъ, въ филаретовской редакціи [80]), и на другой день онъ былъ высланъ въ Государственную Канцелярію.

Свершилось! Жребій былъ брошенъ. Цѣпи рабства разорваны! Но эта радостная вѣсть не могла быть еще оглашена передъ народомъ, переживавшимъ дни величайшаго радостнаго нетерпѣнія: нужно было напечатать въ огромномъ количествѣ Манифестъ и Положеніе о крестьянахъ. Въ двухъ казенныхъ и въ двухъ частныхъ типографіяхъ шла съ 19-го февраля день и ночь кипучая работа надъ печатаніемъ освободительной хартіи, при чемъ приняты были строжайшія мѣры къ тому, чтобы преждевременно не прошелъ въ публику слухъ о печатаемыхъ документахъ. Но не смотря на угрозу административною ссылкою животрепещущая радостная новость проникла въ публику чрезъ одного наборщика [81]).

Да и развѣ есть возможность сохранять такія чудныя тайны, такіе вѣщіе глаголы, о которыхъ сами камни вопіятъ и звуками которыхъ самъ воздухъ наполненъ!... Еще раньше народъ провѣдалъ о памятномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января, въ которомъ Государь увѣщевалъ членовъ его взглянуть на дѣло глазами государственныхъ людей, а не душевладѣльцевъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, въ первыхъ числахъ февраля помѣщичьи крестьяне неоднократно дѣлали Государю восторженныя оваціи. Однажды Александръ II долженъ былъ

такомъ качествѣ много способствовалъ удачному проведенію крестьянской и судебной реформы (см. Матеріалы, III, и книгу мою: С. И. Зарудный и судебная реформа, глава VI).

[78]) См. Матеріалы, III, 160).

[79]) Это перо хранится въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ.

[80]) Редакторъ помянутаго «Собранія мнѣній», преосвященный Савва, сличивъ черновой подлинникъ митрополита Филарета, хранящійся въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста, отмѣчаетъ только самые незначительные варіанты (стр. 15).

[81]) См. Воспоминаніе Щербачева въ *Русск. Арх.* 1891, № 1.

взять сани на Дворцовой набережной, чтобы укрыться отъ горячей народной манифестаціи. Другой разъ толпа крестьянъ пала къ его ногамъ у подъѣзда Зимняго дворца и благодарила за покровительство [84]).

Чѣмъ ближе подвигалось время къ 19-му февралю тѣмъ нетерпѣніе все болѣе и болѣе росло. Подъ 18-мъ февраля академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19-го числа. Потомъ начали ходить слухи, что на время отлагается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ» [85]).

Для успокоенія умовъ принимались администраціею мѣры, которыя нерѣдко производили *обратное* дѣйствіе. 16-го февраля было помѣщено въ газетахъ странное объявленіе отъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора: «Вслѣдствіе разнесшихся слуховъ объявляется, что 19-го февраля никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу обнародовано не будетъ» [86]). Между тѣмъ въ тотъ же день, въ 7 час. утра, всѣ столичные дворники были собраны въ части города и имъ было объявлено, что манифеста 19-го числа не будетъ, но онъ будетъ объявленъ на второй (?) недѣлѣ Великаго поста. (Тутъ очевидно стремленіе замаскировать настоящій день объявленія, который на дѣлѣ былъ назначенъ на 5-е марта, послѣдній день масляницы).

Въ *Сѣверной Пчелѣ*, полу-оффиціальной газетѣ, появилась 18-го февраля статья, которая несмотря на свой езоповскій языкъ, возвѣщала близость желаннаго дня. «Бываютъ дни,—говорилось въ этой статьѣ, приписываемой самому С. С. Ланскому,—когда всѣ помыслы, всѣ рѣчи сосредоточены на одной идеѣ, направлены къ мысли объ одномъ какомъ нибудь событіи, когда всѣ постороннія вопросы отступаютъ на заднiй планъ. Для большинства это

---

[84]) См. н. Матеріалы, III, 189.

[85]) Русс. Старина 1891, № 1. Въ народѣ ходили слухи, что свобода отсрочена, но что явится „*Гарибалдовъ*“ (Гарибальди) для освобожденія крестьянъ (Матеріалы, III, 190).

[86]) Это странное объявленіе, пишетъ Никитенко приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ (Р. С. тамъ-же).

дѣло недоумѣній, догадокъ, толковъ. Чѣмъ важнѣе представляется ожидаемое событіе, тѣмъ разнообразнѣе о немъ говоры. Мы теперь живемъ въ такую эпоху. Вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣсти о крестьянскомъ дѣлѣ, и мы съ своей стороны поспѣшили освѣдомиться о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса и узнали изъ достовѣрнаго источника, что это многознаменательное для всей Россіи дѣло близко къ окончанію. На это важнѣйшее народное дѣло потребны продолжительныя ежедневныя совѣщанія. Обсужденія эти приближаются къ концу (а извѣстно, что на дѣлѣ они уже были закончены 15-го февраля!) и можно надѣяться, что въ седьмое лѣто царствованія Александра II въ предстоящіе дни молитвы и поста совершится давно ожидаемое событіе».

Въ № отъ 26-го февраля той же газеты напечатана была горячая, но нѣсколько витіеватая статья М. П. Погодина, тоже стремившаяся къ подготовкѣ народа къ предстоявшему событію. Начинается она такъ: «Русскіе люди, русскіе люди, на колѣни! Молитесь Богу! Благодарите Бога за это высокое несравненное счастье, за это безмѣрное (безпримѣрное?) въ лѣтописяхъ ощущеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ, за эту великолѣпную страницу, которою украсится отечественная исторія».

Затѣмъ Погодинъ, поддѣлываясь подъ народный языкъ раешника, продолжаетъ такъ: «Хотите ли, я разскажу вамъ, какъ все это будетъ? Крестьяне въ назначенный день нарядятся въ свои кафтаны, пригладятъ волосы квасомъ, пойдутъ съ женами и дѣтьми въ праздничномъ платьѣ молиться Богу. Изъ церкви крестьяне потянутся длинною чередою къ своимъ помѣщикамъ, поднесутъ имъ хлѣбъ-соль и, низко кланяясь, скажутъ: «Спасибо вашей чести на томъ добрѣ, что мы, наши отцы и дѣды отъ васъ пользовались; не оставьте насъ и на-предки вашею милостью, а мы навсегда ваши слуги и работники»... Крестьяне пойдутъ,—прибавляетъ Погодинъ,—съ хлѣбомъ-солью не только къ добрымъ [87]), но и къ недобрымъ помѣщикамъ, ибо въ семьѣ

---

[87]) Объ соотношеніи между добрыми и недобрыми мы находимъ нѣкоторые любопытныя указанія въ рѣчи Николая I. сказанной въ 1848 г., дворянамъ. Объявивъ, что слухи о освобожденіи крестьянъ *нелѣпы*, Николай I обращалъ вниманіе ихъ на злоупотребленія помѣщичью властью. „На

не безъ урода, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Статью свою Погодинъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы изъ первыхъ копѣекъ вольнаго труда, по объявленіи манифеста добытыхъ, собрана была сумма и поставлена въ Москвѣ на память потомству церковь во имя Александра Невскаго. «Тамъ,— заключаетъ Погодинъ,—должна теплиться во вѣки вѣковъ неугасимая лампада; тамъ должна возсылаться молитва за благодушнаго Царя, который вмѣсто Юрьева дня, скорбной для крестьянъ памяти, даруетъ крестьянамъ и дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ и духовенству прекрасный Александровъ день» [88]).

Къ числу подготовительныхъ мѣръ относилась и командировка въ губерніи свитскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ полковничьяго чина, коимъ велѣно было состоять при губернаторахъ и способствовать скорѣйшему объявленію манифеста. Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ командированныя лица уполномочены прекращать ихъ всякими мѣрами, при чемъ военное начальство обязано было имъ безпрекословнымъ повиновеніемъ.

2-го марта, безъ предварительныхъ повѣстокъ, созвано было общее собраніе сената въ присутствіи и. д. министра юстиціи Д. Н. Замятина. Сенату прочитанъ былъ манифестъ 19-го февраля, затѣмъ онъ былъ положенъ въ министерскій портфель и обратно увезенъ, при чемъ сенаторамъ было внушено хранить строжайшее молчаніе. Сенатъ подалъ Государю благодарственный адресъ. Адресъ былъ принятъ, но приказано, не печатать.

Насталъ, наконецъ, желанный, ясный [89]) день 5-го марта.

---

50 дворянъ, сказалъ онъ 15 хорошихъ, 25 порядочныхъ. 10 негодныхъ". (см. Матеріалы I, 77). На чемъ основаны эти данныя, неизвѣстно.

[88]) Чествованіе „Александрова дня" мѣстами вошло въ обычай между крестьянами. Что же касается построенія храма, то оно и доселѣ еще не осуществилось, хотя и собрано, кажется, тысячъ около ста.

[89]) Въ помянутыхъ воспоминаніяхъ „Стараго гвардейца", напротивъ, говорится, что цѣлый день шелъ снѣгъ. Но, очевидно, память измѣняетъ автору, который самый день объявленія манифеста относитъ то къ 19-му, то къ 26-му февраля (см. Русск. Архивъ 1892 г., № 1). Другіе очевидцы, передаютъ, что 5-го марта былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ теплыхъ дней, которыми такъ рѣдко балуетъ холодная сѣверная весна и которые, въ силу этого обстоятельства, особенно бываютъ до-

По наружному своему виду Петербургъ не представлялъ собою ничего особеннаго. Это было воскресенье, послѣднiй день масляницы, стало быть нѣкоторое оживленiе на улицахъ было естественно. Никакихъ внѣшнихъ чрезвычайныхъ мѣръ къ охранѣ столицы не было принято генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, несмотря на то, что онъ, какъ и шефъ жандармовъ кн. Вас. А. Долгоруковъ, будучи противниками освобожденiя, съ нескрываемою тревогою ждали его осуществленiя. Обстоятельство это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что тотъ же Игнатьевъ года за полтора назадъ настоялъ на принятiи чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности въ виду исполнившагося 8-го сентября 1859 г. совершеннолѣтiя наслѣдника престола и ожидавшагося волненiя народа [90]). Такое «бездѣйствiе власти» тѣмъ болѣе бросалось въ глаза современникамъ, что въ тотъ же день въ Москвѣ пѣшiе и конные патрули съ заряженными ружьями ходили цѣлый день и даже заходили въ трактиры [91]). Но бездѣйствiе петербургской власти, какъ узнаемъ изъ только-что появившихся воспоминанiй стараго гвардейца, было только кажущееся. На самомъ дѣлѣ военнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ 4-го марта была разослана по полкамъ инструкцiя съ подробнымъ означенiемъ, какiе полки въ какiя именно полицейскiя части города слѣдуетъ отрядить; полкамъ велѣно было никуда не отлучаться и быть 5-го марта все время наготовѣ [92]). Самъ Игнатьевъ находился весь день 5-го и 6-го марта въ зимнемъ дворцѣ.

Бывшiй на дежурствѣ 6-го марта свитскiй генералъ описываетъ такъ впечатлѣнiя и настроенiе этого дня: «Лица, собравшiяся

роги и памятны (см. „Матерiалы“, т. III. Дневникъ А. В. Никитенко въ Русской Старинѣ, 1891 г., № 1, и Г. Д. Щербачева въ Русскомъ Архивѣ, того же года, № 1).

90) По инструкцiи, составленной Игнатьевымъ, петербургскiй оберъ-полицеймейстеръ долженъ былъ распоряжаться на улицахъ, а самъ генералъ-губернаторъ Игнатьевъ (не отличавшiйся, какъ передаютъ, большою храбростью) *безотлучно* находиться при особѣ императрицы въ Зимнемъ дворцѣ. Петербургскiе полки были соединены по телеграфу; загородные тоже были наготовѣ. Городовые вооружены револьверами (см. „Матерiалы“ II, 129).

91) См. Матерiалы III, 180.

92) *Русскiй Архивъ* 1892, № 1.

туда въ ожиданіи Государева выхода, были очевидно неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы выстрѣлъ; генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое, и ему докладываютъ... что глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный звонъ; опять опрометью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ... что звонили у Исаакія по случаю похоронъ какого-то священника» [93]).

Но, какъ и слѣдовало ожидать, страхи и тревоги были напрасны. Въ церквахъ съ амвона прочитана была благая вѣсть о свободѣ. Манифестъ былъ также и аффишированъ на стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ послышалось *ура*, но въ большинствѣ случаевъ былъ онъ выслушанъ молча и даже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ [94]). На людей интеллигентныхъ, радовавшихся освобожденію народа, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе холодный, витіеватый тонъ манифеста и выхваленіе доблести дворянства, якобы добровольно отказавшагося отъ крѣпостнаго права [95]), между тѣмъ какъ совершенно игнорировалось достойное, полное выдержки и такта поведеніе крѣпостнаго населенія, засвидѣтельствованное не разъ. «Я не могу не удивляться и не радоваться,—говорилъ Александръ II въ своей извѣстной рѣчи, въ засѣданіи государственнаго совѣта 28-го января 1861 г.,— и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое высказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ» [96]). И объ этомъ замѣчательномъ событіи, которое съ любовью отмѣчено было въ первоначальномъ проектѣ манифеста, ни слова не говорила его новая редакція [97]). На народъ онъ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія, благодаря отчасти своему тяжелому слогу, отчасти большому объему и обилію подробностей.

Но общій смыслъ манифеста и совершившагося великаго и

---

93) Тамъ же.

94) См. Воспоминанія Щербачева въ *Р. А.*

95) Членъ главнаго комитета гр. В. А. Адлербергъ рѣшительно отказался подписать ст. 1 проекта Полож. о крест., гдѣ говорилось, что крѣпостное право отмѣняется „по желанію дворянства“, и слова эти были вычеркнуты.

96) См. *Русскую Старину* 1890, № 2.

радостнаго для народа [98]) событія былъ слишкомъ для него ясенъ и, конечно, не могъ не произвести на него глубокаго впечатлѣнія. Но напрасно мы стали бы искать внѣшнихъ проявленій, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ глубинѣ этого трогательнаго чувства и величію пережитаго народомъ историческаго дня. Объясняется это, во-первыхъ, обычною сдержанностью народа и отсутствіемъ органовъ и способа для проявленія имъ своихъ чувствъ и мыслей, а, во-вторыхъ неувѣренностью народа, издавна привыкшаго быть, въ качествѣ anımae vilis, объектомъ безцеремонной расправы со стороны начальства [98*]), въ возможности свободнаго проявленія даже вполнѣ легальныхъ чувствъ. Такъ, по разсказу современника, народъ, стоявшій около манежа, гдѣ Государь самъ лично прочелъ манифестъ 19-го февраля, снялъ шапки, когда показался Государь, но *ура не смѣлъ кричать, не имѣя на то разрѣшенія полиціи* [99]). Но были моменты, когда народъ не могъ сдержать своего восторженнаго чувства благодарности и встрѣчалъ Царя-Освободителя такими громогласными и идущими отъ сердца кликами «ура», которые могли издать люди, впервые свободно, почеловѣчески вздохнувшіе послѣ многовѣковой злой неволи. Эти сіяющія, радостныя лица народа, впервые дождавшаго послѣ трехвѣковаго томленія рабства, свѣтлаго праздника на своей улицѣ, эти неудержимые взрывы безпредѣльнаго народнаго ликованія навсегда запечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ имѣвшихъ счастье видѣть и слышать ихъ.

«Было 2 часа по полудни, разсказываетъ одинъ изъ этихъ

---

[97]) Здравый народный смыслъ, между прочимъ говорилось въ милютинскомъ проектѣ, не увлекся ни ложными опасеніями, ни несбыточными надеждами. См. н. сб. Семенова, т. III, ч. 2, стр. 8—3.

[98]) «Матушка» не могла поѣхать въ церковь въ день объявленія манифеста, пишетъ помянутый гвардеецъ, потому что кучеръ явился къ ней и съ плачемъ объявилъ, что въ такой *великій* для всѣхъ день ему невозможно работать". (*Русск. Арх.* 1892, № 1).

[98*]) Въ самый великій, священный для народа день объявленія свободы, петербургская полиція выпорола двухъ дворниковъ, вся вина коихъ состояла въ томъ, что они въ *трактирѣ говорили* незадолго до 5-го марта говорили о „подписанной государемъ волѣ" (см. Русск. Арх. 1891, № 1, стр. 71).

[99]) См. Матеріалы, III, 190.

счастливцевъ, на Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура». Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики «ура» становились громче и громче; наконецъ, когда Государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое «ура», отъ котораго, казалось, *земля затряслась*. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя. Я счастливъ, — пишетъ авторъ воспоминаній,—что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію» [100]).

Другой изъ современниковъ, профессоръ и *цензоръ* А. В. Никитенко подъ 5-мъ марта пишетъ въ своемъ дневникѣ. «Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александръ II, на который мы всѣ взгянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя. Я не могъ усидѣть дома, продолжаетъ Никитенко. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, *слиться съ обновленнымъ народомъ*. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ - губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа; одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ (ученымъ).—*Христосъ воскресе!* сказалъ я ему.—*Воистину воскресе*,—отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость. Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанское, и мы выпили по бакалу въ честь Александра II» [101]).

Въ послѣдующіе дни манифестаціи имѣли болѣе правильный

[100]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ № 1 Русск. Арх. 1891 г.
[101]) Русс. Стар. 1891, № 1.

и не менѣе грандіозный характеръ. Фабричные окрестностей Петербурга прислали къ генералъ-губернатору Игнатьеву депутацію съ просьбою разрѣшить подать Государю адресъ и хлѣбъ-соль. Игнатьевъ принялъ ихъ очень сурово и отказалъ на-отрѣзъ. Тогда депутація заявила, что она обратится къ министру двора Адлербергу, и депутаціи разрѣшено было подать хлѣбъ-соль. Фабричные явились въ числѣ 20 тысячъ на площадь Зимняго дворца и подали Государю Императору хлѣбъ-соль, но адресъ не былъ принятъ [102]).

Спустя недѣлю послѣ объявленія манифеста, 12-го марта, тысячи крестьянъ, фабричные и ремесленники, отслушавъ литургію въ Александро-Невской лаврѣ, отправились съ женами и дѣтьми, чтобы поднести хлѣбъ-соль. Государь вышелъ къ крестьянамъ въ сопровожденіи цесаревича Николая Александровича, выслушалъ благодарственное привѣтствіе крестьянъ и дѣлалъ имъ наставленіе.

Такъ спокойно прошли въ Петербургѣ эти историческіе дни, ожидавшіеся съ тревогою и ужасомъ. Но если обратиться къ даннымъ о настроеніи общественныхъ группъ или сословій, то онѣ окажутся очень скудными. И понятно почему. Изъ двухъ непосредственно заинтересованныхъ классовъ, одинъ, дворянскій хранилъ враждебное молчаніе, другой—крестьянскій и радъ бы выразить воодушевлявшія его чувства, да не имѣлъ еще организованнаго орудія общественнаго слова. Купечество и духовенство оставались равнодушными, такъ какъ реформа ихъ прямо не задѣвала. Общесословныхъ же учрежденій въ то время почти не существовало. Вотъ почему особеннаго вниманія заслуживаетъ адресъ, поданный общесословною петербургскою думою. Дума, между прочимъ, писала: «Принявъ на видъ, что Высочайшимъ манифестомъ 19-го минувшаго февраля Его Императорскому Величеству благоугодно было *возвратить* крестьянамъ ихъ древнюю исконную свободу, каковая Монаршая милость дополнила и довершила дарованную россійскому дворянству манифестомъ Петра III отъ 18-го февраля 1762 г. свободу объ обязательной службѣ Царю и Государю, съ которою было тѣсно связано обязатель-

---

102) См. Матеріалы, III, 194.

чанію цензора Никитенко, день во всей тысячелѣтней исторіи Россіи.

Да, это былъ удивительный годъ—1861-й! Казалось само небо, особымъ знаменіемъ [108]) привѣтствовало свѣтило свободы, неожиданно засіявшее надъ этою страною рабства и кнута. Откуда явилась эта лучезарная комета свободы? Кто предѣлитъ законы ея дальнѣйшаго теченія?...

Bel astre voyageur, hôte qui nous arrives
Des profondeurs du ciel et qu'on n'attendait pas,
Où vas-tu? Quel dessein pousse vers nous tes pas?!

V.

Паденіе крѣпостнаго права знаменовало поворотъ исторіи Россіи въ другую, противоположную сторону. Если народная масса радовалась, непосредственно ощущая на себѣ блага великаго законодательнаго акта 19-го февраля, то лучшая часть образованнаго общества, сливаясь въ общемъ восторгѣ съ народомъ привѣтствовала въ освободительной хартіи упраздненіе застарѣлой вѣковой неправды и начало обновленія русской жизни во всѣхъ направленіяхъ.

Значеніе крѣпостнаго права въ русской жизни, по справедливому замѣчанію проф. Иванюкова [109]), было универсально; это право или вѣрнѣе безправье обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права Россія вступила въ новую эпоху развитія.

Благодаря такому всеобъемлющему значенію крестьянской реформы, она сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью: установленіе законности, учрежденіе независимаго суда, уравненіе всѣхъ предъ закономъ и привлеченіе къ управленію общественнаго элемента, отмѣну тѣлеснаго наказанія, раскрѣпощеніе печати и пр. Уже

[108]) Въ 1861 г. появилась комета. Ей именно посвящены приводимый стихъ Аккерманнъ—Oeuvres, Paris. 1885, 74. A la comète de 1861 г.
[109]) См. н. с. Иванюкова, предисловіе.

въ 1859 г. во многихъ Положеніяхъ, составленныхъ дворянскими губернскими комитетами, доказывалась необходимость устройства управленія и суда на новыхъ началахъ въ виду освобожденія крестьянъ.

Значеніе крестьянской реформы, какъ отправной точки для реформы администраціи и суда, обстоятельно разъяснено въ запискѣ тверскаго комитета, составленной предсѣдателемъ его А. М. Унковскимъ.

«Несмотря на все зло крѣпостнаго права, — читаемъ въ запискѣ,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали *произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея, средства управленія и охраненія общественнаго порядка и безопасности, до сихъ поръ недостаточныя, будутъ совершенно ничтожны. Съ другой стороны, крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность. Если уничтожить его только въ частномъ видѣ, оставивъ все прежнее по старому, это не будетъ уничтоженіе крѣпостнаго права, а только передача его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ и на лагерь безправныхъ и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и для устраненія его необходимо положить основаніе самостоятельнаго управленія общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи, неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими».

Тверской комитетъ проектировалъ мѣстное всесословное самоуправленіе, отчасти осуществившееся впослѣдствіи, и въ защиту его между прочимъ приводилъ то соображеніе, что соединеніе дворянства и крестьянъ въ одно общее собраніе заставитъ смолкнуть мелкіе сословные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими.

Какъ одно изъ условій правильнаго управленія выставлялось учрежденіе независимаго суда, въ качествѣ блюстителя законности, которой не могло существовать, какъ гласитъ одинъ изъ дворянскихъ адресовъ [110]), въ то время, пока допускалось крѣпостное право на людей.

Въ частности относительно проектированнаго тверскимъ комитетомъ суда присяжныхъ въ запискѣ его находимъ слѣдующія соображенія, направленныя противъ мысли о невозможности введенія его, въ виду невѣжества народа: «Невозможно ожидать, чтобы судъ присяжныхъ въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ то же, что теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ образованнѣе, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. *Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?*... Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть,—ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ нашемъ и эти качества? Это было бы слишкомъ много!». Затѣмъ комитетъ доказываетъ необходимость раздѣленія властей и непосредственное подчиненіе чиновниковъ административнаго вѣдомства суду по преступленіямъ должности.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что при обсужденіи крестьянскаго вопроса были поставлены почти всѣ реформы, осуществившіяся впослѣдствіи.

Резюмируя во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го октября 1859 г. предложенныя дворянскими депутатами реформы, Я. И. Ростовцевъ писалъ: «Во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ только и есть *одна идея*, *равно всѣми раздѣляемая* (курсивъ подлинника): это—несчастное устройство нынѣшняго мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка благосостояніе

---

[110]) См. адресъ владимірскаго дворянства, стр. 396, н. с. Иванюкова.

какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ не можетъ быть устроено надежно и прочно» [111]).

Но значеніе освобожденія крестьянъ этимъ не ограничилось. Оно не только выдвинуло извѣстныя реформы, но и оказало прямое вліяніе на то направленіе, въ которомъ онѣ были разрѣшены. Оно дало ту смѣлость, воодушевленіе и вѣру въ силу разума и правды, безъ которыхъ невозможно осуществленіе крупныхъ реформъ.

Съ особенною наглядностью это вліяніе можно прослѣдить, напр., на судебной реформѣ. Извѣстно, что начало ея относится къ 1848 г. Но во все время Николаевскаго царствованія законодательныя предположенія не выходили за черту обычныхъ палліативныхъ исправленій. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ этой отрасли новымъ духомъ. Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей законопроекты, гр. Блудовъ сдѣлалъ значительную уступку духу времени. Въ проектахъ, составленныхъ имъ въ 1859 и въ 1860 гг., онъ уже допускалъ гласность, состязательность, мировой институтъ, адвокатуру. Но все-таки на проектахъ гр. Блудова видны были слѣды нѣкоторой робости, нерѣшительности, непослѣдовательности. Судъ присяжныхъ, напримѣръ, гр. Блудовъ признавалъ совершенно разумнымъ учрежденіемъ, но въ 1859 г. не рѣшался еще внести въ свой проектъ. Если Судебные Уставы получили тотъ законченный, раціональный радикальный характеръ, который вызвалъ справедливое удивленіе не только у насъ, но и за границею [112]), то этимъ они обязаны бодрому настроенію и гуманному направленію, которыя оказались въ нашихъ правящихъ сферахъ послѣ освобожденія крестьянъ. Это явствуетъ изъ хронологіи. Судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей, независимость адвокатуры и прочія основы нашего новаго судебнаго строя впервые были предложены въ извѣстныхъ «Соображеніяхъ государственной канцеляріи», составленныхъ въ началѣ 1862 г. и Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября того же года [113]).

---

[111]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 931.

[112]) См. статью Миттермайера въ Жур. Мин. Юстиціи, 1864 г. № 5. Во главѣ защитниковъ необходимости *радикализма* въ судебной реформѣ стоялъ не кто иной.какъ.М. Н. Катковъ. См. Русскій Вѣстникъ. 1860. № 2.

[113]) См. мои: Основы Судебной реформы. М. 1891, гл. III.

На эту не только хронологическую, но и логическую связь между крестьянскою и судебною реформами настойчиво указываютъ ближайшіе дѣятели ея. Членъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ 1880 г. въ петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, между прочимъ говорилъ: «Въ 1861 г. судебная реформа сдѣлалась настоятельною. До этого времени для 25-ти милліоновъ народа почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказанія, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1840 г.) или плетьми, установленнаго образца (послѣ 1846 г.» [114]). Положеніе 19-го февраля 1861 г.,—говоритъ другой ближайшій дѣятель и руководитель судебной реформы С. И. Зарудный,—прекратили эти порядки. Тогда высшіе наши сановники поняли, что для Россіи также точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ. Если бы въ 1861 году *не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 г. утверждены Судебные Уставы [115]).

Огромное вліяніе освобожденія крестьянъ на всѣ послѣдующія реформы засвидѣтельствовано и оффиціальнымъ актомъ, которымъ мы и закончимъ нашъ очеркъ. «Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, — читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г.,—провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя относящіяся къ судопроизводству начала (смѣшеніе властей, сословные суды и пр.), болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего обширнаго отечества, теперь обратились въ недостатки. Первое начало,—смѣшеніе властей, было отчасти неизбѣжнымъ *послѣдствіемъ* крѣпостного состоянія. Смѣшеніе властей, проникавшее въ отдѣльныя управленія, должно было проникнуть и *въ общее управленіе* имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ

---

114) Журн Гражд. Прав. 1882, № 9.
115) См. Русскую Старину, 1888 г., № 9.

силу самаго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія... Указанныя начала, истекающія изъ *прежняго* устройства нашего общества, имѣютъ между собою такую *непосредственную* связь, что при осуществленіи одного изъ нихъ были неизбѣжны и другія, и потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдывавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо *одновременно устранить* всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства» [116]).

Императоръ Николай I, лежа уже на смертномъ одрѣ, сказалъ своему преемнику: «сдаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много заботъ и трудовъ» [117]). Первою и величайшей заботою новаго царствованія было освобожденіе гражданской личности народа. Вслѣдъ за этой реформой и въ непосредственной связи съ ней были другія реформы 60-хъ годовъ, имѣвшія цѣлью—ослабить бюрократическое всевластіе и произволъ, обезпечить права личности, дать просторъ общественной самодѣятельности и расширить свободу слова, безъ которой немыслимо общественное благосостояніе, словомъ обновить во всѣхъ частяхъ старую пропитанную духомъ крѣпостнаго права правительственную систему, несостоятельность которой такъ наглядно и грозно сказалась въ безплодномъ мартирологѣ пылающаго Севастополя и которая обусловлила указанный «непорядокъ въ командѣ».

---

116) См. т. XVIII, Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 55, 57.

117) См. н. Матеріалы I, 97.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ исторіи общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

Настоящее правительство не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ,— оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно; оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ признакамъ, которые называются революціею, ибо возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, вслѣдствіе ихъ нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легко, особенной силы тутъ не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ. Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другія пріемы потруднѣе и посложнѣе требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни.

С. М. Соловьевъ.

I.

Минуло уже тридцать лѣтъ со дня объявленія великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 года. Не взирая на этотъ довольно значительный промежутокъ времени, нѣкоторыя стороны крестьянской реформы остаются еще въ тѣни. Нельзя сказать, чтобы это явленіе всецѣло объяснялось неблагопріятными цензурными условіями. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить не-

достаточную извѣстность матеріаловъ крестьянской реформы. Несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ, печаталась и печатается масса данныхъ, касающихся ея хода, многія свѣдѣнія остаются еще подъ спудомъ. Таковы, наприм., Положенія губернскихъ комитетовъ, которыя вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ [1]), что̀ создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на ходъ и исходъ великаго преобразованія. Имѣвъ случай ознакомиться съ трудами одного изъ самыхъ видныхъ губернскихъ комитетовъ, тверскаго, считаемъ не безъинтереснымъ подѣлиться ими съ читателями.

Матеріалы эти заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольно прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ. Въ обществѣ существуетъ легенда,—замѣчаетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о крестьянской реформѣ проф. Иванюковъ,—«будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему негодный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе, будто Положеніе 19 февраля *сочинилъ* (курсивъ подлинника) *кружокъ* умныхъ и честныхъ либераловъ, *а общество* не причемъ и скорѣе мѣшало» [2]). Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда и становится яснымъ, что если эта трудная реформа, вызывавшая столько опасеній и противодѣйствій, была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ лучшею частью дворянства и было солидарно съ либерально настроенною литературою и интеллигенціею, преданною народу.

Утверждать въ настоящее время, что дворянство *en masse* оказалось на высотѣ выпавшей на его долю трудной, но щекотливой задачи, значило бы грѣшить противъ истины, засвидѣтельствованной самыми безспорными документами. Министръ внутрен-

---

[1]) См. Н. П. Семенова: Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1889 г., т. I, стр. 38.

[2]) И. И. Иванюковъ: „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. Спб., 1882 г., стр. 165.

нихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 г. удостовѣряетъ, что большинство дворянства *не оправдало* ожиданій правительства и прямо или косвенно стремилось къ сохраненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искусно замаскированной формѣ [3]). Въ той-же запискѣ своей Государю Ланской писалъ: «Въ большинствѣ проектовъ, представленныхъ комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы». Въ опубликованныхъ собственноручныхъ отмѣткахъ покойнаго Государя на адресѣ одного изъ корифеевъ крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣется любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроенія дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ Государемъ: «дворянство горячо сочувствуетъ Государю; оно доказало готовность свою исполнить его волю» — стоитъ собственноручная ироническая отмѣтка Государя: «хорошо доказало!» [4]).

Явленіе это было печально, некрасиво, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснялъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 г. «Большинство дворянскихъ комитетовъ, — писалъ онъ, — смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія *общественной пользы*, государственной *необходимости* и государственнаго *права*. Огром-

[3]) Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи". Спб., 1889 г., т. I, стр. 828—830. Въ началѣ дворянство было даже противъ освобожденія личности крестьянъ безъ денежнаго выкупа и до конца большинство дворянства стояло—за обезземеліе крестьянъ (см. н. с. проф. Иванюкова, стр. 234 и слѣд и стр. 828 н. с. Семенова: т. I, вышеупомянутую записку мин. внут. дѣлъ).

[4]) См. томъ II назв. соч. Семенова. стр. 951.— Противъ того мѣста письма Паскевича, гдѣ говорилось, что предположеніе Редакціон. Коммиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣтка Государя: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать" (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ, 1891 г., № 10, стр. 146).

ное число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ Редакціонной Коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію» [5])... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею, то многіе изъ нихъ открыто, *горячо* и, повидимому, bona fide, заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ Редакціонной Коммиссіи, что за себя лично они готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя вправѣ и уполномоченными «жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями» [6]).

Такимъ образомъ, большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, призванныхъ вершить общественное дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы или необходимости, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія, избранныхъ имъ ad hoc для упрямаго отстаиваньи его матеріальныхъ и частносословныхъ интересовъ и привилегій, хотя бы и съ ущербомъ для другихъ сословій и классовъ.

Въ этомъ неумѣньи подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ, въ этой неспособности различать области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва ли не основная ошибка дворянскаго большинства, приведшая его къ обвиненію своихъ противниковъ въ революціонныхъ и анархическихъ стремленіяхъ [7]).

Судить за это черезъ-чуръ строго тогдашнее дворянство едва ли будетъ вполнѣ справедливо, въ виду невысокаго его общественнаго развитія. Конечно, если сравнивать его поведеніе съ образомъ дѣйствій высшихъ сословій во Франціи и Пруссіи въ дѣлѣ отмѣны феодальныхъ привилегій, то сравненіе окажется не въ пользу русскаго дворянства. Но если припомнить событія современной жизни и принять во вниманіе, какъ поступало

5) Ibid., стр. 928—929.

6) См. особое мнѣніе Милюкова въ прил. къ пол. тверск. ком., стр. 5, а также въ т. II п. с. Семенова, стр. 35. Мнѣніе ярос. деп. Васильева.

7) Ibid., стр. 951, 929.

то или другое сословіе, когда интересы его, какъ цѣлаго, или даже отдѣльной группы членовъ сталкивались съ другими интересами, то, быть можетъ, къ дворянству будемъ менѣе строги, Оно, конечно, noblesse oblige, но развѣ меньше обязываетъ высшее образованіе и сознаніе достоинства либеральной корпораціи? А, между тѣмъ, припомнимъ, какъ поступили недавно не то что московскіе купцы, которые подняли страшный вопль по поводу французской выставки въ Москвѣ, а московскіе присяжные повѣренные въ вопросѣ о помощникахъ...

Но какъ ни смотрѣть на роль дворянства въ крестьянской реформѣ, для правильнаго сужденія о ней необходимо имѣть въ виду и то просвѣщенное, передовое, либеральное и истиннопатріотическое меньшенство [8]) его, которое, понявъ высокое значеніе выпавшей на его долю исторической миссіи, смѣло пошло ей на встрѣчу. Пренебрегши и личною карьерой и отношеніями, и даже личною безопасностью, эти передовые бойцы за свободу народа оказали энергическую поддержку благому почину правительства, несмотря на сыпавшіеся на нихъ инсинуаціи [9]) клеветы, прямые доносы и даже открытое насиліе [10]).

---

8) Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, писалъ въ своей запискѣ мин. внут. дѣлъ Ланской, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости, образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 829).

9) До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по факту, оглашенному недавно Русскимъ Архивомъ. На одномъ обѣдѣ князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (чл. ред. ком.) не постѣснился прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: „Ужъ если пить, то лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ Пугачева!“ (Р. А. 1891 г., № 1, стр. 7). Когда дошла объ этомъ вѣсть до Государя, онъ рѣшилъ Булгакова уволить отъ службы. Военный министръ Сухозанетъ на колѣняхъ упросилъ простить своего протеже (см. Матеріалы для исторіи упразд. при пост. прав. Берлинъ, 1860, т. II). Булгаковъ отказался отъ своихъ словъ.

10) Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ и насилій крѣпостниковъ (см. н. Матеріалы I,

Большое счастье,—говоритъ историкъ крестьянской реформы проф. Иванюковъ,—что въ работахъ по этому вопросу было дано участіе *общественному* элементу — впервые въ теченіе всего XIX столѣтія [11]). Благодаря этому, свѣтлыя мысли, высказывавшіяся въ литературѣ, все-таки, хоть косвенно, могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ и потомъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ [12]).

Нужно отдать справедливость либеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ эпохи крестьянской реформы, что они дѣйствовали съ замѣчательною *самостоятельностью* и *стойкостью*, а нѣкоторые даже съ рѣдкимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ. Отмѣчу одну подробность, свидѣтельствующую о томъ, какъ лучшая меньшая часть дворянства увлекала не только значительную часть дворянства, но и вліяла иногда на правительство [13]). Въ октябрѣ 1858 г., когда въ оффиціальныхъ сферахъ никто и не смѣлъ заикаться о *выкупѣ* полевой земли и даже запрещено было дворянскимъ собраніямъ касаться этого вопроса, пріѣхали въ Петербургъ тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, А. Н. Перхуровъ, Н. Бакунинъ и Кишенскій. Они представлялись мини-

---

301, 307). Въ Дневникѣ Валуева находимъ подъ 30-мъ декабря 1859 г. слѣдующую отмѣтку: „анти-ростовцевцы предприняли формальную ажитацію по имперіи, разослали своихъ агентовъ по губерніямъ, получаютъ des adresses d'adhésion и т. п. Вотъ до чего доведено дѣло и низведено!... Одинъ генералъ-адъютантъ и три флигель-адъютанта открыто дѣйствуютъ на свою руку и находятъ приверженцевъ" (Русс. Ст. 1891 г., № 10, стр. 147).

[11]) Указывая на это первое въ текущемъ столѣтіи обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства, г. Семеновъ сопоставляетъ это явленіе съ народнымъ представительствомъ, существовавшимъ въ древней Руси.—Отсутствіе крестьянъ г. Семеновъ объясняетъ ихъ неразвитостью, истекавшею изъ крѣпостнаго права. Нужно отдать, говоритъ онъ, полную справедливость всему (??) русскому дворянству, что интересы крестьянъ были до конца имъ ограждены лучше, нежели бы даже самими крестьянами. См. н. с. Семенова т. I, 24—25.

[12]) Сравнивая положенія губернскихъ комитетовъ съ постановленіями редакціонной коммиссіи, г. Иванюковъ отмѣчаетъ, что послѣднія *всѣ* заимствованы изъ того или другаго мѣстнаго положенія.

[13]) См. Записку Ланскаго въ н. с. Семенова II, 827.

стру внутрен. дѣлъ, С. С. Ланскому, и категорически заявили ему, что они согласны составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя *они сами* считаютъ полезными; а если такого проекта не нужно, продолжали депутаты, пусть назначатъ на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ.

Какой получается контрастъ, если сопоставить эту независимую рѣчь тверскихъ депутатовъ съ діалогомъ, имѣвшимъ мѣсто въ томъ же городѣ всего за сорокъ съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ.

— Вы чего сюда притащились, кричалъ въ 1812 министръ полиціи Балашевъ на дворянскую депутацію, которая въ годину народнаго бѣдствія пріѣхала въ Петербургъ «положить къ стопамъ Государя свои животы» и все прочее по случаю нашествія Наполеона.

— Кто это вамъ позволилъ, господа? [14])...

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...

Съ такою же независимостью, несмотря на всѣ цензурныя тиски, раздавался и голосъ общественнаго мнѣнія. Журналистика, не смѣвшая при Дуббельтѣ говорить, напр., о загрязненіи Фонтанки и даже одобрительно отзываться о правительственныхъ дѣйствіяхъ, критиковала ихъ съ свободою, которая не только не превзойдена, но и не была достигнута впослѣдствіи, съ отмѣною предварительной цензуры.

Роль либеральной литературы [15]), разъяснявшей и развивавшей планъ *полнаго* освобожденія крестьянъ, была громадна. Особенно *Современникъ* и *Русскій Вѣстникъ* горячо ратовали противъ крѣпостническихъ тенденцій въ правительствѣ и въ литературѣ. «Литература, можно сказать, писалъ въ 1859 г. М. Н. Катковъ, оказала *несомнѣнныя* услуги правительству и обществу

---

[14]) См. Русскія народныя картины Д. Ровинскаго, т. V, стр. 318.

[15]) Роли литературы въ н. с. Иванюкова посвящена особая обширная глава (см. стр. 86—143). — Редакціонная коммиссія собрала до 1000 сочиненій по крестьянскому вопросу, въ томъ числѣ до 400 на русскомъ языкѣ. Сдѣлано было сношеніе съ редакціями русскихъ журналовъ о высылкѣ въ библіотеку ея 100 оттисковъ *всѣхъ* (ст. б. и не пропущенныхъ цензурою) статей, поступившихъ въ редакціи (см. н. с. Семенова II, 84, 114).

по крестьянскому вопросу. Благодаря ея *искреннему* и *дружному* содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространялся въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться, сколько перенести тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснить мало по малу элементы этого вопроса» [16]).

Въ ряду проводниковъ свѣтлыхъ мыслей, развиваемыхъ въ литературѣ, на первомъ планѣ выступало дворянство Тверской губерніи, имѣвшее въ то время во главѣ одного изъ самыхъ стойкихъ и самоотверженныхъ борцовъ за «святое дѣло» какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ—Алексѣя Михайловича Унковскаго (нынѣ петербургскій присяжный повѣренный). Если въ другихъ губерніяхъ дворяне, стремившіеся не къ фиктивному, а къ дѣйствительному освобожденію народа, составляли меньшинство, а то и просто считались единицами,—въ тверскомъ дворянствѣ большинство, хотя и не сильное, стало на сторону либерально-гуманной программы, предложенной его предводителемъ, и оказало сильное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго, довольно не опредѣленнаго и узкаго правительственнаго плана «объ улучшеніи быта крестьянъ». Въ первыхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на *всю* землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснялъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами или произведеніями. Уничтоженіе крѣпостнаго права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, при чемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція [17]).

[16]) См М. Н. Катковъ—соч. Н. А. Любимова, стр. 113.

[17]) См. пункты I, II, III отношенія Ланскаго къ ген.-губ. Назимову отъ 22 ноября 1857 г.

Неопредѣленность выраженій означенныхъ оффиціальныхъ документовъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могли быть истолкованы въ смыслѣ установленія феодальной собственности, а въ худшемъ—въ смыслѣ возможности полнаго обезземеленія крестьянъ, ввела въ искушеніе большинство дворянства исказить по своекоростнымъ соображеніямъ основной смыслъ намѣренія правительства. Руководствуясь открытымъ еще въ древности «благовиднымъ» рецептомъ обхода закона, состоящимъ въ явномъ нарушеніи смысла закона при кажущемся буквальномъ его исполненіи (verbis legis amplexus contra ejus niti voluntatem), нѣкоторые дворянскіе комитеты (какъ-то курскій, новгородскій, тамбовскій, херсонскій, виленскій, и др.) истолковали намѣренія правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ проектахъ вовсе лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго времени, земли.

Не такъ посмотрѣлъ на дѣло тверской дворянскій губернскій комитетъ. Составленное имъ «Положеніе» краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что оно съ самаго начала взглянуло на возложенную на него правительствомъ задачу, какъ на общественное служеніе, а не частное, сословное дѣло. Служа органомъ циркулировавшихъ въ обществѣ и литературѣ «свѣтлых мыслей» о дѣйствительномъ, а не фиктивномъ освобожденіи крестьянъ, тверской комитетъ «добросовѣстно и съ полною откровенностью высказалъ свой взглядъ на предстоящую реформу», въ которомъ, по справедливому замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, «хотя не было вѣрности буквѣ высочайшаго рескрипта, но было согласіе съ духомъ и цѣлью его: *обезпечить и улучшить* быть крестьянъ».

Въ Положеніи своемъ, которое занимаетъ первое мѣсто въ ряду однородныхъ работъ, тверской комитетъ твердо и убѣдительно настаивалъ на необходимости полнаго освобожденія крестьянъ съ землею и на предоставленіи имъ, при посредствѣ выкупной операціи, въ собственность не только усадебной осѣдлости, но и надѣльной полевой земли. Кромѣ того, онъ считалъ крайне опаснымъ сохраненіе вотчинной полиціи и предлагалъ стройную систему мѣстнымъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ всесословнаго само-

управленія и согласованныхъ съ духомъ предположенной реформы. Подъ положеніемъ подписались, кромѣ предсѣдателя губернскаго предводителя А. М. Унковскаго, тверской уѣздный преводитель тит. сов. Арсеній Балкашинъ и члены: депутатъ отъ Кашинскаго уѣзда кап.-лейт. Павелъ Максимовичъ, депутатъ Калязинскаго уѣзда шт. кап. Михаилъ Нероновъ, кандидатъ Весьегонскаго уѣзда шт. кап. Петръ Измайловъ, депутатъ Вышневолоцкаго уѣзда кап.-лейт. Николай Харламовъ, депутатъ Ржевскаго уѣзда колл. секр. Никита Семеновъ, депутаты Старицкаго уѣзда шт. рот. Алексѣй Вульфъ и лейт. Петръ Панафидинъ, депутаты Новоторжскаго уѣзда: гв. пор. Павелъ Кишенскій и пор. Константинъ Мячковъ, депутаты Корчевскаго уѣзда: гвардіи полковникъ Александръ Перхуровъ и Алексѣй Головачевъ (впослѣдствіи извѣстный публицистъ), депутаты отъ правительства кап. арт. Николай Бакунинъ и отст. маіоръ Александръ Вельяшевъ. 13 депутатовъ остались при особыхъ мнѣніяхъ [18]).

---

[18]) „Эти 13 членовъ, не подписавшихъ проекта большинства, пишетъ мнѣ одинъ изъ членовъ тверскаго комитета, не были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землею. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (см. ниже), было очень мало. Большая часть ихъ боялись только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрили возможности одновременнаго выкупа по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены редакціонныхъ коммиссій. Съ ними большинству Комитета приходилось такъ же спорить, какъ впослѣдствіи депутатъ тверскаго А. М. Унковскій спорилъ съ Н. А. Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. И. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ какъ это для лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне несостоятельны къ платежу оброковъ или къ погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ—съ членами коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 13-ти я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ—де-

Шумно и торжественно [19]) закончило Тверское дворянство свое общественное служеніе. 5-го февраля 1859 г. былъ закрытъ губернскій тверской комитетъ. На другой день члены его давали обѣдъ въ честь тверскаго губернатора *Баранова*, относившагося довольно сочувственно къ освобожденію крестьянъ Предводитель дворянства А. М. Унковскій провозгласилъ тостъ за Александра II въ слѣдующихъ задушевныхъ выраженіяхъ: «за здравіе и благоденствіе пресвѣтлаго солнца которое грѣетъ и свѣтитъ Россіи». Г. Унковскому самоотверженно и много потрудившемуся на пользу народа былъ поднесенъ членами комитета эмблематическій подарокъ: изящный серебряный кубокъ работы Сазикова: на крышкѣ кубка стоитъ крестьянинъ безъ шапки и съ низкимъ поклономъ держитъ на подносѣ хлѣбъ-соль, въ знакъ благодарности за волю и землю. Затѣмъ, былъ оффиціальный обѣдъ у губернскаго предводителя, на которомъ присутствовали корифеи тогдашней либеральной журналистики профессоры М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ, И. К. Бабстъ, Громека и др. [20]).

путата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго — Зубкова. Въ доказательство привожу слѣдующій случай. Когда пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка, а, слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали въ тупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ оснований. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія Модестъ *Воробьевъ*. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но и правительствомъ. Редакціонныя коммиссіи только измѣнили разсчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя двѣ десятины и возвысивъ за 3-ю и 4-ю, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла".

[19]) Вообще дворянство вездѣ очень весело заключило свой первый политическій дебютъ. Съ особенною, даже нѣсколько театральною. торжественностью дѣйствовало харьковское дворянство. Всѣ члены комитета, какъ бы въ подражаніе парижскому конгрессу 1856 г., подписали Положеніе перьями на которыхъ значилось: „А. II". На ручкахъ была вырѣзана дата 24-го марта 1859 (день подписанія). Ручки были взяты каждымъ членомъ съ собою для передачи ихъ на храненіе въ свою приходскую церковь. Снята была фотографическая группа всѣхъ членовъ. Составленъ альбомъ ихъ автографовъ и пр. См. Матеріалы для ист. упразд. крѣп. права. Берлинъ 1860, т. I, стр. 307.

[20]) См. н. Матеріалы т. I, 307.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному анализу замѣчательнаго Положенія, составленнаго тверскимъ комитетомъ, считаемъ не лишнимъ отмѣтить крупнѣйшія событія изъ послѣдующей довольно бурной дѣятельности тверскаго дворянства, въ свое время обратившей вниманіе всей Россіи.

Въ августѣ 1859 г. стали съѣзжаться въ Петербургъ дворянскіе *депутаты* перваго приглашенія. Въ числѣ ихъ были и тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, какъ представитель большинства комитета, и Е. А. Кардо-Сысоевъ, —меньшинства. Положеніе депутатовъ было крайне фальшивое. «Депутатъ»—слово слишкомъ громкое, много обязывающее и много обѣщающее слово, которое не соотвѣтствовало существу и пространству возложенныхъ на прибывшихъ дворянъ полномочій или точнѣе обязанностей, если не повинностей. Вопреки первоначальному плану, одобренному главнымъ комитетовъ, это не были даже сословные уполномоченные, имѣвшіе представлять интересы, желанія и взгляды дворянскихъ обществъ in corpore. Вслѣдствіе послѣдующаго измѣненія, исходатайствованнаго въ маѣ 1859 г. и допустившаго представительство меньшинства наравнѣ съ большинствомъ, характеръ депутатскихъ полномочій рѣзко измѣнялся. Они превратились въ простыхъ свѣдущихъ людей, призванныхъ не импонировать правительству, въ качествѣ дворянскаго представительства, а своимъ практическимъ знаніемъ жизни, а отчасти и просвѣщеннымъ взглядомъ, какъ представители высшаго сословія, помочь правительству добрымъ совѣтомъ въ разрѣшеніи труднаго, но уже назрѣвшаго вопроса. Все зависѣло отъ того, въ какую форму выльется эта новая вспомогательная сила законодательной дѣятельности. Такъ или иначе «депутаты всетаки являлись представителями части общественнаго мнѣнія, общества, носители свободной общественной мысли и слова, способные если не ratione imperii, то imperio rationis т. е. разумностью своихъ совѣтовъ воздѣйствовать на правительство.

Минута была торжественная и критическая!

Какая ждала роль этихъ представителей дворянскаго землевладѣнія и отчасти дворянской интеллигенціи, впервые послѣ большой

Екатерининской коммиссіи 1767 г., призываемыхъ центральною властью для совѣщанія? Какъ отнесутся дворяне къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостнаго, которая была отвергнута сто лѣтъ назадъ ихъ предками, не смотря на просвѣщенную инициативу Екатерины [21]), въ то время настроенной либерально и лишь къ концу царствованія сдѣлавшейся, по выраженію одного историка, «либеральной крѣпостницею» и установившею крѣпостное право въ Малороссіи?! [22]). Отъ того или другаго характера и обстановки этой, первой послѣ столѣтняго промежутка, встрѣчи лицомъ къ лицу представителей общества и центральнаго правительства многое зависѣло для судебъ Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, встрѣча произошла при обстановкѣ и настроеніи, полныхъ взаимнаго недовѣрія и раздраженія. А извѣстно, что эти условія крайне неблагопріятныя для взаимнаго сближенія какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Вина была съ обѣихъ сторонъ, но главная вина была на сторонѣ дворянства. Если бы оно, какъ сословіе, имѣло политическую дальновидность и правильное разумѣніе своихъ интересовъ, оно должно было примириться съ неизбѣжными жертвами, пойти на встрѣчу громко требуемому прогрессивнымъ общественнымъ мнѣніемъ освобожденію крестьянъ, стать во главѣ этого движенія и тѣмъ укрѣпить свое политическое и соціальное положеніе въ государствѣ. Словомъ, если бы оффиціально провозглашенная въ манифестѣ фраза, что освобожденіе народа состоялось *по волѣ дворянства* [23]), была не фикціею, а сущею правдою, то дворянство оказалось бы на высотѣ своего историческаго положенія.

На дѣлѣ было не то. Изъ вышеупомянутой записки Ланскаго видно, что либеральное правительство было разочаровано въ сво-

---

[21]) Брикнеръ. Исторія Екатерины Второй. IV, 537—542.

[22]) Д. А. Ровинскій. Русс. Народ. картинки. Спб. 1881, V, 321.

[23]) Такъ гласитъ Манифестъ 19-го февраля, это значилось и въ первоначальномъ проектѣ „Положенія о крестьянахъ“, но слова эти были вычеркнуты 1 ст. Полож. по настоянію члена главнаго комитета, крѣпостника гр. В. А. Адлерберга, который заявилъ: это ложь съ перваго слова, дальше читать не стоитъ. См. Матеріалы, III.

ихъ надеждахъ: большинство дворянъ оказалось враждебнымъ освобожденію. Правительство, въ виду этого, сочло нужнымъ *защитить* «святое дѣло» отъ попытокъ искаженія со стороны дворянскихъ депутатовъ. Весною 1859 г. исходатайствовано было Высочайшее повелѣніе о вызовѣ депутатовъ не только отъ большинства, но и отъ меньшинства. Черезъ это, какъ уже замѣчено, сразу званіе «депутатъ» низводилось со степени представителя дворянства цѣлой губерніи къ скромной роли эксперта-землевладѣльца. Въ августѣ того же года состоялось другое Высочайшее повелѣніе о томъ, что депутаты не должны касаться коренныхъ, уже *предрѣшенныхъ* правительствомъ вопросовъ, а лишь тѣхъ частностей, о которыхъ *признаетъ нужнымъ* спросить депутатовъ редакціонная коммиссія. Когда 36 депутатовъ явились въ августѣ 1859 г. въ Петербургъ, имъ была объявлена еще Высочайшая инструкція, которая воспрещала имъ дѣлать общія собранія и дѣятельность ихъ ставила въ крайне узкія и стѣснительныя рамки. Мало того. Званіе «депутатовъ», какъ не отвѣчающее ихъ новому положенію, было *упразднено* и замѣнено названіемъ членъ губернскаго комитета [24]). Было очевидно, что правительство приняло всѣ мѣры, чтобы лишить оппозиціонную дворянскую партію возможности сгруппироваться, спѣваться, дабы сообща идти противъ редакціонной коммиссіи, гдѣ, по мнѣнію крѣпостниковъ или какъ тогда называли плантаторовъ, засѣдали, красные, демагоги, революціонеры и пр. Ошибкою правительства было то, что защищаясь отъ противниковъ, оно задѣвало и преданныхъ друзей, вырывая плевелы съ общественной нивы, оно топтало и пшеницу, и ошибка, главнымъ образомъ, обусловливалась застарѣлыми бюрократическими традиціями николаевскаго времени, которыя дѣлали невозможнымъ полное, сердечное единеніе правительства съ передовою либеральною частью общества дворянства и интеллигенціи. Такимъ образомъ первый опытъ сближенія правительства съ обществомъ вышелъ неудаченъ.

Депутаты, какъ и слѣдовало ожидать, остались крайне недовольны принятыми противъ нихъ мѣрами. Они стали собираться

---

24) См. н. с. Иванюкова. 176—183.

у петербургскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Шувалова, волновались, шумѣли, протестовали, но ничего не выходило. Попробовали ходатайствовать о разрѣшеніи дѣлать общія собранія, но былъ полученъ отказъ. Послѣ этого депутаты рѣшились выразить по группамъ въ особыхъ адресахъ свои пожеланія и взгляды на крестьянскую реформу [25]).

Самый замѣчательный адресъ тотъ, который подали 16 октября 1859 г. либеральные депутаты: А. М. Унковскій вмѣстѣ съ членами харьковскаго комитета Дм. Хрущовымъ и Алекс. Шретеромъ и двумя членами ярославскаго комитета Демосѳеномъ Васильевымъ и Павломъ Дубровинымъ.

Хотя либеральные депутаты были почти вполнѣ солидарны съ редакціонною коммисіею (кромѣ вопроса о выкупѣ, который г. Унковскій предлагалъ совершить разомъ) въ главныхъ вопросахъ, но они считали опаснымъ усиленіе бюрократическаго всевластія и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали безусловно необходимыми общегосударственныя реформы, которыя впослѣдствіи болѣе или менѣе и были осуществлены. Вотъ текстъ этого адреса: [26]).

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ

---

[25]) Адресы напечатаны въ видѣ приложенія къ т. II н. сб. Семенова. Тутъ же напечатана записка Н. П. Безобразова, написанная очень запальчиво, но мѣтко характеризующая болѣзни бюрокритической системы, но насквозь пропитанная олигархическими тенденціями. У г. Семенова приведены также весьма характерныя мѣста, подчеркнутыя Государемъ и сдѣланныя имъ на поляхъ отмѣтки. Противъ того мѣста записки, гдѣ говорилось, что администраціею нарушена Высочайшая воля, по силѣ которой депутаты должны были поступить въ главный комитетъ, стоятъ помѣтки *„вздоръ“* и *„никогда“*. Противъ мѣста, гдѣ говорится, что нужно обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя коммиссіи, стоитъ помѣтка: *надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать*. Противъ мѣста, гдѣ говорилось, что правительство шло извилитыми путями, написано: *„непомѣрная наглость“*. Въ концѣ записки, гдѣ говорится, что авторъ желаетъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи, отмѣчено: *онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить олигархическое правленіе* (см. н. сб. Семенова II, 940—952). Авторъ записки былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ столицы. (Тамъ-же II, 129).

[26]) См. н. сб. Семенова II, 935 - 937.

въ исторіи нашего отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

„Первый истекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію.

„Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

„Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать бытъ земледѣльцевъ.

„Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ.

„Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ вамъ, Государь, и живой преданности къ Престолу и Отечеству.

„Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

„Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ Редакціонныя Коммиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній Коммиссій, мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется сасамоуправленіе, но оно будетъ *подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ;* и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами, и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

„Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословія.

„Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія; убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

„Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ Престолу и Отечеству“.

Исторія съ адресами кончилась грустно. Всѣмъ подписавшимъ былъ объявленъ выговоръ, а нѣкоторые, и въ томъ числѣ и тверской депутатъ А. М. Унковскій, отданы подъ надзоръ полиціи. Въ концѣ 1859 г. разъѣхались депутаты, оставивъ въ Петербургѣ и увозя оттуда горькій осадокъ непріятныхъ воспоминаній [27]). Между тѣмъ во многихъ губерніяхъ предстояли дворянскіе выборы, на которыхъ такъ или иначе должна была зайти рѣчь и о крестьянской реформѣ. Считая это нежелательнымъ, С. С. Ланской исходатайствовалъ и сообщилъ циркуляромъ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи въ дворянскихъ собраніяхъ касаться крестьянскаго вопроса.

Въ тверскомъ губернскомъ собраніи циркуляръ этотъ вызвалъ очень горячія пренія. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ поставилъ вопросъ на чисто юридическую почву. Ссылаясь на то, что дворянство, въ силу закона, (зак. о сост. по IX св. зак.)

27) „Кромѣ Шидловскаго, писалъ Александръ II Ростовцеву 25-го декабря 1859 г. Я еще получилъ два адреса отъ 18 и отъ 5 человѣкъ (см. выше). Послѣдній въ особенности ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности... Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобъ онъ наставилъ и укрѣпилъ“ (см. н. сб. Семенова II, 128).

имѣетъ право разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ; что крестьянскій вопросъ непосредственно касается дворянства, и что право, признанное писаннымъ закономъ, не можетъ быть отмѣнено (ст. 77 Основныхъ Законовъ) [28]) объявленнымъ министромъ повѣленіемъ и усматривая въ циркулярѣ министра именно такую отмѣну, Европеусъ [29]) предложилъ по телеграфу сдѣлать представленіе министру. Предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ 184 голосами противъ 54 [30]). Губернаторъ отказался дать ходъ постановленію собранія. Тогда собраніемъ рѣшено было большинствомъ 231 голоса противъ 56 подать всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ изложено было ходатайство объ отмѣнѣ циркуляра министра, какъ нарушающее Основные Законы. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ.

---

28) Вотъ что гласитъ ст. 77. Основ. Закон.: „Еслибъ предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство, ему подчиненное обязано не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и за симъ предписаніе будетъ подтверждено, то начальство обязано представить сей случай правительствующему сенату на окончательное разрѣшеніе“.

29) Рѣчь Европеуса напечатана въ книгѣ г. Иванюкова, стр. 389—390.

30) Административная кара, постигшая А. М. Унковскаго, сдѣлало его имя очень популярнымъ среди вообще либерально настроеннаго тверскаго дворянскаго общества. Но эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ этой замѣчательной сессіи еще больше усилилъ ряды либераловъ. Въ Твери съ давнихъ поръ строился дворянскій домъ подъ училище. На него ухлопали пропасть денегъ, а онъ не былъ достроенъ еще и вчернѣ, и ужъ сталъ разваливаться. По смѣтѣ на передѣлку и окончаніе постройки ассигновано было 106,000 руб. Г. Унковскій успѣлъ достроить за 86,000 руб.—Однако среди тверскихъ дворянъ нашлись заядлые крѣпостники, которые, мстя г. Унковскому за измѣну дворянскимъ интересамъ, во что бы то ни стало хотѣли его очернить. Нашлось 5 человѣкъ, которые имѣли безстыдство заподозрить даже безкорыстіе г. Унковскаго. Однако г. Унковскій такъ блестяще опровергъ документально злостныя измышленія своихъ консервативныхъ противниковъ, что они были исключены съ негодованіемъ изъ дворянскаго сословія (см. наз. Матеріалы II, стр. 169), многіе порядочные люди, считая постыднымъ быть въ одномъ лагерѣ съ такими грязными людьми, перешли въ лагерь либераловъ.

Дѣло было заслушано въ главномъ комитетѣ, при чемъ С. С. Ланской особенно настаивалъ на строгой репрессіи. Прошеніе было оставлено безъ послѣдствій, и повелѣно было отставить г. Унковскаго, какъ допустившаго обсужденіе такого прошенія и первымъ подписавшагося, отъ должности предводителя дворянства. Петербургскіе крѣпостники, и ихъ тверскіе союзники надѣялись, что эта крутая мѣра вызоветъ какую нибудь нелегальную демонстрацію или движеніе, которымъ можно будетъ воспользоваться въ интересахъ отсрочки крестьянской реформы. Но разсчеты оказались ошибочными. Тверское дворянство продолжало стоять на почвѣ законности. Большинство, считало себя вполнѣ солидарнымъ съ г. Унковскимъ. Неудовольствіе свое дворянство выразило тѣмъ, что оставило должность губернскаго предводителя не замѣщенною, равно какъ и должности предводителей и депутатовъ въ 8 уѣздахъ (въ трехъ, гдѣ либералы были въ меньшинствѣ, выборы были произведены, за что они и получили благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ) [31]). Кромѣ того, постановлено было учредить по подпискѣ 12 стипендій имени А. М. Унковскаго въ мѣстѣ его воспитанія, въ Московскомъ университетѣ съ предоставленіемъ ему права назначать стипендіатовъ, а также рѣшено было заказать его фотографическіе портреты. Одинъ изъ тѣхъ пяти членовъ меньшинства, которые, какъ выше было упомянуто (см. примѣч. 30) были исключены изъ собранія, кн. Ш. вызвалъ г. Унковскаго на дуэль, но она была устранена.

Губернскимъ предводителемъ былъ назначенъ Клокачевъ, человѣкъ крайне сомнительной репутаціи. Онъ пріостановилъ постановленіе объ учрежденіи стипендій имени дворянства. Одинъ изъ ихъ энергичнѣйшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей тверской либеральной партіи А. А. Головачевъ написалъ Клокачеву письмо, въ которомъ онъ доказывалъ противозаконность его дѣйствій и клеймилъ его поведеніе. Клокачевъ переслалъ письмо министру внутреннихъ дѣлъ, который внесъ его на обсужденіе главнаго комитета. Здѣсь было постановлено предоставить Клокачеву, получившему обиду, искать за нее удовлетворенія судомъ.

Между тѣмъ, толки раздутые, нелѣпые продолжались. До-

---

[31]) См. Матеріалы, II 290.

носы за доносами летѣли въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Разсказывали, что тверскіе либералы собираются дѣлать революцію, что на ихъ печатныхъ станкахъ печатается объявленіе воли народу. Вице-губернаторъ Ивановъ самъ провѣрялъ подобный слухъ, дошедшій до него черезъ его кухарку. Для производства дознанія былъ командированъ въ Тверь ген.-адъютантъ Ефимовичъ. Результатомъ дознанія была административная ссылка г. Унковскаго въ Вятку, Европеуса въ Пермь (А. А. Головачевъ былъ оставленъ до окончанія суда). Ссылка продолжалась мѣсяцевъ восемь; сосланные были возвращены къ 30-му августа. Несмотря на кратковременность ссылки, она произвела на общество крайне тяжелое впечатлѣніе, свидѣтельствуя о живучести старыхъ пріемовъ расправы, которая шла въ разрѣзъ съ духомъ новаго режима, наставшаго въ России съ февраля 1855 г. [32]).

III.

Обращаемся къ содержанію Положенія тверскаго комитета. Оно состоитъ изъ 212 статей и одного приложенія *О властяхъ уѣздныхъ*, распадающагося на 47 параграфовъ. Къ положенію присоединенъ, въ видѣ объяснительной записки, замѣчательный какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ объемистый документъ [33]): *Обзоръ основаній*, принятыхъ комитетомъ при составленіи своего проекта. Этотъ интересный документъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, перу г. Унковскаго [34]).

Во введеніи комитетъ, прежде всего, аргументируетъ основное свое положеніе о необходимости *полнаго*, а не частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ.

---

[32]) См. Матеріалы, III 123.

[33]) *Положеніе тверскаго комитета, Обзоръ основаній* и *Отдѣльныя мнѣнія* напечатаны были, для членовъ его, въ тверской губернской типографіи въ 1859 г. Одинъ экземпляръ имѣлся у насъ и всѣ ссылки мы дѣлаемъ по этому экземпляру, который нынѣ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

[34]) Послѣ появленія настоящей статьи въ № 5 *Русской Мысли* за 1891 г, въ № 9 того же журнала была напечатана А. М. Унковскимъ слѣдующая поправка: „всѣ письменныя работы, заявляетъ г. Унковскій, какія только были въ Твери, по дѣлу освобожденія крестьянъ, произво-

Крѣпостное право въ Россіи,—говорится въ *Обзорѣ*,—образовалось не вслѣдствіе порабощенія свободныхъ людей посредствомъ завоеванія, а установлено по государственнымъ соображеніямъ, какъ вознагражденіе за обязательную службу въ пользу государства. Будучи слѣдствіемъ не завоеванія, а государственной необходимости, и основывась *на неопредѣленныхъ обычаяхъ*, освященныхъ временемъ, крѣпостное право не поселяло ненависти къ помѣщикамъ. Но съ того времени, какъ вслѣдствіе *требованій вѣка*, патріархальныя отношенія стали замѣняться мало-по-малу *юридическими* и произволъ помѣщиковъ началъ ограничиваться законами, крестьяне получили сознаніе *о неправомѣрности* крѣпостной зависимости и крѣпостное право сдѣлалось невыносимымъ бременемъ для народа. Сѣмя раздора было брошено и постоянно поддерживалось полумѣрами, клонившимися къ ограниченію произвола помѣщика. Народъ инстинктивно понималъ, что правительство желаетъ освободить его отъ ига помѣщиковъ и только упорство помѣщиковъ задерживаетъ освобожденіе. Указавъ на то, какъ въ два предшествовавшія царствованія, по случаю разныхъ мѣропріятій, неправильно истолкованныхъ, народъ выражалъ нетерпѣніе по поводу ожидаемой свободы (см. выше главу I), *Обзоръ* останавливается на томъ лихорадочномъ возбужденіи, въ которомъ находился народъ съ конца 1857 г. послѣ обнародованія первыхъ рескриптовъ. Сначала народъ считалъ,—сказано въ запискѣ, комитета,—остающееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни; такъ, въ продолженіе прошедшаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ народѣ слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго празд-

дились мною *пополамъ* (курсивъ подлинника) съ бывшимъ тогда членомъ Комитета и Корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ. А. А. Головачевъ изъ всѣхъ наиболѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* (к. п.), лицомъ, способнымъ къ письменной работѣ. При томъ большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить по ночамъ, и мнѣ бы одному безъ Головачева не справиться“.

ника, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ [35]). Но эти слухи не нарушали общественнаго спокойствія, потому что народъ убѣжденъ былъ, что обѣщанія правительства будутъ свято исполнены. Поэтому только *полное* освобожденіе крестьянъ удовлетворитъ ихъ горячимъ желаніямъ и пройдетъ спокойно, помиривъ всѣ стороны. Если же правительство, — продолжаетъ Комитетъ, — остановится на полумѣрахъ и оставитъ *какіе бы то ни были слѣды* крѣпостной зависимости, то чего можно будетъ ожидать отъ народа, *обманутаго* въ своихъ ожиданіяхъ, и, вдобавокъ, отъ народа, который, зная о существованіи дворянскихъ комитетовъ, отнесетъ эти распоряженія къ недоброжелательству помѣщиковъ? Всѣ полумѣры произведутъ повсемѣстный антагонизмъ между помѣщиками и крестьянами и будутъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Смотря на дѣло съ истинно-государственною дальновидностью, тверской комитетъ рѣшительно считалъ вреднымъ «постепенное» освобожденіе и возставалъ какъ противъ сохраненія, хотя бы и временнаго, натуральныхъ господскихъ повинностей, такъ и противъ вотчинной полиціи помѣщика.

Такъ какъ сущность крѣпостной зависимости, — разсуждалъ комитетъ,—состоитъ въ правѣ суда и расправы, то удержаніе за помѣщикомъ полицейской и административной власти неминуемо приведетъ къ тому, что крѣпостное право *будетъ оставлено подъ другимъ именемъ* и свобода будетъ дарована на однихъ словахъ. Отъ такой перемѣны, по справедливому замѣчанію комитета, могло произойти не улучшеніе, а *ухудшеніе* быта крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ,—говоритъ комитетъ въ подтвержденіе своей мысли,—интересы помѣщика были въ прямой зависимости отъ степени благосостоянія его крестьянъ, а потому произволъ владѣльцевъ значительно умѣрялся ихъ собственною выгодой, при строгомъ же юридическомъ опредѣленіи взаимныхъ экономическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и *разъединеніи* ихъ интересовъ, ничто не будетъ обуздывать произвола землевладѣльцевъ. Притомъ, соединеніе

[35]) Какъ извѣстно, такое же лихорадочное нетерпѣніе наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ (см. главу I).

экономическихъ отношеній съ служебными обязанностями всегда вредно и ведетъ къ самому грубому самоуправству, предъ которымъ должны *поблѣднѣть* всѣ воспоминаніи о крѣпостномъ правѣ. Такое положеніе уничтожитъ въ народѣ всякое уваженіе къ власти и можетъ привести къ глубокой и вѣчной ненависти между сословіями и совершенной дезорганизаціи общественнаго порядка.

Противъ такого «радикальнаго» рѣшенія вопроса, предложеннаго тверскимъ комитетомъ, возражали, съ крайнею запальчивостью, сторонники «постепеннаго» освобожденія. Съ внѣшней стороны аргументація ихъ была обставлена прилично и солидно: тутъ фигурировало и «общее благо», и опасность «дѣлать скачки», и разрушить давнишнія «патріархальныя узы» и проч. [36]). Но что опасеніе, высказанное большинствомъ комитета, относительно возможности «ухудшенія» быта крестьянъ при «постепенномъ» освобожденіи, было не гадательно или преувеличено, это лучше всего явствуетъ изъ мнѣнія одного изъ членовъ меньшинства, который съ нескрываемымъ злорадствомъ обнаруживаетъ чаянія, возлагавшіяся на вотчинную полицію. Извѣстно, что предполагалось при регулированіи обязательнаго труда въ замѣнъ личныхъ отношеній помѣщика къ отдѣльнымъ крестьянамъ установить сношенія съ крестьянскою общиной [37]). Отстаивая это мнѣніе, членъ меньшинства Веревкинъ весьма наглядно обрисовываетъ выгоды, получаемыя помѣщикомъ: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, — пишетъ онъ, — если я и лишусь *незавидной* возможности прибѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія, а вмѣсто *получу право:* требовать отъ цѣлой общины исполненія того, что̀ отдѣльные члены ея не исполнили добро-

---

[36]) Одинъ изъ членовъ губернскаго комитета депутатъ Веревкинъ возражалъ картинно: „Не думаю, чтобъ благоразумно было тѣхъ, коихъ столько времени водили на помочахъ, вдругъ спустить съ оныхъ, оставя безъ поддержки (?), или невидавшихъ свѣта внезапно подвергнуть солнечному сіянію: одни могутъ разбить себѣ носы, а другіе навсегда (?) ослѣпнуть". См. мнѣніе Веревкина, прил. къ полож. Тверскаго комитета.

[37]) Я. И. Ростовцевъ, какъ видно изъ его писемъ къ императору Александу II, придерживался еще въ 1858 этого взгляда, но впослѣдствіи онъ убѣдился въ его зловредности.

совѣстно, и, въ случаѣ медленности исполненія моего требованія, на счетъ этой же общины нанять свободныхъ работниковъ, и потомъ, *не разбирая виновныхъ лицъ*, чтобы удовлетворить нанятыхъ земледѣльцевъ, взыскивать деньги съ цѣлой общины, а при остановкѣ въ полученіи денегъ—продать скотъ изъ общаго стада по жребію или собственному усмотрѣнію, то я увѣренъ, что эта община *несравненно строже* будетъ поступать съ неисправными своими членами, нежели теперь поступаютъ помѣщики съ неисправными крѣпостными» [38]).

Для всѣхъ безпристрастныхъ людей послѣ этого откровеннаго объясненія стало ясно, что именно скрывалось подъ благозвучнымъ проектомъ постепеннаго освобожденія!

Редакціонной коммиссіи, имѣвшей цѣлью, какъ писалъ предсѣдатель ея, «произвести реформу не палліативно, а раціонально, т. е. не въ половину, а вполнѣ и навсегда» [39]), не трудно было рѣшить, которое изъ двухъ приведенныхъ мнѣній соотвѣтствовало благу Россіи.

Одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ, вокругъ котораго происходили самыя ожесточенныя схватки между сторонниками и противниками освобожденія крестьянъ, былъ вопросъ о крестьянской землѣ. Въ первый, подготовительный періодъ крестьянской реформы, когда правительство дѣлало робкіе шаги и шло, такъ сказать, ощупью [40]), вопросъ о землѣ стоялъ, какъ уже

---

[38]) См отдѣльное мнѣніе депутата Веревкина отъ 25 августа 1859 г., стр. 4.

[39]) См. письмо Ростовцева къ Александу II, т. II н. с. *Семенова*, стр. 929. — Н. П. Семеновъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ редакціонной коммисіи, — человѣкъ, котораго трудно заподозрить въ наклонности къ радикализму, не только въ то время былъ противникомъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, но даже и теперь, когда „не въ авантажѣ" эта идея, онъ продолжаетъ доказывать невозможность „постепеннаго освобожденія" (см. стр. 67—73 н. с. Семенова, т. I). Какъ извѣстно, за радикальное освобожденіе крестьянъ стоялъ и Катковъ (см. гл. I).

[40]) Назначенный въ январѣ 1857 г. членомъ секретнаго комитета, одинъ изъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Я. И. Ростовцевъ, отказался было отъ должностя въ виду незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ и уступилъ только настоянію Государя. Впослѣдствіи Ростовцевъ много и прилежно учился, пользуясь даже указаніями *Колокола*.

было замѣчено выше, крайне неопредѣленно. О предоставленіи крестьянамъ въ собственность всей обрабатываемой ими земли не было и рѣчи.

Но мало-по-малу стало укореняться въ либеральной части общества убѣжденіе о невозможности раціональнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, безъ надѣленія крестьянъ землею. Когда и какъ произошла эта важная перемѣна въ общественномъ сознаніи, трудно указать въ точности и во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ вліяли, безспорно, одновременно многія причины, въ числѣ которыхъ литература—рукописная и печатная, внутренняя и заграничная—играла важнѣйшую роль.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела знаменитая статья К. Д. Кавелина *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книгѣ *Современника* и надѣлавшая большаго шума. Статья поднимала вопросъ о надѣлѣ крестьянъ полевою землей и выкупѣ въ такое время, когда въ оффиціальныхъ сферахъ еще не была достаточно подготовлена почва для постановки вопроса на такомъ широкомъ основаніи. Статья Кавелина, какъ голосъ передоваго общественнаго мнѣнія, произвела сильное впечатлѣніе и даже нѣкоторое волненіе и переполохъ, словно неожиданно ворвавшійся въ только что пріотворенное, послѣ долгой зимы, окно—порывъ освѣжающаго буйнаго весенняго вѣтерка:

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...

Сдѣлано было распоряженіе снова вставить двойныя рамы, т. е. приняты строгія мѣры по цензурѣ о недопущеніи такихъ статей. Но кто справится совсепобѣднымъ торжественнымъ ше-

---

Въ засѣданіи 23 марта 1859 г. Я. И. Ростовцевъ заявилъ, что, по особому разрѣшенію, будутъ пересылать изъ III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи 1 экземпляръ „Колокола“, дабы изъ него дѣлать полезныя указанія и заимствованія.

Аранетовъ. Какъ, неужели заимствовать у Герцена!?

Ростовцевъ. Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 114).

ствіемъ весенняго возрожденія [41])? Цензурныя мѣры продержались недолго, правительство скоро сдалось.

Въ правительственныхъ сферахъ усерднымъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ, не иначе какъ съ землею, выступилъ учрежденный въ мартѣ 1858 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскій отдѣлъ, руководимый такими убѣжденными поборниками коренной крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ.

Мысль о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями была сочувственно принята и въ либеральномъ меньшинствѣ губернскихъ комитетовъ, принадлежавшемъ къ среднему дворянству и воспитанномъ на литературѣ 40-хъ годовъ [42]).

Тверской комитетъ и въ этомъ вопросѣ оказался на высотѣ своей задачи. Большая историческая заслуга либеральной части тверскаго дворянства заключается въ томъ, что оно своею просвѣщенною и настойчивою инціативой очень много способствовало оффиціальному движенію этого вопроса и постановкѣ его предъ всѣми губернскими комитетами.

Объ этой стадіи вопроса, въ нѣдрахъ самого тверскаго комитета, не имѣется никакихъ данныхъ въ печати, и приходится руководствоваться единственно скудными свѣдѣніями, заключающимися въ приложеніяхъ къ положенію тверскаго комитета. Ходъ этого дѣла представляется въ такомъ видѣ. Еще раньше появленія означенной статьи Кавелина, *въ январѣ 1858 г.*, тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій разослалъ въ уѣздныя собранія, созванныя для избранія депутатовъ въ губернскій комитетъ, составленную имъ *Записку*, въ коей онъ развивалъ мысль о необходимости надѣленія крестьянъ *по-*

---

[41]) „Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель, писалъ впослѣдствіи М. Н. Катковъ, столько разъ запрещаемая и преслѣдуемая въ литературѣ, наконецъ, принята самимъ правительствомъ; а сколько трудовъ, предпринятыхъ въ пользу этой мысли остались втунѣ и сколько могло бы на каждомъ шагу не встрѣчаться этихъ напрасныхъ препятствій“. См. н. с. Любимова, стр. 113.—К. Д. Кавелинъ, преподававшій цесаревичу Николаю Александровичу русское право, подалъ въ отставку, въ виду толковъ вызванныхъ при дворѣ его статьею въ *Современникѣ*.

[42]) См. назв. соч. *Иванюкова,* стр. 101.

левой землей. На первомъ собраніи дворянъ 16 февраля 1858 г. оказалось, что большинство дворянъ не сочувствовало плану г. Унковскаго, и только меньшинство (четыре уѣзда) одобрили его. Такимъ образомъ, первая попытка г. Унковскаго склонить тверское дворянство къ освобожденію крестьянъ съ землею потерпѣла неудачу. Вслѣдствіе этого, программа, изложенная въ высочайшемъ рескриптѣ на имя тверскаго губернатора въ отвѣтъ на адресъ дворянства, заключала въ себѣ старую стереотипную фразу о выкупѣ «усадебной осѣдлости» и ни слова не говорила о выкупѣ полевыхъ угодій.

Первая неудача не остановила г. Унковскаго, и онъ рѣшился возобновить вопросъ при первой возможности. Между тѣмъ, буря, поднятая статьею Кавелина, стала стихать, и вопросъ о надѣлѣ все настойчивѣе сталъ выдвигаться общественнымъ мнѣніемъ и дѣлаться популярнымъ даже въ оффиціальныхъ кругахъ; однако въ высшихъ сферахъ онъ, по прежнему, все еще игралъ роль «жупела», наводящаго безотчетный страхъ, хотя Я. И. Ростовцевъ уже съ лѣта 1858 г. началъ склоняться въ пользу выкупа полевыхъ надѣловъ и развивалъ эту мысль въ письмахъ къ императору Александру II.

Въ началѣ августа 1858 г. тверской губернскій комитетъ собирался для составленія положенія. Этотъ моментъ г. Унковскій счелъ удобнымъ, чтобы снова поднять вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. По предложенію его, губернскимъ комитетомъ была образована 9 августа, подъ его же предсѣдательствомъ, коммиссія, которой поручено было составленіе *общаго плана* занятій комитета. Въ этой именно коммиссіи былъ въ *первый разъ* ясно и рѣшительно поставленъ 14 августа 1858 г. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Но коммиссіи предстояло одолѣть, прежде всего, одно препятствіе чисто-формальнаго свойства. Обсужденіе этого вопроса, строго говоря, выходило за букву начертанной правительствомъ программы. Коммиссіи приходилось сойти съ почвы внѣшней, формальной законности, чтобы стать на точку зрѣнія истиннаго права и справедливости. Точка опоры для такого воззрѣнія находилась отчасти и въ правительственной программѣ, которая ставила задачею реформы не только освобожденіе крестьянъ, но *и улуч-*

шеніе и обезпеченіе ихъ быта. Выдвинувъ впедедъ эту цѣль, коммиссія нашла, что достиженіе ея *невозможно указанными въ программѣ паліативными средствами*, и представила на утвержденіе губернскаго комитета слѣдующія свои три заключенія:

1) Такъ какъ улучшеніе быта крестьянъ можетъ быть достигнуто только однимъ дарованіемъ имъ личныхъ и имущественныхъ гражданскихъ правъ, не стѣсняемыхъ ничѣмъ, кромѣ общихъ государственныхъ законовъ, то первою и главною цѣлью нашего труда должно быть дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ гражданской свободы, а вслѣдствіе того *уничтоженіе принудительнаго труда* и *всякихъ личныхъ* натуральныхъ господскихъ повинностей, какъ несогласныхъ съ понятіемъ свободы.

2) Принимая во вниманіе п. 1 высочайшаго рескрипта и *неразрывную историческую связь нашего крестьянина съ землею*,— связь, при которой освобожденіе его отъ власти и вмѣшательства въ его бытъ частныхъ лицъ можетъ осуществиться вполнѣ только при освобожденіи необходимой для его существованія земли отъ всякихъ повинностей въ пользу частныхъ лицъ, коммиссія находитъ, что затѣмъ второю главною цѣлью занятій комитета должно быть изысканіе *способовъ къ обезпеченію крестьянамъ прочной осѣдлости и предоставленіе имъ оной въ полную собственность* (курсивъ подлинника).

3) Находя, что земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Тверской губ. подъ строеніями и огородами, по пространству своему, не могутъ обезпечить крестьянамъ прочной осѣдлости, коммиссія полагаетъ, что въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшенія быта крестьянъ, безъ нарушенія имущественныхъ правъ владѣльцевъ и точнаго исполненія высокихъ предначертаній, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, *подъ крестьянскою осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть не однѣ такъ называемыя усадебныя земли*, *но все количество земли*, *необходимое для обезпеченія быта крестьянъ.*

Заключенія коммиссіи вызвали въ комитетѣ бурныя и страстныя пренія. Партія, желавшая освобожденія крестьянъ безъ земли, напала на заключенія коммиссіи, усматривая въ нихъ принудительное отчужденіе помѣщичьей земли и колебаніе основъ

родовой собственности и *всѣхъ коренныхъ основъ* нашего гражданскаго и государственнаго быта, но, тѣмъ не менѣе, большинство комитета (14 голосовъ противъ 13) одобрило заключенія коммиссіи.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшался. Такъ какъ заключенія коммиссіи, если не измѣнили, то существенно дополнили первоначальную правительственную програму, то требовалось получить на это разрѣшеніе высшаго правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской къ которому ѣздили тверскіе депутаты (см. выше) сталъ на сторону тверскаго комитета. Отъ него не укрылось, что крестьянскій вопросъ вступаетъ *въ новую фазу*. Въ представленіи своемъ главному комитету онъ, точнѣе Н. А. Милютинъ писалъ, что если заключенія тверскаго комитета и не согласны съ буквою высочайшихъ рескриптовъ, то вполнѣ вѣрны *ихъ духу и цѣли*. Главный комитетъ, скрѣпя сердце, разрѣшилъ тверскому комитету заняться вопросомъ о надѣленіи крестьянъ землею «по желанію помѣщиковъ». Въ ноябрѣ 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ объ этомъ постановленіи тверскому комитету, а также начальникамъ *всѣхъ губерній*, и, такимъ образомъ, вопросъ о надѣлѣ и выкупѣ полевой земли благодаря настойчивой иниціативѣ тверскаго комитета, былъ оффиціально внесенъ въ *программу занятій* губернскихъ комитетовъ.

По полученіи разрѣшенія на обсужденіе вопроса о надѣлѣ, тверской комитетъ составилъ детальный проектъ какъ надѣла (при чемъ за основаніе бралось существующее владѣніе, если оно не превышало 4 десятинъ), такъ и устройства акціонернаго банка для облегченія выкупной операціи. Въ своемъ *Обзорѣ основаній* комитетъ убѣдительно доказывалъ недостаточность выкупа однѣхъ усадебъ и необходимость надѣленія землею и высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

Личная свобода,—разсуждаетъ комитетъ,— никогда не можетъ осуществиться безъ свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьянъ — въ хозяйственномъ обзаведеніи, которое имѣетъ цѣнность только при владѣніи землею и не можетъ быть легко переносимо съ мѣста на мѣсто. Если признать крестьянина лично свободнымъ, съ правомъ вольнаго перехода, оставивъ всю землю въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ,

не значитъ ли это *освободить только помѣщиковъ* отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ, подчинивъ послѣднихъ *еще бо́льшему ихъ произволу?* Тогда крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость соглашаться на всякія требованія помѣщика, а потому все имущество, а, слѣдовательно, вся жизнь его будетъ зависѣть отъ произвола землевладѣльца. Этого не было даже и при крѣпостномъ правѣ, которое поставляло помѣщикамъ въ обязанность доставлять ихъ крѣпостнымъ людямъ средства къ существованію. Такую свободу нашъ народъ называетъ *волчьею волей.* Если крестьяне получатъ только право пользованія полевыми землями, необходимыми для ихъ существованія, безъ всякой возможности пріобрѣсти ихъ въ собственность, то свобода ихъ будетъ существовать только на однихъ словахъ. Отдавая собственность помѣщика въ вѣчное пользованіе крестьянъ, законъ непремѣнно будетъ *вынужденъ обезпечить права собственника земли* предоставленіемъ ему права *вмѣшательства* въ хозяйственный бытъ крестьянъ, дабы предупредить ухудшеніе качества земли. Такое вмѣшательство частнаго лица въ хозяйственную сферу предполагаетъ предоставленіе ему судебно-административной власти, что исключаетъ уже всякое понятіе о гражданской свободѣ крестьянъ (стр. 4—5).

Благодаря трудамъ тверскаго и другихъ комитетовъ, а также благодаря либеральной журналистикѣ, вопросъ *о надѣлѣ и выкупѣ* настолько уже уяснился, что, спустя съ небольшимъ годъ послѣ появленія статьи Кавелина, сторонниками выкупа [43]) между прочимъ, являлись два такихъ крупныхъ дѣятеля по крестьянской реформѣ, какъ С. С. Ланской и Я. И. Ростовцевъ, стоявшіе прежде за предоставленіе крестьянамъ одного только права пользованія землею. Во всеподданнѣйшей запискѣ, составленной въ октябрѣ 1859 г., Ланской писалъ, что «мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и дѣлается общимъ убѣжденіемъ». Отношеніе Ростовцева къ вопросу о выкупѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ его, приводимыхъ въ книгѣ г. Семе-

---

[43]) Собственно планъ выкупа былъ предложенъ тверскимъ депутатомъ Модестомъ Воробьевымъ (см. выше, прим. 18).

нова. Это было 29 ноября 1859 г. Засѣданіе редакціонной коммиссіи происходило на дому предсѣдателя въ кабинетѣ его. Ростовцевъ, больной, разслабленный, вмѣшался въ споръ, завязавшійся между Милютинымъ и Галаганомъ о надѣлѣ, и сдѣлалъ со смертнаго своего одра слѣдующее замѣчаніе: «Одинъ памфлетистъ [44]) изъ высшаго аристократическаго общества,—сказалъ онъ, — сочинилъ обо мнѣ, что якобы я написалъ дворянству: если хотите беречь ваши головы, то отдайте земли. Могъ ли я это сдѣлать и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ или, если считать крестьянъ обоего пола, 22 милліона душъ?... Я *увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, будетъ *пугачевщина* (я говорю между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію» [45]).

IV.

Послѣдній отдѣлъ объяснительной записки тверскаго комитета посвященъ обзору «основаній новаго управленія». Усматривая непосредственную связь между крѣпостнымъ правомъ и строемъ существовавшихъ при немъ учрежденій, тверской комитетъ начерталъ планъ новой организаціи мѣстнаго управленія, вытекавшій изъ отмѣны крѣпостнаго права и согласованный съ нею. Если въ деталяхъ этого плана и встрѣчаются слабыя стороны, то основныя положенія его такъ разумны и убѣдительны, что они

---

[44]) Намекъ на извѣстную брошюру гр. В. П. Орлова-Давыдова: *Lettre d'nn deputé de Comité à M-r le président de la Comission de rédaction aide-de-camp général Rostovtzeff*. Paris, 1859.

[45]) См. н. с. *Семенова*, т. II, стр. 254.—Сознаніе невозможности обезземелить крестьянъ къ началу 1860 года сдѣлалось почти аксіомою. Даже въ консервативныхъ дворянскихъ кругахъ стали сознавать ее. Еще можно было прежде, говорилось въ одномъ циркулярномъ обращеніи къ депутатамъ втораго призыва, увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его также легко пожаловать въ *бездомники*, какъ эстонца или ливонца. Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли не позволительно, скажу болѣе—преступно. См. н. с. Иванюкова, стр. 200.

не только для своего времени, но даже и для нашего заключают въ себѣ много поучительнаго. Какъ ни стары высказанныя въ нихъ истины, но онѣ изложены съ такимъ благороднымъ воодушевленіемъ, широтою взгляда и твердою вѣрой въ силу разума и правды, что чтеніе тверской записки и теперь производитъ освѣжающее и ободряющее впечатлѣніе.

Комитетъ, прежде всего, настаиваетъ на упраздненіи въ управленіи всякихъ слѣдовъ прежнихъ вотчинныхъ отношеній. По уничтоженіи крѣпостной зависимости и объявленіи крестьянамъ свободы,—читаемъ въ тверской запискѣ,—власть помѣщиковъ лишится всякаго нравственнаго основанія, и потому дальнѣйшее существованіе ея даже и на самое короткое время можетъ породить только неудовольствіе со стороны народа и гибельное послѣдствіе: эта власть естественно будетъ напоминать народу ненавистное ему крѣпостное право (стр. 7).

Уничтожая помѣщичью власть въ управленіи, тверской комитетъ признавалъ невозможнымъ оставить прежній порядокъ вещей, при которомъ 100,000 полиціймейстеровъ-душевладѣльцевъ служили настоящимъ *instrumentum regni*. Несмотря на все зло крѣпостнаго права, — разсуждалъ онъ, — власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой — *ограничивали произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни *во всѣхъ сферахъ* русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность: если уничтожить ее только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только *передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ* и расширеніемъ его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Человѣкъ въ такихъ обстоятель-

ствахъ покоряется только необходимости и исполняетъ свои обязанности нехотя, и разъ сила, заставляющая его дѣйствовать, въ сторонѣ, онъ постарается обойти законъ. Гдѣ же человѣкъ призванъ къ участію въ управленіи своимъ обществомъ, гдѣ онъ сознаетъ это участіе и значеніе свое, тамъ онъ не ставитъ ни малѣйшаго препятствія къ исполненію распоряженій лицъ управляющихъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ имъ. Отсутствіе самодѣятельности общества ведетъ *къ апатіи* и уничтожаетъ въ обществѣ всякое понятіе о *чести и долгѣ*.

Для прекращенія такого апатическаго состоянія, комитетъ предлагалъ положить основаніе *самоуправленію*, т.-е. самостоятельному управленію общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи,—говоритъ онъ,—неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими изъ личнаго интереса — самой сильной пружины человѣческой дѣятельности. Гдѣ для развитія общаго благосостоянія дѣйствуютъ всѣ отдѣльныя личности, тамъ, навѣрное, получаются такіе результаты, какихъ не въ состояніи достигнуть никакое сильное правительство. Сверхъ того, самоуправленіе гораздо лучшая школа для образованія государственныхъ дѣятелей, нежели бюрократическая система, вырабатывающая только механическихъ исполнителей чужихъ предписаній (ср. выше гл. I).

Въ основаніе своей системы самоуправленія комитетъ кладетъ, начиная съ волостнаго управленія, всесословность или скорѣе, безсословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, при чемъ во главѣ управленія ставятся волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдающими всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Чтобы самоуправленіе имѣло какое-нибудь значеніе, — говорится въ запискѣ,—надобно, чтобы интересы населенія были *соединены*, а не разъединены, чтобы интересы различныхъ слоевъ общества не находились въ борьбѣ, какъ это случается при раздѣленіи ихъ по сословіямъ: только при такой общности можетъ создаться общественное мнѣніе.

Въ частности относительно мудрой, но необычайно смѣлой

по тому времени попытки дарованія политическихъ правъ «вчерашнему рабу» и допущенія его къ управленію рядомъ со вчерашнимъ его господиномъ, въ тверской запискѣ находимъ слѣдующія глубокія соображенія: исторія указываетъ, что общественная жизнь человѣчества въ своихъ главныхъ основаніяхъ подчиняется одинаковымъ законамъ: разность является лишь въ подробностяхъ. Неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему *неизбѣжно* идутъ всѣ народы и государства. Одинъ изъ законовъ человѣческихъ обществъ есть, съ одной стороны, постепенное возвышеніе низкихъ слоевъ общества и пріобрѣтеніе ими правъ, которыхъ они раньше были лишены, вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ обществъ, съ другой— постепенное *уничтоженіе всѣхъ привилегій*, которыми нѣкоторые умѣли пользоваться. Это сближеніе правъ сословій есть повсемѣстный историческій законъ, въ пользу котораго дѣйствуютъ люди, независимо отъ ихъ воли. Даже противодѣйствуя этому закону, люди на дѣлѣ способствуютъ его развитію, выставляя всѣ недостатки общественной жизни при его отсутствіи. И такъ, сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость. Поэтому комитетъ считалъ за лучшее идти на встрѣчу этому закону, чѣмъ, затрудняя его развитіе, ускорять взрывъ. Устранить народный элементъ въ управленіи значило положить революціонное начало въ самомъ основаніи обществъ, которое впослѣдствіи могло оказаться гибельнымъ. Предоставленіе крестьянскому сословію участія въ управленіи имѣетъ значеніе предохранительнаго клапана на паровомъ котлѣ. Съ другой стороны, соединеніемъ дворянства и крестьянъ въ одно собраніе комитетъ имѣлъ въ виду заставить смолкнуть мелкіе частные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими, и живительнымъ началомъ общественныхъ интересовъ соединить воедино всѣхъ жителей края (стр. 22, 24).

Рядомъ съ началомъ самоуправленія тверской комитетъ выдвигаетъ, какъ лучшую гарантію для правильнаго дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, строгое *раздѣленіе властей*, проведенное на всѣхъ ступеняхъ управленія, учрежденіе гласнаго независимаго суда и суда присяжныхъ, а также установленіе непосредствен-

ной отвѣтственности предъ судомъ чиновъ администраціи за преступленія по должности безъ предварительнаго испрошенія разрѣшенія начальства.

Указавъ на необходимость раздѣленія властей въ интересахъ успѣшнаго дѣйствія ихъ, въ частности относительно *низшей* ступени власти, комитетъ возражаетъ противъ мнѣнія, будто въ низшихъ должностяхъ отъ дѣленія властей онѣ мельчаютъ и теряютъ значеніе. При самостоятельности управленія, при личной отвѣтствености должностныхъ лицъ за свои дѣйствія и при уничтоженіи раболѣпнаго подчиненія,—замѣчаетъ комитетъ, — никакая должность не теряетъ своего значенія: человѣкъ чувствуетъ, что онъ необходимое звено въ цѣломъ, и, при личной иниціативѣ, видитъ на дѣлѣ свое значеніе.

Необходимость учрежденія независимаго суда мотивируется такъ: исполнительная власть имѣетъ въ рукахъ матеріальную силу. Что же касается суда, то онъ долженъ имѣть силу нравственную: назначеніе суда замѣнять *матеріальную силу идеею права*. Правительство, учреждая судъ, какъ бы ставитъ посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и лицами подвластными. Этимъ правительство придаетъ особенное могущество судебной власти, которое въ свою очередь поддерживаетъ значеніе правительства.

Затѣмъ тверской комитетъ указывалъ на необходимость учрежденія суда присяжныхъ. Противъ возраженія о неразвитости [46]) народа, въ запискѣ А. М. Унковскаго, между прочимъ, приводились слѣдующіе доводы [47]): «что значитъ: недостаточно раз-

---

46) У этихъ людей (противниковъ радикальныхъ реформъ), писалъ Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принесть пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Русс. Вѣст. 1860 г. № 2.

47) Извлеченія изъ *Обзора* приведены выше въ первой главѣ, тутъ приводится соображеніе изъ Записки А. М. Унковскаго. Эта обширная записка, заключающая ѣдкую и мѣткую характеристику нашего дореформеннаго строя, была представлена отъ имени Тверскаго комитета депутатомъ А. М. Унковскимъ въ Редакц. Коммис. Весьма интересное извле-

витъ, и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія факта по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ добросовѣстности. Судъ присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство; поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ возможенъ *только* судъ присяжныхъ и менѣе всего возможно настоящее судопроизводство». Далѣе, указывая на то, что старые засѣдатели просто прикладывали печати къ приговорамъ или снимали шубы съ почетныхъ посѣтителей Записка продолжаетъ: устройте самостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти и притомъ словесный и гласный, т. е. судъ присяжныхъ *(потому что другаго независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бывало)* [48]), и тѣ же люди окажутся способными къ произнесенію приговоровъ; это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгоднѣе* [49]).

Относительно гласности комитетъ ограничивается слѣдующимъ краткимъ, но выразительнымъ замѣчаніемъ: «Публичность и гласность! Два великія слова! Свѣтъ разума и истины! Комитетъ не осмѣливается говорить въ доказательство ихъ необходимости, вполнѣ увѣренный, что Государь, поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, не оставитъ безъ примѣненія этихъ великихъ началъ».

ченіе изъ нея приводится въ н. с. Иванюкова на стр. 346 — 363 (опечатка 343).

48) Какъ извѣстно, впослѣдствіи, т. е. вскорѣ послѣ „19-го февраля", когда прозрѣли на время самые безнадежные слѣпцы,— истина эта настолько стала для всѣхъ очевидною, что даже самъ гр. Панинъ вотировалъ въ 1862 г. (см. Дѣло о преобраз., суд. части, т. XIX) въ Государственномъ Совѣтѣ за судъ присяжныхъ, при чемъ заявилъ, что *дѣйствительно* независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ.

49) Такіе консерваторы, отстаивающіе выгодныя для нихъ застарѣлыя злоупотребленія, по вѣрному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, стары, какъ міръ (см. Русс. Народ. Картины, т. V, 325, прим. 375).

V.

Свою замѣчательную записку тверской комитетъ заканчиваетъ такими словами: «Комитетъ свято исполнилъ свое назначеніе. Не обманывая ни верховной власти, ни владѣльцевъ, ни народа, онъ изложилъ добросовѣстно и съ полною откровенностью свой взглядъ на предстоящую реформу, и убѣжденъ, что составленное имъ положеніе представляетъ *единственный* (курсивъ подлинника) мирный путь къ освобожденію крестьянъ, который, охраняя интересы всѣхъ сословій, ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и могущества государства».

И въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія. Трудно представить себѣ, что бы вышло, если бы освобожденіе крестьянъ состоялось не въ томъ духѣ, какой былъ рекомендованъ тверскимъ комитетомъ. Съ другой стороны, чтобы судить о значеніи предложенныхъ тверскимъ комитетомъ общихъ реформъ, достаточно сказать, что, наприм., судъ присяжныхъ еще въ 1859 г., т. е. въ самый годъ составленія положенія, вызывалъ въ оффиціальныхъ сферахъ паническій страхъ и государственному совѣту строжайше *воспрещено* было затрогивать этотъ вопросъ. Что касается предположенія о непосредственномъ подчиненіи суду преступленій по должности, то оно и нѣкоторыя другія мѣры до сихъ поръ остаются pium desiderium... Вотъ почему историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ, былъ въ правѣ, сравнивая тверское положеніе съ другими, сказать, что тверской комитетъ представилъ не только относительно лучшій, но и абсолютно разумный и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ [50]).

Но эти же крупныя достоинства тверскаго положенія вызвали злостныя и ожесточенныя нападки со стороны членовъ меньшинства тверскаго комитета. Такъ, депутатъ поручикъ Веревкинъ въ отдѣльномъ мнѣніи заявлялъ, что Положеніе предлагаетъ сдѣлать «судорожные революціонные скачки», и чтобы не оставалось никакого сомнѣнія о смыслѣ этой инсинуаціи, авторъ отдѣльнаго мнѣнія спѣшитъ прибавить: «что скачки эти угрожаютъ

---

50) См. названное сочиненіе Иванюкова, стр. 387.

породить въ нашемъ отечествѣ тѣ же революціонныя сцены, которыхъ нельзя не ужасаться, читая новѣйшую исторію Франціи» (стр. 4). Депутатъ Кудрявцевъ, критикуя положеніе, между прочимъ, писалъ: «Каждая волость управляется парламентомъ, въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніяхъ, вѣроятно, будетъ то же и тѣмъ же, конечно, должно кончиться въ средоточіи государства; и такъ, въ основаніе управленія положена централизація (sic!), обусловленная парламентаризмомъ. Необходимая обстановка этого гиганта также на лицо: судъ гласный, словесность судопроизводства, раздѣленіе властей и въ заключеніе судъ присяжныхъ: однимъ словомъ, на мѣсто Россіи появляется западное государство. Милостивые государи, господа большинство! Не слишкомъ ли далеко зашли вы на пути преобразованій?...» (стр. 9).

Но самыя рѣзкія и неприличныя нападки мы находимъ въ діатрибѣ депутата Вышневолоцкаго уѣзда, стат. сов. Милюкова, который, не останавливаясь даже предъ извращеніемъ оффиціально удостовѣренныхъ журналами комитета фактовъ [51]), осуждаетъ тверское положеніе во всѣхъ его частяхъ и выставляя его какъ продуктъ *насилія* 14 голосовъ противъ 13, называетъ его не иначе, какъ «насильственнымъ и возмутительнымъ». Тверское дворянство, — говоритъ въ началѣ своего заявленія г. Милюковъ,—привыкло во всѣхъ важныхъ отечественныхъ событіяхъ выказывать свое *безкорыстіе и нерѣдко самопожертвованіе* для общей пользы. Но это не мѣшаетъ автору мнѣнія черезъ нѣсколько строкъ возмущаться даже безвозмезднымъ освобожденіемъ женской дворовой прислуги, принятымъ въ комитетѣ большинствомъ 20 противъ 7 [52]). Въ заключеніе своего пространнаго мнѣнія г. Милюковъ торжественно объявляетъ, что тверское дворянство «потеряло довѣріе къ своимъ депутатамъ и за-

---

[51]) См. отзывъ губ. предв. Унковскаго, стр. 2—3.

[52]) Въ своемъ отзывѣ противъ мнѣнія г. Милюкова г. Унковскій приводитъ на справку, что нѣкоторыя постановленія комитета принимались единогласно, другія значительнымъ большинствомъ, въ томъ числѣ и г. Милюковымъ. Г. Милюковъ называетъ „возмутительными“ иногда и такія постановленія, подъ которыми имѣется его собственноручная подпись (стр. 5, 6—7).

мѣнило его *презрѣніемъ* къ нимъ», и громко протестуетъ противъ основъ Положенія, какъ «противныхъ законамъ нашего отечества и благой волѣ монарха и кроющихъ въ себѣ начала самой гибельной анархіи» (стр. 7—10).

Приведенныхъ образцовъ достаточно, чтобы видѣть, до какихъ чудовищныхъ крайностей доходили приверженцы крѣпостнаго права, стремившіеся прикрыть свои корыстныя вождѣленія свои личныя и сословныя выгоды щитомъ политической благонадежности и патріотическаго усердія.

Сколько нужно было энергіи, самопожертвованія, вѣры въ себя и въ нравственныя силы освобождаемаго народа, чтобы съ неостывающимъ рвеніемъ и мужествомъ отстаивать «святое дѣло» отъ систематическихъ нападокъ сильныхъ [53]) своимъ положеніемъ и богатствомъ враговъ дѣйствительнаго освобожденія и смыть съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго строя, упраздненіе котораго. однако и въ наши дни еще оплакиваютъ новѣйшіе крѣпостники и, профанируя гомерическій стихъ, называютъ это постыдное рабство — «святымъ, великимъ, невозвратнымъ Иліономъ»... [54]).

Если даже теперь, черезъ тридцать лѣтъ, съ воплемъ и воздыханіемъ вспоминаются постыдные крѣпостные порядки, невозвратность коихъ окончательно признана еще героями «Дыма», то это одно показываетъ какъ глубоки были корни этого застарѣлаго зла, этого многовѣковаго устоя русской жизни, упраздненіе котораго даже люди благонамѣренные, но робкіе ждали со страхомъ и трепетомъ!...

Тѣмъ больше чести и славы небольшой, но могучей кучкѣ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей и просвѣщенныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, которые, слѣдуя девизу:

Вѣруй вожатому разуму—бодро плыви океаномъ...

---

[53]) „Поборники этого направленія (обезземеленія крестьянъ),—писалъ въ 1859 г. Ланской къ Александу II,—нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета" (намекъ на М. Н. Муравьева на П. А. Долгорукова и отчасти на гр. В. А. Адлерберга). См. т. II назв. соч. Семенова, стр. 831.

[54]) См. Москов. Вѣдом. 1891 г., № 54.

имѣли смѣлость взглянуть прямо въ лицо этому «страшному вопросу» и, во имя права и разума, вступить, для освобожденія народа, въ неравную борьбу съ могущественными поборниками вѣковой неправды и застоя.

Не менѣе велики заслуги и тѣхъ государственныхъ людей, которые, съумѣвъ возвыситься надъ обычною бюрократическою рутиною, возводящею въ идеалъ застой и общественную апатію [55]), оперлись на просвѣщенную часть общества и литературы, на «лучшія силы народа», въ союзѣ съ которыми «правительство, какъ выразился знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, можетъ быть безнаказанно либеральнымъ» [56]).

Память этихъ честныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, способствовавшихъ благополучному исходу реформы, «предъ которой, по замѣчанію тверскаго комитета, блѣднѣютъ всѣ доселѣ представляемыя намъ не только русскою, но и всемірною исторіей», безспорно перейдетъ на страницы исторіи русской культуры.

Имена этихъ благородныхъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ сѣятелей «разумнаго, добраго, вѣчнаго», этихъ доблестныхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, споспѣшествовавшихъ ему въ осуществленіи великаго завѣта поэта-наставника:

---

[55]) По убѣжденію типичнаго бюрократа, ученика Меттерниха, австр. импер. Франца, государство—это машина; все государственное управленіе должно идти, какъ заведенные часы. Нѣчего трогать, перемѣнять, только все испортишь: Іосифъ II, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ вздумалъ потрогать машину — и что же вышло? — только разстроилъ. «Держитесь старины, — говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея. Нашимъ предкамъ хорошо было при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь (начало XIX) новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю». Францъ запретилъ болѣе 2,500 книгъ, изданныхъ при Іосифѣ II. Ѣсть пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслью—вотъ главное правило добраго подданнаго. (Францъ войны не любилъ, но любилъ музыку. При Францѣ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютанскаго званія)... Всякое дѣло вершается въ канцеляріяхъ. — Какое *дѣло* — спрашиваютъ иные, но такіе вопросы могутъ поднимать, иронически замѣчаетъ Соловьевъ, только либералы-идеалоги. (См. М. Соловьева—Александръ I, стр. 194).

[56]) См. превосходное мѣсто объ отношеніи правительства къ простому народу и интеллигенціи на стр. 197—198 н. с. Соловьева—Александръ I. Оно отчасти приведено въ эпиграфѣ.

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ

разумѣется, вспомянутся и въ признательной памяти созданнаго 30 лѣтъ тому назадъ русскаго народа [57]), если не теперь, то тогда, когда онъ придетъ въ возрастъ, разумъ и сознаніе.

---

[57]) Въ письмѣ своемъ къ кн. А. Ѳ. Орлову отъ 14 февраля 1859 г. Я. И. Ростовцевъ замѣчаетъ, что «Государь создаетъ русскій народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало». — Что въ такомъ отзывѣ нѣтъ никакого преувеличенія это лучше всего видно изъ характеристики гр. Валуева, по которой дореформенная Россія оканчивалась XIV классомъ (см. прим. 27 главы I).

II.

ОТМѢНА ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.

И кто мнѣ помогъ
Осилить надменность тирановъ?
Кѣмъ былъ я избавленъ отъ смерти?
Отъ рабства?
Не ты ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?!

Гёте.

Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ не битое стало.

Д. Ровинской.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По поводу двадцатипятилѣтія отмѣны тѣлеснаго наказанія *).

(Эпизодъ изъ исторіи гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ).

I.

17-го апрѣля 1888-го года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня воспослѣдованія одной изъ гуманнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія, со дня полной отмѣны *въ принципѣ* тѣлеснаго наказанія и значительнаго ограниченія и смягченія его *на практикѣ*.

До изданія Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 года тѣлесныя наказанія всевозможныхъ видовъ [1]) и степеней составляли основу нашей карательной системы, корни коей восходили къ Уложенію «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича 1648 года.

Отличіе между Уложеніемъ 1648 года и Уложеніемъ 1845 г. сводилось, главнымъ образомъ, только къ постановкѣ смертной казни. Тогда какъ первое назначало смертную казнь въ 60 статьяхъ, Уложеніе 1845 г. ограничивало примѣненіе ея тремя—четырьмя случаями, введя притомъ ее впервые въ видѣ общаго правила за важнѣйшія политическія преступленія. Кромѣ того, первое назначало въ 140 случаяхъ наказаніе кнутомъ, смертель-

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества въ апрѣлѣ 1888 г.

1) См. Сергѣевскаго.—Наказаніе въ русс. правѣ, стр. 162.

ный исходъ котораго былъ явленіемъ весьма обычнымъ. Такимъ образомъ смертная казнь, въ теоріи отмѣненная еще указами 1753—1754 гг., до 1845 г. фактически процвѣтала въ квалифицированномъ, то есть утонченно-жестокомъ, видѣ [2]). Уложеніе 1845 года кнутъ замѣнило плетью. Впрочемъ, для военныхъ и ссыльно-каторжныхъ оставленъ былъ тотъ же кнутъ подъ названіемъ шпицрутеновъ.

Сущность произведенной въ 1845 г. карательной реформы, привѣтствованной необыкновенно горячо съ каѳедръ тогдашнею пресмыкающеюся «кнутофильскою» наукою [3]), въ лицѣ извѣст-

---

[2]) Въ губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской вмѣсто плети дѣйствовали „пиррутены" (прутья), вѣроятно, нѣчто очень близкое къ шпицрутенамъ, судя потому, что 100 ударовъ плетьми, по легальному тарифу, признавались равными 30 пиррутенами и исполнялись въ три воскресенья, по десяти на каждое (см. подробности этого отдѣла „кнутологіи" въ примѣч. ст. 21. Улож. о нак., изд. 1857 г.).

[3]) Щедринъ далъ этимъ типичнымъ панегиристамъ всякаго statu quo ѣдкую характеристику, которая примѣнима и къ инымъ современнымъ криминалистамъ.—Когда я былъ въ школѣ, пишетъ Салтыковъ, то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово: „кнутъ". Профессоръ уголовнаго права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на каѳедрѣ. И что же! выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть—такъ: какъ дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая вина преступника требуетъ себѣ воздаянія именно въ видѣ кнута. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Насъ, школяровъ, интересовало, прольетъ ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута или воткнетъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый колъ. Цѣлую лекцію онъ скверногловилъ передъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялась въ формѣ кнута, и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ — и его не тошнило, а мы слушали, и насъ тоже не тошнило!.. Я не знаю, продолжаетъ Салтыковъ, какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были вовсе отмѣнены; но думаю, что онъ и тутъ вышелъ сухъ изъ воды. Кто

ныхъ братьевъ-криминалистовъ, сводилась, по одной мѣткой характеристикѣ къ слѣдующему. Еще кнутъ, замѣчаетъ нашъ маститый ученый Д. А. Ровинскій [4]), мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены [5]) и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, не только оставались, и послѣ человѣчнаго указа 1801 г., но еще прославились изобрѣтеніемъ новой «Аракчеевской манеры» (см. ниже).

По уложенію 1857 г. тѣлесное наказаніе составляло необходимый ингредіентъ всякаго уголовнаго наказанія, начиная отъ тяжкаго уголовнаго и кончая легкимъ исправительнымъ. При ссылкѣ въ каторжную работу назначалось публичное наказаніе отъ 30 до 100 ударовъ плетьми чрезъ палачей. Вслѣдъ за этимъ производилось клейменіе, т. е. наложеніе штемпельныхъ знаковъ или *клейма*, т. е. поставленіе «такъ же публично и чрезъ палача опредѣленнымъ для того способомъ», какъ выражается ст. 160 Улож., на лбу и щекахъ трехъ буквъ: К., А., Т. (т. е. «ка-

---

же однако бросить въ него камень за выказанную имъ научную снаровистость? Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы *онъ подъискалъ обстановку для истины, уже отвержденной и оффиціально признанной таковою.* (Сочиненія М. Е. Салтыкова, т. VI, 41).

[4]) См. Русскія Народныя Картины д. Ровинскаго СПб. 1881, V, 322—323.

[5]) Хвостъ *кнута* состоялъ изъ бѣлаго сыромятнаго ремня, длиною въ 13 вершковъ, шириною $6/8$ вершка. Онъ былъ твердъ, какъ кость, и загнутъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ жолобка. При ударахъ острые края должны были приходиться къ спинѣ наказываемаго. — Сила ударовъ была такова, что онъ пробивалъ мясо почти до костей. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ мѣняли кнутъ, такъ какъ ремень размягчался отъ крови. Въ часъ давали не болѣе 20 ударовъ, такъ что торговая казнь иногда длилась отъ восхода до захода солнца. Мѣстомъ наказанія въ Москвѣ была сначала Красная, потомъ Конная площадь (см. н. с. Сергѣевскаго, стр. 149—164).

— Плетиво *плети* состояло изъ столбца, 6 вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Хвосты оканчивались узлами. Столбецъ и хвосты сдѣланы были изъ цѣльныхъ ремешковъ, нарѣзанныхъ изъ куска толстой кожи (см. тамъ же, стр. 170—171).

торжный»), съ принятіемъ мѣръ, какъ гласитъ ст. 544 т. XV ч. 2, «указанныхъ для предупрежденія вытравленія наложенныхъ знаковъ». Публичное наказаніе плетьми назначалось и при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. При отдачѣ въ арестантскія роты назначалось отъ 50 до 100 ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей. Розгами же замѣнялось и кратковременное тюремное заключеніе и арестъ.

Кромѣ того, для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ существовали по Своду Законовъ особыя жестокія наказанія *шпицрутенами* или прогнаніе сквозь строй. Число ударовъ шпицрутенами достигало ужасающей цифры 5000—6000; это наказаніе сопровождалось для каторжныхъ *приковываніемъ* къ телѣжкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы жестокія наказанія, унаслѣдованныя отъ XVII—XVIII вв., не встрѣчали протеста со стороны болѣе развитой части общества. Царственная ученица Беккаріи, Вольтера Монтескье писала еще въ 1767 году въ своемъ знаменитомъ Наказѣ: «Искусство (т. е. опытъ—*l'expérience*) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими. Сдѣлался вредъ ли въ государствѣ чувствительный отъ какого непорядка,—продолжаетъ Наказъ,—насильное правленіе хочетъ внезапно исправить, и вмѣсто того, чтобы думать и стараться о исполненіи древнихъ законовъ, установляетъ жестокое наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображеніе въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же, какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшится въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ установити во всѣхъ случаяхъ другое» (§§ 86, 87). «Упомянувши съ «ужасомъ и съ внутри содраганіемъ чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тысячъ безчастныхъ людей, которые претерпѣли сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ, безъ малѣйшаго совѣсти зазора, людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ», гуманный авторъ Наказа заключаетъ: «страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалися беззаконія самыя безчеловѣчныя» (§ 206).

Но, къ сожалѣнію, эти гуманныя идеи оставались въ области литературныхъ упражненій [6]), и при самой державной почитательницѣ Беккаріи не только господствовалъ кнутъ, но и бывали случаи самыхъ жестокихъ видовъ смертной казни въ видѣ колесованія и четвертованія (примѣч. къ ст. 16, Зак. Уголов., изд. 1842 г.).

Даже внукъ ея, ученикъ Лагарпа, Александръ, отмѣнивъ, конечно, въ теоріи только пытки, вырываніе ноздрей и тѣлесное наказаніе для духовенства, оставилъ въ неприкосновенности тотъ же ужасный кнутъ, нѣсколькими ударами коего, по отзыву графа Мордвинова, опытный палачъ могъ засѣчь до смерти сильнаго мужчину [7]), а Аракчеевъ даже изобрѣлъ особую манеру битья шпицрутенами, названную въ честь изобрѣтателя «аракчеевскою»! Съ этой манерой «проводка сквозь строй, въ гарнизонѣ», свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, въ пятидесятыхъ годахъ «гарнизонные» гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію): ему дали всего 400 ударовъ, и онъ умеръ на третьи сутки.

А что сказать о шпицрутенахъ „*сквозь тысячу двѣнадцать разъ безъ медика*“?! Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея, говоритъ г. Ровинскій и затѣмъ описываетъ слѣдующую ужасающую сцену прогнанія сквозь строй, какъ-будто выхваченную изъ Дантова Ада. — «Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ - шпицрутенъ, — живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго

6) „До такихъ громкихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина“, замѣчаетъ нашъ знаменитый ученый Д. А. Ровинскій (см. его Русскія народныя картинки, т. V, Спб. 1881, стр. 321).—Подъ конецъ царствованія она признавала достойными висѣлицы московскихъ масоновъ. См. ст. проф. Тихонравова въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ“, стр. 543.

7) Были „виртуозы“ палачи, которые *одинаковымъ*, повидимому, ударомъ кнута могли чуть прикоснуться къ листу бумаги или переломить спинной хребетъ осужденному и разрубить толстую доску. Все зависѣло отъ пощады или жалости палача.

до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!»... прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ же быть пороту, — и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дроги и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и рубятъ *кровавую кашу*. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны».

Эту леденящую душу картину г. Ровинскій заканчиваетъ такъ: съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно и говорить о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ; народу данъ *судъ присяжныхъ*, при которомъ слѣдователю не затѣмъ *добиваться* (курс. подлин.) отъ обвиняемаго «*чистосердечнаго признанія*» (ковычки и курсивъ подлинника)—сознавайся, не сознавайся, а если виноватъ предъ обществомъ, обвиненъ все таки будешь, а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на вопли «кнутофиловъ» 1863 г., вопившихъ, какъ и кнутофилы 1867 г., о невозможности защититься отъ злодѣевъ безъ кнута (см. н. с. Ровинскаго, т. V, стр. 324).

Отмѣненъ кнутъ, но какъ мучительно долго пришлось ждать этой побѣды гуманности!

Столь продолжительное безраздѣльное господство жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки желанію гуманнѣйшихъ и сильнѣйшихъ монарховъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ основѣ всего нашего стараго государственнаго и общественнаго строя лежало крѣпостное право, сохраненіе и охраненіе котораго, только и можно было при помощи жесточайшихъ наказаній.

Любовь къ отечеству стыдъ и страхъ поношенія, писала Екатерина въ своемъ Наказѣ,—суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій. И если гдѣ сыщется,—продолжала она,—такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительное владѣніе (въ подлинникѣ *tyrrania*), которое налагало тѣ же наказанія на людей баззаконныхъ и добродѣтельныхъ. Такою областью и была до 1861 г. Россія съ ея ста тысячами полицеймейстеровъ-помѣщиковъ, по мановенію коихъ подвластные имъ крѣпостные могли подвергаться тяжкимъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ Сибирь и кончая жесточайшими тѣлесными наказаніями. При такомъ режимѣ, лишенномъ всякой нравственной опоры, основанномъ исключительно на страхѣ передъ физическою болью, тѣлесныя наказанія были естественны. Страхъ и испугъ были основою крѣпостнаго права. Кто могъ пугать больше, — говоритъ Шелгуновъ, характеризуя крѣпостное время, — тотъ и былъ больше; кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше (*Русск. Мысль*, 1880 г., № 9, стр. 80). Сознаніе о человѣческомъ достоинствѣ отсутствовало вполнѣ до преобразовательнай эпохи.

Благодаря могучему гуманному движенію 60-хъ годовъ, коего ближайшимъ послѣдствіемъ было упраздненіе крѣпостнаго права, возвысилось и уваженіе къ достоинству человѣка, и стали устанавливаться болѣе человѣчные взгляды на людей и вещи. Въ незабвенномъ манифестѣ 19-го февраля отмѣна крѣпостной зависимости мотивировалась «уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ». Это широкое гуманное теченіе, столь торжественно выразившееся въ освобожденіи крестьянъ, сказалось на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и разнородныхъ отношеній человѣка къ человѣку и даже человѣка къ животнымъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Это непреложный историческій фактъ, который можно точно доказать. Укажу на одинъ примѣръ. До 1861 г. не разъ возбуждался вопросъ о назначеніи наказанія за жестокое обращеніе съ животными; но всякій разъ выставлялось въ нашихъ законодательныхъ сферахъ противъ этого предположенія то соображеніе, что при существованіи тѣлесныхъ наказаній невозможно преслѣдовать за жестокое обращеніе съ животными. Только послѣ 1861 г., благодаря гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній сталъ на очередь и вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ животными [8])

Послѣ провозглашенія въ 1861 г. уваженія къ личному достоинству человѣка и правъ свободный личности, стало уже очевидно чѣмъ-то безчеловѣчнымъ публичное или тайное, жестокое истязаніе, чинимое во имя закона или обычая (какъ напр. пытка) [9])

---

[8]) См. объясненіе подъ ст. 43 уст. о нак., нал. мир. суд.

Одна владимірская помѣщица штабсъ-капитанша Зенаида Васильевна Архангельская въ отзывѣ своемъ судебному слѣдователю, возбудившему дѣло о жестокомъ обращеніи ея съ дворовою дѣвушкою, 24-го января 1858 г. излагала въ слѣдующихъ выраженіяхъ метафизическую *теорію* о соотношоніи крѣпостнаго права къ тѣлесному наказанію: „Богъ создалъ *особо* господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ, тогда какъ господа натуру имѣютъ отъ Бога болѣе нѣжную. Къ этому *физическому* различію между господами и холопами присоединено Богомъ *нравственное* различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законы гражданскіе распредѣляя отношенія между людьми, основываются на этомъ *естественномъ* различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣляя отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта (sic) и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ одинъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному“.

[9]) Пытка юридически была уничтожена указомъ 27-го сентября 1801 г., „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“. Но на дѣлѣ пытки существовали до самаго конца крѣпостнаго права. Помѣщики пытали людей своихъ и дѣвокъ падѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки, приковывая тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ и засѣкая плетьми и розгами.—По удостовѣренію бывшаго московскаго губернскаго прокурора (нынѣ сенатора) Д. А. Ровинскаго еще въ пятидесятыхъ годахъ у московскихъ слѣ-

надъ личностью преступника безъ различія пола. Точно завѣса спала съ глазъ, и если не всѣ, то передовая часть общества поняла всю жестокость [10]) и даже нецѣлесообразность наказаній, унаслѣдованныхъ отъ варварскихъ временъ. Стонъ и вопли, стоявшіе въ теченіе вѣковъ отъ свиста потрясающихъ душу шпицрутеновъ, плетей и розогъ повсемѣстно, начиная отъ дѣтской и учебныхъ заведеній и кончая помѣщичьими конюшнями, казармами и городскими площадями, и рѣдко кого смущавшіе въ теченіе вѣковъ, вдругъ предстали послѣ 1861 г. во всемъ своемъ безчеловѣчномъ ужасѣ [11]) и дикомъ безобразіи.

Когда извѣстная мысль настолько созрѣла въ общественномъ сознаніи, то за инициативою къ ея исполненію дѣло не станетъ. Она и не заставила себя долго ждать.

дователей пытка, въ видѣ кормленья соленымъ сельдемъ, была *явленіемъ обыкновеннымъ*. — Въ 50-хъ гг. въ Москвѣ въ городскомъ частномъ домѣ существовалъ „клоповникъ", а при Басманномъ частномъ домѣ—знаменитыя „могилы" (совершенно темныя подвалы подъ зданіемъ частнаго дома), куда сажали несознавшихся обвиняемыхъ. Почетный гражданинъ Соповъ, выйдя изъ такой могилы на свѣтъ Божій, совершенно *ослѣпъ* (см. Народ. картины Д. Ровинскаго т. V, стр. 321, 322, 327).

10) Гуманныя вѣянія 60-хъ годовъ имѣли послѣдствіемъ не только отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, но и общее смягченіе всѣхъ наказаній. Приведу одинъ примѣръ, заимствуя его у г. Ровинскаго.— По Уложенію (изд. 1857 г.) порубка лѣса на самую незначительную сумму наказывалась лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и т. д.—По Положенію же 19 февраля 1861 г. за порубку назначенъ штрафъ maximum до 5 руб. (см. Записку Ровинскаго въ т. XVI Дѣла о преобразов. судебн. ч. въ Россіи).

11) Говоря о времени господства кнута, г. Ровинскій пишетъ: не однихъ только ребятъ въ школѣ били—господа потчивали свою крѣпостную прислугу „березовой лапшей съ ременнымъ масломъ", мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били „для людей", мастера били учениковъ, хозяева—рабочихъ, сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ и все это по правилу, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, такъ-что при этомъ повальномъ битьѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго *боевой* глаголъ можно сдѣлать. — Ужь я-те *отстаканю,* говоритъ половой мальчику, уронившему стаканъ.—*Нагорьте-ка* Антошкѣ спину, говоритъ артельный староста.—Нутка *припонтійстимъ-ка* (отъ Понтійскаго Пилата!!) его, братцы, кричитъ артель на Волгѣ.

II.

19-го февраля 1861 г. была провозглашена, во имя достоинства человѣка, личность его свободною, и не прошло послѣ этого и мѣсяца, какъ въ мартѣ 1861 г. появляется проектъ или записка объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Она принадлежала извѣстному государственному человѣку (впослѣдствіи послу въ Парижѣ) генералъ-адъютанту кн. Н. А. Орлову († 17. марта 1885 г.).

Записка эта и дальнѣйшая судьба ея заслуживаетъ полнаго вниманія. Вотъ что писалъ кн. Орловъ въ своей запискѣ, давшей толчекъ одной изъ величайшихъ реформъ прошлаго царствованія [12]).

Въ старину *учить и бить значило одно и то же.*

Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, говоритъ г. Ровинскій, а боевой глаголъ все еще остался и не скоро, должно быть, выведется. Насъ тоже били говоритъ иной, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье, безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку *не добьешься.* Ну, какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задавъ ему хорошей встрепки, головомойки или подзатыльника, не вспрыснувъ лѣниваго, не отхлеставъ или не отстегавъ за испорчунную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами: высѣчь, отпороть, отодрать,—въ военномъ быту и крѣпостномъ за такую провинность „шкуру съ него до головы сдирали". Въ домашнемъ быту тоже долго разговаривать нечего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, за виски, да въ ухо, да въ усъ, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незваннаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить,—какъ не накласть ему киселю, да не накостылять шею,—и на западѣ такого человѣка въ шею выгонятъ, а по нашему, по русски: если ужъ гнать, такъ его въ *три шеи.* Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъеѳантулить. (См. н. с. Ровинскаго, V, 57, 58).—Въ бурсѣ встрѣчались еще выраженія:—взбутетенить, взъерепенитъ, застребушить.

Въ т. VI н. с. Ровинскаго (стр. 335, 336) приводятся старинныя вирши, изъ букварей. XVII, „Похвала розогъ", начинающія такъ:

Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ.
Розга убо мало здравію вредитъ.

Тамъ же приводятся любопытные стихи извѣстнаго вора Ваньки Каина о томъ, какъ его безпрестанно пороли въ школѣ (337).

[12]) См. „Исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи" М. Ступина.

«Въ большой части европейскихъ государствъ, — говоритъ онъ, — тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены; въ Россіи же и Польшѣ они служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія противны *христіанству*, *нравственности и общественности*. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насилія и истязанія. Тѣлесныя кары безнравственны, такъ какъ онѣ порождаютъ грубость нравовъ и мѣшаютъ правильному развитію человѣческой личности; онѣ противны общественности, такъ какъ сословія, подверженныя побоямъ, съ опасеніемъ и недовѣрчивостью относятся къ остальнымъ. Для русскаго общества существованіе тѣлесныхъ наказаній даже опасно; просвѣщеніе проникло во всѣ слои общества, и не далеко то время, когда эти наказанія будутъ приводить къ открытому сопротивленію или самоубійству. Еще менѣе сообразно существованіе тѣлесныхъ каръ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, потому что свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ. Тѣмъ менѣе умѣстны тѣлесныя наказанія въ Польшѣ, долгое время управлявшейся законами, вполнѣ сообразными съ требованіями человѣчества (гуманности) и юридической правды».

Для разсмотрѣнія записки кн. Орлова былъ учрежденъ въ апрѣлѣ 1861 г. особый комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи. Прежде чѣмъ высказать свое сужденіе, комитетъ обратился съ запросомъ къ вѣдомствамъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ сохраненіи устрашающихъ тѣлесныхъ наказаній — къ военному и морскому. Вопреки опасеніямъ, военный министръ Сухозанетъ въ принципѣ высказался за отмѣну шпицрутеновъ и только стоялъ за сохраненіе въ интересахъ дисциплины розогъ. Генералъ же адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, всегда сочувственно относившійся ко всѣмъ гуманнымъ и либеральнымъ реформамъ, выразилъ полное сочувствіе запискѣ князя Орлова и полагалъ, что хотя отмѣна плетей и розогъ и желательна въ гражданскомъ вѣдомствѣ, все же, если бы таковая замедлилась, не усматривается достаточнаго основанія отлагать эту мѣру относительно военно-морскаго вѣдомства.

Послѣ этого комитетъ призналъ возможнымъ согласиться съ основною мыслью о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ *ни духу времени, ни достоинству человѣка, ожесточаютъ* нравы, весьма часто губительно дѣйствуетъ на здоровье и, находясь въ зависимости отъ силы и произвола палача и тѣлосложенія наказуемаго, лишены равномѣрности, т. е. одного изъ главныхъ условій каръ. «Единственное назначеніе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній,—разсуждалъ комитетъ,—устрашеніе другихъ на дѣлѣ, вовсе не достигается. Изъ отзывовъ главныхъ начальниковъ губерній видно, что жестокое публичное наказаніе вызываетъ въ народѣ лишь чувство жалости къ преступнику — изъ толпы бросаютъ на эшафотъ деньги и нерѣдко стараются подкупить палача, чтобы облегчить участь преступника. Кромѣ того, въ послѣднее время *невозможно было найти* желающихъ идти *въ палачи*, не смотря на то, что преступники, изъявившіе на это согласіе, освобождаются отъ всякаго наказанія». Въ отзывахъ главные начальники губерній, между прочимъ, указывали на слѣдующій фактъ. При наказаніи женщинъ случалось даже, что лица, совершенно незнакомыя съ преступницами (вѣроятно, изъ дворянъ или другихъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія), приходили въ земскій судъ просить въ замужество, предполагая тѣмъ избавить ихъ отъ наказанія плетьми. Возражая тѣмъ, которые опасались, что общественное зданіе можетъ пошатнуться, а то и рухнуть вслѣдствіе отмѣны варварскихъ наказаній, комитетъ отвѣчаетъ указаніемъ на общеизвѣстный фактъ, что съ отмѣною жестокихъ наказаній въ разныхъ государствахъ не увеличивалось, а уменьшалось число преступленій. Такъ, въ Россіи послѣ отмѣны наказанія кнутомъ число преступленій по оффиціальнымъ даннымъ *уменьшилось* въ три года на 20%.

По Высочайшему повелѣнію, въ видахъ разъясненія дѣла, потребованы были отзывы отъ разныхъ вѣдомствъ.

Изъ восемнадцати мнѣній, поступившихъ въ комитетъ, 12 было въ пользу отмѣны и 6 въ пользу сохраненія тѣлесныхъ наказаній. Приведемъ наиболѣе характерныя изъ нихъ. «Положеніе человѣка, совершившаго преступленіе, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ, есть положеніе ненормаль-

ное, только не въ физическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ, а потому и приведеніе такого человѣка въ нормальное состояніе, т. е. *исправленіе* преступника, должно быть не физическое, а нравственное. Здѣсь полезнѣе всего умѣть заставить преступника почувствовать всю гнусность и вредъ преступленія, вызвать въ немъ сожалѣніе о потерянныхъ чрезъ преступленіе преимуществахъ въ жизни человѣка честнаго, а вмѣстѣ и раскаяніе въ совершенномъ преступленіи. Тѣлесныя же наказанія скорѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ».

Рѣшительнымъ сторонникомъ сохраненія шпицрутеновъ, плетей и клейменія выступилъ министръ юстиціи, извѣстный магнатъ-мизантропъ гр. В. Н. Панинъ. Признавая предложеніе комитета несогласнымъ съ *историческимъ* [13]) развитіемъ русскаго законодательства, гр. Панинъ считалъ «при настоящемъ положеніи народнаго развитія тѣлесныя наказанія для тѣхъ, на кого дѣйствіе ихъ распространено, *наиболѣе вразумительными* и слѣдовательно наиболѣе годными для *устрашенія* другихъ и для предотвращенія преступленій» [14]). Гр. Панинъ возсталъ даже противъ освобожденія женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній, мотивированнаго комитетомъ уваженіемъ къ стыдливости, свойственной ихъ полу. Министръ юстиціи указывалъ, что «женщины часто совершаютъ преступленія, обнаруживающія въ нихъ присутствіе большей *развращенности*, чѣмъ въ мужчинахъ, а полъ и сословіе возвышаютъ не освобожденіе отъ наказанія, а *несовер-*

---

13) Такіе консерваторы, замѣчаетъ г. Ровинскій, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра (примѣч. 275, стр. 325 н. с. Ровинскаго, V) см. также примѣч. 36 главы II.

14) По поводу оппозиціи консерваторовъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній сенаторъ Д. А. Ровинскій дѣлаетъ слѣдующее любопытное сопоставленіе: кнутофилы 1863 г., точно также, какъ и собраты ихъ въ 1767 г. вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣснь,—что и теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ поутру и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ".—Миръ и тишина остались въ домѣ, говоритъ онъ, и въ постели, спать даже *стали больше и крѣпче прежняго* (стр. 324 н. с. Ровинскаго п. V).

шеніе преступленія» [15]). Изъ этой посылки логически вытекало заключеніе, что въ такомъ случаѣ и дворянское сословіе не должно быть освобождено отъ тѣлеснаго наказанія, но такъ далеко не простиралъ гр. Панинъ, смотрѣвшій съ гадливою пренебреженностью на все profanum vulgus (см. гл. I) требованіе послѣдовательной логики. Государственный контролеръ, указывая на уничтоженіе помѣщичьей власти и на политическія смуты, полагалъ, «что заявленіе (даже одно только заявленіе!) намѣренія измѣнить существующую систему наказаній опасно и вредно, потому что возбужденные имъ толки могутъ еще болѣе *ослабить страхъ наказанія*, еще сильнѣе поколебать власть и безъ того уже ослабленную, и могутъ совершенно ее парализовать» [16]).

Генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ высказалъ слѣдующее заключеніе: «тѣлесныя наказанія составляютъ такое въ государствѣ зло, которое оставляетъ въ народѣ вредоносныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей, что такія наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ».

Со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія поступила особая записка подъ заглавіемъ «О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія». Записка эта была составлена высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, по приглашенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода, гр. А. П. Толстаго, который, указывая на то, что «въ основаніе предполагаемыхъ мѣръ приводятся соображенія, почерпнутыя будто

[15]) Вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, замѣчаетъ г. Ровинскій видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія *исправительныя* мѣры, которыя не лучше (смертной казни см. н. с. Ровинскаго V, 329).

[16]) Нашимъ кнутофиламъ померещилось, пишетъ Д. А. Ровинскій, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится. Всуе смятошася и воотще прорѣкаша, говоритъ онъ, дисциплина не пострадала, и въ доказательство приводитъ онъ отзывъ враждебной Россіи англійской журналистики, отзывавшейся съ величайшею похвалою о поведеніи русскихъ солдатъ въ послѣднюю восточную войну (см. н. с. Ровинскаго т. V, стр. 325, прим. 276).

бы изъ христіанскаго ученія, считалъ весьма важнымъ разсмотрѣть со строгостью сіи соображенія, подносимыя на Высочайшее разсмотрѣніе, дабы обсудить, согласны ли они съ ученіемъ православной церкви и не заключается ли въ нихъ какихъ-либо произвольныхъ выводовъ». Съ своей стороны графъ Толстой добавлялъ, что хотя существо вопроса и не касается до духовнаго вѣдомства, но «трудно, кажется, согласиться съ мыслями, будто для предупрежденія конечной порчи народной нравственности и для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо отмѣнить тѣлесныя наказанія; будто они ослабляютъ силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами и поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія» [17].

Въ запискѣ своей митрополитъ Филаретъ высказалъ слѣдующія характерныя соображенія, которыя приводимъ слово въ слово:

„I. Попеченіе о устройствѣ таковой системы наказаній, которая была бы направлена къ цѣли — исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ и которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчала правосудіе кротостію, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства, породило вопросъ, какое можетъ быть правильное воззрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства? II. При разсмотрѣніи сего вопроса прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство. Силою внутренняго благодатнаго закона онъ благоустроетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства. III. И посему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ: христіанство говоритъ: хотящему судитися съ тобою и (посредствомъ неправды въ судѣ) ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Мат. V 40). Но государство не можетъ сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые, и злые. Оно, по необходимости говоритъ ограбленному — иди въ судъ; по суду грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое и быть обличенъ или наказанъ. IV. Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моисеевомъ: слышасте, яко речено бысть око за око

[17]) См. Собраніе Мнѣній и Отзывовъ Филарета т. V, М. 1877, стр. 128.

и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: непротивитеся злу (Мат. V 38, 39), то есть по закону Моисееву выколовшій у другаго глазъ долженъ быть наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ выбитіемъ зуба: но вы непротивоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобы измѣнить родъ и степень наказанія; онъ преподаетъ духовный законъ: терпѣть и не домогаться наказанія за обиду. V. И такъ вопросъ: о употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды онаго: христіанство одобритъ сію кротость. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе: *христіанство не осудитъ сей строгости,* только бы наказаніе было справедливо и нечрезмѣрно. VI. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Моисея, узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: числомъ четыре—десять ранъ да наложатъ ему (Втор. XXV, 3) съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа. VII. Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшался на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія. Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ? Если какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе; симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, пріѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полнаго довѣрія. *Видно, тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности.* Неизвѣстно, такъ ли теперь: можетъ быть не бывшіе подъ наказаніемъ не такой, какъ прежде, подаютъ примѣръ наказаннымъ. Надо возвратиться снова на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ синедріона безвинно тѣлесное наказаніе, идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Го-

спода Іисуда сподобишися *безчестіе пріяти* (Дѣян. V 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: трижды палицами біенъ быхъ (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. И такъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе, само въ себѣ, *не безчестно*, а безчестно только преступленіе. Нѣкоторые полагали бы совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія и замѣнить ихъ тюремнымъ заключеніемъ. Для сего, при многолюдномъ городѣ, потребовалось бы построить и содержать почти городъ тюремный. Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ налоговъ на народъ. И такъ, чтобы облегчить истинную или мнимую тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское и просто человѣческое милосердіе можетъ сказать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ. IX. Указано въ направленіи противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе: „Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно „защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію". Много указано свидѣтелей: жаль что ни одинъ не наименованъ, и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что именно говорятъ они. Указаны даже и не существующіе. То, что мы называемъ Святителями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ и не признается и не существуетъ. Изъ того, что Святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и по подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника. И что значитъ защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но если можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ? Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. Ты побіеши его жезломь: душу же его избавиши отъ смерти (Прит. XXIII, 14). X. Есть мысли, блещущія нравственною красотою, такъ что въ нихъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе: „законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія". Прекрасно, однако если разсмотрѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, т. е. нѣчто неистинное: нельзя осудить всякое насильство безусловно. Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо употребить насильство, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ конечно не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить насильство, чтобы его схватить и сковать.

Такимъ образомъ мысль блистательная, но не строго вѣрная, не объ-

щаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ. XI. Слышно, что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ вопросъ о уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи и что тамошніе военоначальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ воинахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ [18]).

Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса. Время молчати“ [19]).

III.

Обсудивъ поступившія мнѣнія, комитетъ II отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи составилъ проектъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, не смотря на сильное противодѣйствіе консервативной партіи, которая старалась эксплоатировать въ свою пользу начавшееся въ 1863 г. политическое броженіе. Но, съ другой стороны, могучимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ этой реформы явился только-что назначенный на постъ военнаго министра генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Д. А. Милютинъ.

По обсужденіи дѣла въ государственномъ совѣтѣ подписанъ былъ въ день рожденія покойнаго Государя знаменитый указъ 17-го апрѣля 1863 г., составляющій одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго законодательства.

Главное содержаніе его сводится къ слѣдующему: жесточайшія наказанія — шпицрутены или прогнанье сквозь строй для военнаго вѣдомства, кошки для морскаго и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства—отмѣняются вовсе; отмѣняется также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; лица женскаго пола вовсе изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія. Таковы главные пункты этого гуманнаго законодательнаго акта, истинные мотивы коего, вслѣдствіе необъясненнаго недоразумѣнія, попали не въ подлинный указъ правительствующему сенату, а въ приказы по военному и морскому вѣдомствамъ. Въ указѣ правитель-

---

[18]) Въ этомъ пунктѣ г. Ровинскій отмѣчаетъ фактическую невѣрность справки (см. н. с. Ровинскаго V, стр. 324 прим. 277).

[19]) См. назв. собр. Мнѣній Филарета, стр. 130—134.

ствующему сенату такая радикальная мѣра, какъ отмѣна жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, мотивируется желаніемъ «*еще точнѣе (sic)* соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ и степенью преступленія»,—фраза, ничего не разъясняющая!—Гораздо больше имѣетъ значенія мотивъ, помѣщенный въ означенныхъ выше приказахъ и мотивирующій указъ 17-го апрѣля желаніемъ Государя Императора «явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и *возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ*».

Значеніе указа 17-го апрѣля было громадно какъ для развитія нашего уголовнаго права, такъ и для огражденія нравственной личности гражданина. Если въ высшихъ своихъ ступеняхъ тѣлесныя наказанія возмущали своею безчеловѣчною жестокостью относительно истязуемаго публично преступника, который, изнемогая, долженъ былъ идти сквозь строй, или лежать на плахѣ съ изодранною, шпицрутенами и плетьми, въ клочья спиною,— то въ низшихъ своихъ ступеняхъ оно до нельзя принижало личность гражданина, который рѣшительно ничѣмъ не былъ огражденъ отъ кулачной расправы и произвольнаго наказанія розгами со стороны административныхъ властей. Отмѣняя жестокія наказанія по суду, законодатель долженъ былъ озаботиться отмѣною «административной расправы», иначе реформа оставалась бумажною, если не въ важнѣйшей своей, то въ самой обыденной части». Такъ и поступилъ законодатель. «Во избѣжаніе *своеручныхъ* расправъ, практикуемыхъ исполнительными властями», вышеупомянутый комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ внушенію *начальствующимъ полицейскою частью*, что *собственноручные побои* будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію. Въ видахъ обезпеченія болѣе строгаго преслѣдованія комитетъ полагалъ, что такія расправы слѣдуетъ передать на разсмотрѣніе *не начальствъ* виновныхъ, а общихъ судовъ». Къ сожалѣнію, предположенія комитета въ этой послѣдней части не осуществились.

Можно ли въ настоящее время считать отмѣну тѣлесныхъ наказаній вполнѣ осуществившеюся? И да, и нѣтъ. Не даромъ на статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ во Флоренціи въ 1881 г.,

изъ двухъ представителей Россіи, предъ изумленными иностранцами, одинъ утверждалъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи, а другой—что существуютъ. Пожалуй, оба были правы. Какъ факультативная мѣра, розги еще фигурировали въ Уложеніи 1866 г. [20]) Но съ новымъ изданіемъ въ 1886 г. Уложенія, въ которомъ считаются отмѣненными ст. 78, 80, 81 и 82 Улож., разрѣшавшія до 1885 г. судамъ, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ рабочемъ и исправительномъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ, замѣнять эти наказанія наказаніемъ розгами отъ трехъ до ста ударовъ,—тѣлесныя наказанія можно признать de jure *окончательно отмѣненными*, такъ что въ судебномъ порядкѣ теперь нельзя присуждать къ наказанію розгами.

Тѣлесныя наказанія, въ видѣ розогъ, остались въ военномъ вѣдомствѣ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ, а также для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе. Въ случаѣ побѣга или совершенія новаго важнаго преступленія каторжные подвергаются наказанію *плетьми* и прикованію къ телѣжкѣ на время отъ одного и до трехъ лѣтъ.

---

[20]) Замѣчательно, что, оставивъ въ 1866 г. розги въ видѣ факультативной мѣры для общихъ судовъ, государственный совѣтъ изгналъ ихъ еще въ 1864 изъ мироваго суда, исходя во 1-хъ, изъ того соображенія, что для населенія, привыкшаго съ дѣтства къ розгамъ она лишена всякой репрессивной силы, а, въ 2-хъ, въ виду того, что тѣлесное наказаніе *„признано всѣми въ высшей степени позорнымъ и несоотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества“*.—(См. т. *LXIX*, Дѣла о преобразов. суд. части въ Россіи. Жур. госуд. совѣта 30-го сентября 1864 г., стр. 7).—Кто-бы повѣрилъ, что подъ этимъ журналомъ стоитъ подпись завзятаго панегириста розги гр. Панина. Но наши быстротечныя либеральныя вѣянія недолговѣчны, и уже въ 1866 г. тотъ же госуд. совѣтъ, и въ томъ числѣ и гр. Панинъ, оставили розгу при пересмотрѣ въ 1866 г. Улож.—Замѣтимъ кстати, что приведенныя данныя сильно колеблютъ ходячее мнѣніе какъ о твердынѣ консерватизма о гр. Панинѣ. Вопреки мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина (см. письмо Ю. Ѳ. Самарина въ н. с. Лероа-Болье L'homme etc., 56), гр. Панинъ также счелъ въ 1864 г. нужнымъ заплатить дань модному тогда оффиціальному либерализму.—Г. Лероа-Болье отмѣчаетъ любопытные факты въ семьѣ гр. Панина: сынъ его былъ арестованъ за участіе въ революціонномъ движеніи 1861, а вдова его была сослана въ 1880 г. въ свое имѣніе за участіе въ революціонной пропагандѣ. (ibidem. примѣч.).

Но замѣчательно, что *плеть*, которая всего 26 лѣтъ тому назадъ была самымъ заурядным явленіемъ въ русской уголовной практикѣ и даже вызывала диѳирамбы съ университетскихъ каѳедръ, современному правосознанію кажется чѣмъ-то столь дикимъ и ужаснымъ, что, изъ боязни оскорбить общественную нравственность, приведеніе приговора о наказаніи плетьми, хотя бы и состоявшагося въ предѣлахъ Европейской Россіи, совершается обязательно въ Азіи, въ Сибири, и притомъ непублично (ст. 849 Устава о ссыльн. по прод. 1886 г.).

Въ совершенно иномъ положеніи находится розга. Она еще не считается способною оскорбить атмосферу и территорію цивилизованной Европы. Розга допускается по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ волостному суду [21]), и признается цѣлесообразнымъ

---

[21]) Не лишена назидательности „исторія" розги. Редакціонная Коммиссія большинствомъ 12 голосовъ противъ 11 оставила ее для волостнаго суда, хотя въ средѣ ея были горячіе противники тѣлеснаго наказанія вообще. Коммиссія исходила частью изъ того соображенія, что вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ предметъ уголовнаго права и подлежитъ окончательному сужденію въ связи съ пересмотромъ Уложенія о наказаніяхъ, частью въ виду практическихъ затрудненій при замѣнѣ розогъ штрафомъ или тюрьмою. Съ назначеніемъ гр. Панина, представителя самой тупой рутины, на должность предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи шансы розги поднялись.—Въ книгѣ г. Семенова находимъ слѣдующій поучительный діалогъ, происходившій въ засѣданіи Редакціонной Коммиссіи 2-го августа 1860 г. между гр. Панинымъ и Соловьевымъ.

Панинъ. Теперь перейдемъ къ *тѣлесному наказанію,* изъ этого легче выйти. Правительство старается о томъ, чтобъ его избѣгать. Изъятіе для должностныхъ лицъ изъ крестьянъ оно имѣетъ въ виду. Относительно образованныхъ людей, всѣ къ тому стремятся. Теперь, гдѣ и для какихъ случаевъ должно опредѣлить тѣлесное наказаніе—это легко. Напримѣръ, побилъ кого нибудь, надо примѣнить тѣлесное наказаніе къ грубому человѣку. Воровство — это дѣяніе посрамительное. Для вора пойти въ тюрьму ничего не значитъ. Если-бъ мы заявили это, Главный Комитетъ можетъ быть и принялъ бы это. За побои для того, который не изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, если онъ не должностное лице, такое наказаніе не только будетъ соотвѣтствовать общему чувству справедливости, но будетъ и полезно. На счетъ дѣтей, освобожденію ихъ отъ тѣлеснаго наказанія я не сочувствую. Въ деревняхъ они часто воруютъ. Тѣлесное наказаніе будетъ для нихъ благодѣяніемъ. Почему ихъ не высѣчь? На

институтомъ для выколачиванія недоимокъ. Область ея примѣненія широка и безконтрольна. При отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ 1863 году розга была сохранена главнымъ образомъ въ силу того соображенія, что не желательно было колебать изданное

счетъ женщинъ—иная дерется,—тѣхъ, которыя воруютъ и бьютъ другихъ, слѣдуетъ тоже, мнѣ кажется, сѣчь.

Соловьевъ: (графу Панину): Я именно признаю, ваше сіятельство, что тѣлесныя наказанія *безчеловѣчны*. Штрафъ дѣйствительнѣе розогъ. Я подавалъ голосъ противъ тѣлеснаго наказанія. Я видѣлъ, именно у государственныхъ крестьянъ, какъ розги не достигаютъ цѣли. Я думаю, что это наказаніе развращаетъ и унижаетъ.

Графъ *Панинъ:* Надо говорить обо всемъ съ большою точностью. Если наказаніе справедливо, то оно не развращаетъ.

Соловьевъ: Наказанный такимъ способомъ теряетъ именно самолюбіе.

Графъ *Панинъ:* Хорошо; но человѣкъ не потерялъ ли самолюбія, когда онъ укралъ? Тутъ надо теоріи оставить, есть цѣлыя деревни, которыя воруютъ. Ужъ примѣръ наказанія удерживаетъ.

Соловьевъ: Едва ли не справедливо то, что дворянство, когда для него было отмѣнено тѣлесное наказаніе, было столько же именно къ тому не приготовлено, сколько нынѣ крестьянство.

Графъ *Панинъ:* Къ сожалѣнію это несправедливо. Посмотрите въ исторію—герои носили слѣды (sic) этого наказанія.

Соловьевъ: Но именно отмѣна наказанія возвысила дворянское сословіе.

Графъ *Панинъ:* Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, взгляните на западъ Европы. Развѣ въ иностранныхъ государствахъ воры перестаютъ воровать отъ того, что ихъ тѣлесно не наказываютъ. Эти вопросы рѣшаются съ практической точки зрѣнія.

Соловьевъ: Денежный штрафъ и заработокъ дѣйствительнѣе.

Графъ *Панинъ:* Но заработки у насъ не въ привычкѣ.

3-го августа снова вернулись къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи, при чемъ гр. Панинъ настоялъ на *сохраненіи* тѣлеснаго наказанія для женщинъ.

Графъ *Панинъ:* Вотъ теперь угодно вамъ или не угодно включить сюда, что тѣлесное наказаніе постановляется за воровство. Я настаивать на этомъ не буду. Оно соотвѣтствовало бы желанію, вами выраженному, облагородить крестьянъ.

Послѣдовало обще молчаніе.

Графъ *Панинъ:* Я вижу это не находитъ общаго сочувствія.

Милютинъ: Это не то, что не находитъ. Наша аргументація, касательно невозможности отмѣны тѣлеснаго наказанія выходила изъ того, что оно стоитъ по уложенію въ соразмѣрности съ другими наказаніями для лицъ другихъ податныхъ сословій, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Мы это оттолкнули такъ сказать отъ себя. Мы считали, что

не за-долго передъ тѣмъ Полож. о крест. 19 февраля 1861 г. [22]). Съ другой стороны комитетъ полагалъ, что уничтоженіе розогъ въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не путемъ прямой отмѣны этого наказанія, а посредствомъ внушенія (кѣмъ?) обществамъ, что имъ полезнѣе употреблять провинившихся въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Судя по существующей практикѣ волостныхъ судовъ въ теченіе истекшихъ 25 лѣтъ, нужно думать, что внушеніе дѣлалось

занимаемся спеціально крестьянскимъ дѣломъ. Я думаю, противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній вообще, никто между нами возражать не будетъ; но мы пришли къ тому заключенію, что уложеніе о наказаніяхъ простому крестьянину будетъ непонятно, и, не предполагая измѣнять кодекса существующихъ постановленій, изложили ихъ въ нашемъ Положеніи.

Поповъ: (чинов. II отд.). Я долженъ замѣтить, что трудно мужикамъ ссылаться на уложеніе, гдѣ наказанія уголовныя и судебно-полицейскія перемѣшаны, и поэтому второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи имѣетъ въ виду раздѣлить уложеніе, по характеру наказаній, на двѣ части, и издать каждую изъ нихъ особо.

Графъ *Панинъ*. Я не могу не предоставить удовольствія второму отдѣленію написать вновь какихъ нибудь 400 статей, потомъ раздѣлить ихъ на два отдѣленія; равнымъ образомъ я пожалуй уступаю желанію состоящихъ во второмъ отдѣленіи много писать, какъ и вашему много возражать, но далѣе я просилъ бы въ примѣчаніи къ 62-й статьѣ устранить изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ, потому что при всемъ уваженіи къ полу, есть женщины, которыя бьютъ другихъ. О женщинахъ былъ у насъ уголовный случай—этотъ примѣръ у меня въ глазахъ, что *жена разрубила своего мужа за то*, что онъ требовалъ отъ нея удовлетворенія супружескихъ желаній, тутъ въ дѣлѣ было, вѣроятно, не досказано, что она имѣла любовника.

Это замѣчаніе предсѣдателя такъ подѣйствовало, что женщины были отстранены отъ привиллегіи быть освобожденными отъ тѣлеснаго наказанія. См. н. с. Семенова ч. 2, т. III, ст. 128, 190.

Впослѣдствіи раздѣлъ Уложенія, столь огорчавшій г. Панина дѣйствительно состоялся, а именно: былъ составленъ въ 1864 г. Уст. о наказ., нал. мир. суд., какъ одинъ изъ отдѣловъ Судебныхъ Уставовъ, и замѣчательно, что тотъ же самый г. Панинъ, — о, altitudo! – отвергъ рѣшительно, вмѣстѣ съ большинствомъ членовъ государственнаго совѣта, введеніе розги въ мировомъ судѣ по вышеуказаннымъ соображеніямъ (см. примѣч. 20).

[22]) См. т. LXIX, Дѣла о преобраз. суд. части стр. 6.

недостаточно убѣдительно или оно парализовалось другими неблагопріятными явленіями [23]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣлесныя наказанія, практикуемыя иногда высшими административными властями въ видѣ экзекуціи во время народныхъ волненій или даже въ видахъ предупрежденія ихъ, какъ это было недавно на послѣдней Нижегородской ярмаркѣ. Такія экстраординарныя расправы не имѣютъ подъ собою никакой легальной почвы. Но и съ точки цѣлесообразности польза подобныхъ мѣръ подлежитъ крайнему сомнѣнію. Самый главный аргументъ, который приводили защитники тѣлеснаго наказанія, сводился къ тому, что оно производитъ устрашающее дѣйствіе на народъ. Но и этотъ сомнительный доводъ могъ имѣть значеніе только относительно тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—шпицрутеновъ, кнута и плетей, а никакъ не относительно розогъ, которыми трудно терроризировать народъ. А если возстановленіе торговой казни кнутомъ и плетьми немыслимо въ наше время, то не лучше ли отказаться и отъ розогъ, употребленіе коихъ едва ли можетъ предупредить, *caeteris paribus*, безпорядки гдѣ бы то ни было.

IV.

Нужно думать, что недалеко время, когда исчезнутъ это наслѣдіе крѣпостнаго права, эти послѣдніе жалкіе остатки тѣлеснаго наказанія, въ спасительность которыхъ иные по старой традиціи еще

[23]) Говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, г. Ровинскій указываетъ, что въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ по прежнему; впрочемъ, не далеко то время, когда съ уничтоженіемъ *личной подати* (курс. подл.) съ татарскою *круговою порукою* (id.) перестанутъ дѣйствовать и административныя розги (это оптимистическое ожиданіе, высказанное въ 1881 г., къ сожалѣнію, практикою и законодательствомъ—законоположеніемъ 12 іюля 1889 г.,—было опровергнуто), а токуріозно смотрѣть, говоритъ онъ, какъ на судѣ какой нибудь „аблакатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему „кліенту„ мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительному становому тому же кліенту за податную недоимку ни по чемъ сотни три *соленыхъ* розогъ *всыпать*, — только не самъ, а *„по приговору общества или волостныхъ судей“*, которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ (см. н. с. Ровинскаго, V, 324, примѣч. 273).

вѣрятъ или хотѣли бы вѣрить. 25-лѣтній опытъ нашъ собственный и почти вѣковой иныхъ европейскихъ законодательствъ ясно свидѣтельствуетъ, что, вопреки опасенію *«кнутофиловъ»* консервативнаго лагеря, *увѣрявшихъ, что съ отмѣною* этого освященнаго божескими и человѣческими законами орудія мздовоздаянія не только *не распадается общество*, не расшатывается дисциплина и не водворяется анархія, а падаетъ общая преступность и уменьшается звѣрскій характеръ преступленій. Прожитое Россіею безъ тѣлеснаго наказанія двадцатипятилѣтіе служитъ новымъ доводомъ въ пользу того, какъ рѣдко бываютъ правы застывшіе въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ мнительные люди, готовые возстать противъ всякой гуманной и прогрессивной мѣры подъ предлогомъ преждевременности ея и неприготовленности среды. Истекшее двадцатипятилѣтіе показываетъ, что едва ли ошибались тѣ, которые, вопреки совѣту мудрыхъ и искушенныхъ рутинеровъ, съ юношеской вѣрою въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа, съ благородною отвагою дерзнули усмотрѣть во вчерашнемъ нравственное обличье и человѣческое достоинство и признать его достойнымъ дарованныхъ ему правъ и реформъ. Кто же въ самомъ дѣлѣ оказался правъ? Тѣ ли, которые вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ утверждали, что русскій народъ такъ грубъ, неразвитъ и незрѣлъ [24]), что не можетъ обойтись безъ плетей и шпицрутеновъ, или же тѣ, которые высказывали убѣжденіе, что гуманныя реформы всегда благовременны [25]), такъ какъ трудно допустить, чтобы люди были когда либо приготовлены для дурнаго и незрѣлы для хорошаго?

---

24) У этихъ людей (противниковъ рѣшительныхъ реформъ), писалъ М. Н. Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. (см. Русс. Вѣст. 1860, № 2).

25) Вопреки воззрѣніямъ нынѣшнихъ (1891 г.) „друзей народа“, увѣряющихъ, что его нужно пороть во имя уваженія къ народному міровоззрѣнію, Я. И. Ростовцевъ разсуждалъ иначе: „Нѣкоторые говорятъ, писалъ онъ въ 1859 г., что русскій мужикъ *любитъ* розгу: точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать. Со емягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы“. См. н. с. Семенова I, 97.

Кто же былъ больше правъ,—тѣ ли, которые, обращая свой взоръ только къ прошлому и пренебрегая будущимъ, вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ увѣряли, что отмѣна тѣлеснаго наказанія даже для женщинъ [26]) несогласна съ самобытнымъ «историческимъ» развитіемъ русскаго законодательства и преждевременна, или тѣ, которые, не дѣлая себѣ кумира изъ историческаго наслѣдія, стремились къ обновленію жизни при помощи указаній общечеловѣческой культуры и гуманности, вѣря, что однимъ изъ могучихъ средствъ для поднятія культуры и смягченія нравовъ служитъ гуманное и передовое законодательство. Исторія оправдала этихъ смѣлыхъ и легкомысленныхъ доктринеровъ-теоретиковъ, добившихся, во имя разума и человѣчности, упраздненія историческаго наслѣдія съ его пытками и кнутами.

Объ этомъ историческомъ фактѣ нелишнее было, смѣю думать, вспомнить въ наше время не потому только, чтобы, слѣдуя девизу юриста, воздать *suum cuique*. но и ради насъ самихъ, ради нашего «пестраго» времени, когда такъ неожиданно воскресаютъ давно и, казалось, безвозвратно погребенные мертвецы, когда извѣстная «историческая» школа уголовнаго права настолько эманципировалась отъ доктрины, отъ завѣтовъ исторіи и гуманности, что не только съ невѣроятнымъ даже для нашего времени цинизмомъ и озвѣрѣніемъ смакуетъ «интересныя» подробности сажанія на колъ, урѣзанія языка, заливанія горла и т. п прелести добраго стараго времени, но и не прочь бы порекомендовать нашему законодательству оставить ложный стыдъ и взамѣнъ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько десятковъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнутовъ!

И, конечно, не эта «трезвая» школа безпринципнаго оппортюнизма, возводящая на степень вѣковѣчныхъ устоевъ человѣ-

[26]) Въ доказательство невозможности освободить женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія гр. Панинъ сослался на случай, когда крестьянка не допустила мужа къ половому сношенію.—„Ну какъ не посѣчь такую женщину“, изрекъ гр. Панинъ. (см. Матер. для ист. упрв. крѣп. пр. т. III, стр. 89). Дальнѣйшую аргументацію онъ считалъ излишнею. Для него неоходимость сѣченія женщинъ была такою же аксіомою какъ вышеизложенное ученіе (см. прим. 8) владимірской помѣщицы, по смыслу коего одни, люди бѣлой кости,— рождаются съ плетками въ рукахъ, а другіе черной кости,—съ веревками на шеѣ.

ческаго общежитія, и «примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ, невиновнымъ наравнѣ съ виновными», и тѣлеснаго наказанія и смертной казни *пятаго*, *десятаго»* и т. п., институты эпохи «богомерзкаго людодерства», по выраженію Крижанича,—конечно, не эта школа, занимающаяся «реабилитаціей» [27]) былыхъ «оригинальныхъ» институтовъ «групповаго» наказанія возстала бы противъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній во имя науки, во имя той «снаровистой» науки, которая привыкла «подъискивать обстановку для истины, уже отвержденной и оффиціально-признанной таковою» (см. выше прим. 3).—Но пусть бы эти безчеловѣчные институты оправдывались примитивными принципами «волчьей этики», такъ кратко и убѣдительно изложенной въ извѣстномъ діалогѣ:

. . . Да, помнится, что еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!
„Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году",
Ягненокъ говоритъ.—„Такъ это былъ твой братъ.
—„Нѣтъ братьевъ у меня"...—„Такъ это кумъ иль сватъ,
И, словомъ, *кто-нибудь изъ вашего же роду*,
Вы сами, ваши псы, и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобою за ихъ развѣдаюсь грѣхи".
—„Ахъ, я чѣмъ виноватъ?"—Молчи, усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать".
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягненка уволокъ...

Такъ нѣтъ же, нужно было отыскать «обстановку» для такого безнравственнаго института, какъ «наказаніе невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными», отъискать для него основанія и «даже весьма глубокія основанія»—въ наукѣ!

Невольно тутъ вспомнишь слова знаменитаго сатирика: «Я понимаю, писалъ М. Е. Салтыковъ въ 1884 г. въ послѣдней книгѣ *Отечественныхъ Записокъ*, что можетъ такой казусъ случиться, что не имѣя за душою ничего, кромѣ праха, поневолѣ прихо-

---

27) Этой богатой темѣ посвящены въ н. с. Сергѣевскаго, 31—46 стр.

дится имъ однимъ торговать; но вѣдь и съ прахомъ слѣдуетъ обходится бережно. Прахъ такъ прахъ; но пускай же онъ будетъ одинъ и тотъ же всегда и вездѣ, ибо только тогда онъ сдѣлается владыкой міра. Отрицайте разумъ, прогрессъ, правду, человѣческое право на счастье—прекрасно. Называйте все это опасною утопіею, источникомъ заблужденій и потрясеній—еще того лучше! Утверждайте, что завтрашняго дня нѣтъ, что перспективъ не полагается, а есть только то, что торчитъ подъ носомъ. Но держитесь этихъ отрицаній твердо и не призывайте ни разума, ни человѣчности, и пр., ни въ помощь, ни въ свидѣтельство. Совсѣмъ не произносите этихъ словъ, такъ какъ вы выходите изъ принципа, который признаетъ ихъ праздными. Не пишите въ смыслѣ порицанія: такое-то дѣйствіе противно разуму, ибо согласно вашей программѣ это и есть дѣйствіе, достойное похвалы» [28]).

Но, къ счастію для русскаго народа, «легкомысліе» чистыхъ сердцемъ, гуманныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ сдѣлало невозможнымъ осуществленіе идеаловъ «трезвыхъ» жрецовъ науки 80-хъ годовъ!...

Пройдутъ годы, улягутся страсти, подведутся итоги дѣятельности легкомысленныхъ либераловъ и «трезвыхъ» историковъ, и нетрудно угадать, кому скажетъ сердечное «спасибо русскій народъ» оторвавшимся ли отъ народа «либераламъ, освободившимъ его отъ розогъ, или тѣмъ торжествующимъ хранителямъ самобытныхъ историко-народныхъ традицій, которые «изъ уваженія» къ воззрѣніямъ народа защищаютъ розгу для народа!...

Закончимъ нашъ очеркъ словами нашего маститаго юриста Д. А. Ровинскаго: «Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго быта, а съ ними и замаскированная смертная казнь въ самомъ гнусномъ ея видѣ. И не забудетъ народъ этого кровнаго дѣла, и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя. Словно въ сказкѣ какой: *изъ битаго царства вдругъ небитое стало»* [29]).

---

[28]) Стр. 277—278 Отеч. Зап. 1884, № 4.

[29]) См. н. с. Ровинскаго V, 326.

III.

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное.

Просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія крестьянъ; нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности, для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него — они едва ли взойдутъ.

И. С. Аксаковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ двадцатипятилѣтію).

I.

Переломъ, явственно сказавшійся во второй половинѣ 50-хъ годовъ во всѣхъ отрасляхъ нашей государственной и общественной жизни, коснулся и роли въ ней общественнаго мнѣнія, а также главнаго его органа — печати. Уже съ первыхъ лѣтъ минувшаго царствованія положеніе печати обратило на себя вниманіе правительства. Четыре министра народнаго просвѣщенія, слѣдовавшіе другъ за другомъ въ теченіе краткаго періода шести лѣтъ (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головнинъ), помимо измѣненія цензурной практики, ставили на очередь вопросъ о пересмотрѣ нашего законодательства о печати, при чемъ, согласно Высочайшему повелѣнію, взято было за основаніе, что «*разумная бдительность* со стороны цензуры необходима» [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій внесъ 8-го мая 1859 г. въ государственный совѣтъ проектъ устава о цензурѣ, который представлялъ собою компиляцію разнородныхъ постановленій, изъ коихъ одни относились къ концу 40-хъ годовъ, ко времени наибольшаго стѣсненія свободы пе-

---

1) См. стр. 59-ю Представленія Ковалевскаго въ государственный совѣтъ 1859 г., № 1,068, и стр. 1-ю Представленія Валуева 1864 года, № 183.

чати, а другія ко времени сравнительно болѣе мягкому—къ концу 59 гг., когда фактически признано было за печатью право обсужденія государственныхъ вопросовъ и критики законовъ.

Противъ проекта возсталъ со всею силою своего служебнаго и юридическаго авторитета гр. Д. Н. Блудовъ. Онъ порицалъ проектъ прежде всего за повтореніе «тѣхъ стѣсненій для умственнаго развитія страны», которыя были изданы съ 1848 г., и предлагалъ вернуться къ уставу 1828 г., который «не препятствовалъ постепенному развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія, независимаго отъ личныхъ видовъ, и только удерживалъ ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ».

«Извѣстно, и опытъ послѣднихъ лѣтъ снова доказалъ сію истину,—писалъ гр. Блудовъ,—что излишне, а слѣдственно и неосторожно стѣсненная мысль ищетъ и *всегда почти находитъ средства* проявляться и распространяться, или чрезъ рукописныя или чрезъ тайно-печатаемыя здѣсь или внѣ государства статьи и разсужденія, уже не подлежащія никакому надзору и контролю и не влекущія за собой никакой отвѣтственности».

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ проекта Ковалевскаго, гр. Блудовъ указывалъ на то, что недостатками проекта могутъ «воспользоваться недоброжелательные дѣятели заграничной журналистики и выставить намѣреніе правительства въ превратномъ видѣ». Въ заключеніе гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что изданіе полнаго Устава несвоевременно и предпочтительно возстановленіе и дополненіе Устава 1828 года.

Государственный совѣтъ по департаменту законовъ одобрилъ мнѣніе гр. Блудова, и затѣмъ проектъ Ковалевскаго былъ возвращенъ въ министерство народнаго просвѣщенія [2]).

Со вступленіемъ въ министерство въ концѣ декабря 1861 г., послѣ кратковременнаго управленія адмирала Путятина, А. В. Головнина—возобновились съ новою энергіею работы по реформѣ законодательства о печати. Но предварительно Головнинъ старался нѣсколько упорядочить цензурную практику, на которую всѣ жаловались. Правительство недовольно было снисходительностью цензоровъ. Цензоры въ свою очередь жаловались, что

---

[2]) Стр. 85 журн. госуд. совѣта 15-го іюня 1859 г.

они теряются въ противорѣчивыхъ указаніяхъ, исходящихъ отъ разныхъ министерствъ. Журналистика сѣтовала на произволъ и медленность цензоровъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Головнинъ распорядился о составленіи Свода Постановленій по цензурѣ. «Имѣя въ виду, что если необходимо усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой доставлять литературѣ, какъ средству для просвѣщенія народнаго, всевозможныя льготы и облегченія», Головнинъ исходатайствовалъ упраздненіе спеціальныхъ цензуръ, дозволеніе всѣмъ газетамъ печатать объявленія, облегченіе въ полученіи изъ-за границы книгъ и газетъ, облегченіе пересылки газетъ и пр. «Исполненіе этого плана, — пишетъ Головнинъ, — начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ, и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, *старались служить ему опорою*. Къ несчастью, въ то самое время, когда печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной *зрѣлости* своей,—пишетъ Головнинъ,—для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширять ея права» (появленіе прокламацій, революціонная пропаганда). Въ виду этого изданы были разсмотрѣнныя въ совѣтѣ министровъ временныя правила 14-го мая 1862 г., имѣвшія цѣлью точнѣе опредѣлить предметы государственнаго управленія, которые *разрѣшалось* обсуждать печатью, и указаніе налагаемыхъ взысканій (пріостановленіе изданія на 8 мѣсяцевъ) и пр.

Рядомъ съ улучшеніемъ цензурной практики шли подготовительныя работы по реформѣ законодательства о печати: собраны были матеріалы по исторіи законодательствъ о печати у насъ и за границей, дозволено было въ печати обсужденіе лучшаго устройства цензуры и разрѣшено литераторамъ высказать свои соображенія по этому предмету [3]. Въ мартѣ 1862 г. учреждена была подъ предсѣдательствомъ кн. Д. Оболенскаго коммис-

---

[3]) Весьма любопытный отзывъ М. Е. Салтыкова приведенъ въ статьѣ г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1889 г., № 10.

сія для «составленія проекта Устава о книгопечатаніи»; проектъ былъ приготовленъ къ началу 1863 г. Внося проектъ въ совѣтъ министровъ, В. А. Головнинъ счелъ необходимымъ разрѣшить предварительно важный вопросъ—слѣдуетъ ли оставить цензуру въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія или передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Самъ Головнинъ высказалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія: «Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ (?) быть ея строгимъ судьею (какъ извѣстно, исторія цензуры не подтверждаетъ этого взгляда). Сверхъ того министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, и для этого необходима свобода анализа; посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно *отодвигать границы*, поставленныя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности; положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнить *важность нарушенія*; роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе» [1]). Такимъ образомъ сущность предположенной реформы сводилась къ передачѣ печати въ вѣдѣніе болѣе «строгаго» начальства.

Согласно мнѣнію Головнина послѣдовало 10-го января 1863 г. Высочайшее повелѣніе о передачѣ цензуры въ министерство

---

[1]) Стр. 47 Отзыва Головнина, отъ 7-го декабря 1863 г., № 11,510.

внутреннихъ дѣлъ [5]), куда переданъ былъ и проектъ коммиссіи кн. Оболенскаго.

II.

Съ начала 1863 г. руководство реформою законодательства о печати переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. 14-го января онъ образовалъ подъ предсѣдательствомъ того же кн. Д. Оболенскаго вторую коммиссію, въ составъ которой вошли гг. Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Ѳеоктистовъ и Фуксъ. Къ концу мая былъ составленъ обширный проектъ Устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско-административную, такъ и судебно-карательную. Уставъ этотъ, основанный на реакціонномъ французскомъ законодательствѣ временъ Второй имперіи, легъ въ основу дѣйствующаго закона 6-го апрѣля о печати. Самое главное изъ предложенныхъ проектомъ нововведеній это освобожденіе нѣкоторой части литературы (книги объемомъ до 20-ти листовъ, издаваемыя въ столицахъ [6]) и періодическія изданія, съ особаго разрѣшенія министра) отъ предварительной цензуры. Для повременныхъ изданій устанавливался залогъ для «покрытія пени», и они подвергались, сверхъ наказанія по суду, административнымъ взысканіямъ за «вредное направленіе» въ видѣ предостереженій отъ

[5]) Пр. Фойницкій (Сборникъ Государ. Знаній, т. II) видитъ въ такой передачѣ шагъ впередъ въ исторіи нашего законодательства о печати, свидѣтельствующій, что печать вышла изъ періода „опеки" и вступила въ періодъ „полицейскаго" управленія, которое авторъ приравниваетъ къ положенію „временно-обязанныхъ" крестьянъ. Настоящее освобожденіе наступитъ, по мнѣнію автора, съ переходомъ дѣлъ о печати въ область „права", т. е. въ вѣдѣніе суда.—М. Е. Салтыковъ довольно скептически относился къ указанному „прогрессивному шагу" и высказывалъ опасенія, что „полиція, привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, неслышно для самой себя перенесетъ это воззрѣніе и на литературу" (стр. 585 Н. С.).

[6]) Первоначально предполагалось это временное ограниченіе допустить лишь до введенія судебной реформы (прим. къ § 1), но впослѣдствіи оно сдѣлалось общимъ правиломъ, такъ что и по открытіи новыхъ судовъ на провинцію не была распространена эта льгота.

министра. Послѣ третьяго предостереженія изданіе прекращалось (§ 105 проекта) *). Что же касается книгъ, то онѣ могли подвергаться только судебному взысканію и для точнаго опредѣленія его проектъ въ раздѣлахъ III и IV даетъ длинный перечень преступленій и проступковъ печати (§§ 93—143) и весьма подробныя правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати (198 параграфовъ), при чемъ важнѣйшія дѣла предлагаетъ отдать въ Петербургѣ и Москвѣ на *судъ присяжныхъ*, избираемыхъ изъ гласныхъ мѣстной думы (§ 1 и 4).

Въ іюнѣ 1863 г. проектъ Устава о книгопечатаніи, нѣсколько измѣненный министромъ П. А. Валуевымъ, былъ разосланъ, до внесенія въ государственный совѣтъ, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. Изъ поступившихъ отзывовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія В. А. Головнина и барона М. А. Корфа. Головнинъ, привѣтствуя сочувственно освобожденіе части печати отъ цензуры и подчиненіе ея (печати) судебному режиму, высказывается рѣшительно противъ «административныхъ взысканій». «Система эта, —пишетъ Головнинъ,— получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, *не въ состояніи* развить въ литературѣ этихъ качествъ; опытъ убѣждаетъ, что

*) Такъ какъ въ настоящее время между предостереженіями иногда проходятъ года и десятилѣтія (недавно былъ случай, дачи втораго предостереженія спустя 13 слишкомъ лѣтъ послѣ перваго предостереженія) небезъинтересно ознакомиться съ текстомъ ст. 105 проекта, которая гласитъ такъ: „Повременное изданіе, въ теченіе *одного* года подвергшееся *двумъ* предостереженіемъ, по *третьему* считается прекращеннымъ. если это предостереженіе состоится въ теченіи того-же самаго года или послѣдующихъ 3 мѣсяцевъ (см. стр. 21 Проекта уст. о книгопеч., составленный въ 1863 г. при мин. внутр. дѣлъ).

подобно предварительной цензурѣ она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Цензура не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, административная кара постигаетъ статью, когда она уже проникла въ публику; взысканія не ослабляютъ произведеннаго ею впечатлѣнія, напротивъ: вниманіе публики еще привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣетъ никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней» [7]).

Затѣмъ Головнинъ считалъ несправедливымъ лишеніе, послѣ третьяго предостереженія, путемъ административнымъ, права собственности на изданіе, не рѣдко представляющее значительную имущественную цѣнность.

«Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ, — писалъ въ заключеніе министръ народнаго просвѣщенія, — я вообще нахожу предварительную цензуру *несостоятельною* для достиженія цѣлей правительства, и потому полагаю всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду; но такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я допускаю переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ».

Самый обстоятельный разборъ проекта мы находимъ въ обширной запискѣ главноуправлявшаго II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи барона М. Н. Корфа, занимающей 64 печатныхъ страницы *in folio*. Баронъ Корфъ ставитъ въ вину коммиссіи кн. Оболенскаго, что она не обратила должнаго вниманія на необходимость *кореннаго* измѣненія законодательства въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ карательной. Указавъ на то, какъ наканунѣ еще крестьянской реформы люди мнительные признавали ее преждевременною, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что въ сходномъ положеніи находится и вопросъ о цензурѣ, съ тою разницею, впрочемъ, что вредъ цензуры не для всѣхъ такъ очевиденъ, какъ вредъ крѣпостнаго права.

---

7) Стр. 48–49 Отзыва Головнина.

«Какъ въ крѣпостномъ правѣ, — пишетъ баронъ Корфъ, — по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство *безотчетнаго страха*; такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ» [8]).

Переходя затѣмъ къ вопросу о вредѣ цензуры, бар. Корфъ оговаривается, что онъ затрудняется изложить вполнѣ свои соображенія въ оффиціальной бумагѣ и старается быть сколь возможно краткимъ и менѣе отвлеченнымъ. Главный вредъ цензуры онъ видитъ не въ произволѣ, который болѣе или менѣе встрѣчается во всякой административной и политической дѣятельности, а въ *основной идеѣ* цензуры. «На первый взглядъ по идеѣ своей цензура,—говоритъ баронъ Корфъ,—могла бы показаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому, указывать *лучшую* и правильнѣйшую *дорогу* умственному развитію общества, устранять изъ области все ложное и вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, *если бы* существовало такое неизмѣнное, безошибочное мѣрило для распознанія, что̀ истинно и что̀ ложно, что̀ въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что̀ обратиться во вредъ; *если бы* нашелся ареопагъ, который обнималъ бы прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна идти наука, и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; *если бы* при этомъ контролируемая правительствомъ печать была единственнымъ средствомъ распространенія мнѣній и ученій между людьми: установленіе цензуры *было бы* идеаломъ, лучше котораго нечего бы и желать» [9]). Ссылаясь на вѣковой опытъ, баронъ считаетъ, однако, доказаннымъ, что цензура не въ состояніи была выполнить эту миссію, *превосходящую силы человѣческія:* многія, если не всѣ, истины, которыми постепенно обогащалось человѣчество, пер-

[8]) Стр. 59. Отзыва бар. Корфа.

[9]) Ibidem, стр. 60. Группировка доказательствъ сильно напоминаетъ аргументацію Дж. Ст. Милля въ его „Свободѣ“.

воначально встрѣчались *съ недовѣріемъ*, должны были выдерживать *борьбу* и только среди ея выяснялись, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались, а съ другой стороны ложныя и опасныя доктрины распространялись, несмотря на всѣ запрещенія. Только карательная система, предоставляющая печати свободу и карающая только за посягательства на главныя начала общественнаго порядка, чужда указанныхъ недостатковъ».

Обращаясь къ Россіи, бар. Корфъ замѣчаетъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати почти полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что *только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ*, и само высшее правительство, передавшее на литературное обсужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою. «На опытѣ правительство убѣдилось, что только *въ свободѣ* печати находится *противоядіе* противъ злоупотребленія печатью. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой доли неправды на-ряду съ истиною одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы, и чрезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ воспитанія народа».

Исходя изъ такого воззрѣнія, бар. Корфъ, однако, полагалъ, что въ Россіи, въ виду отсутствія правильныхъ судовъ (новые суды еще не были открыты) и привычки къ свободному слову, невозможно было полное осуществленіе карательной системы. «Въ жизни общественной и частной,—говоритъ онъ,—ближайшею цѣлью не всегда бываетъ тотчасъ безусловно хорошее, часто приходится искать сперва не лучшаго, а *наименѣе худшаго*». Въ этомъ смыслѣ онъ склоняется на сторону смѣшанной системы и переходныхъ мѣръ, но осуждаетъ проектъ Валуева, видя въ немъ не проникновеніе духомъ карательной системы, а лишь подновленіе дѣйствующаго цензурнаго устава и даже введеніе для періодической прессы и литературы, не изъятой отъ предварительной цензуры (книги объемомъ менѣе 20-и листовъ), новыхъ строгостей и ограниченій [10]).

---

10) Ibid., стр. 75.

Въ частности относительно «предостереженій» баронъ Корфъ пишетъ: «Административныя взысканія—это *новая язва*, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ *всѣ благомыслящіе люди*... Система административныхъ взысканій *еще болѣе заражена* произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительныя цензура, ибо наказываетъ за вину, *непредвидѣнную* никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться, но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ *не утѣсненія, а расширенія свободы слова*»... [11]). «Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись во Франціи,—пишетъ баронъ,—состоитъ въ томъ, что одному лицу дается власть, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному *минутному настроенію духа*, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ можетъ быть жилъ, и что еще важнѣе—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Въ возраженіяхъ своихъ П. А. Валуевъ оставилъ это мѣсто безъ отвѣта, но впослѣдствіи, въ засѣданіи государственнаго совѣта 10—23-го января 1865 г., онъ объяснилъ, что «допущеніе административныхъ взысканій необходимо по свойству журнальной литературы, которая всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе оттѣнки политическаго характера и потому вызываетъ нѣкоторые мѣры ограниченія для того, чтобы сдерживать направленія періодическихъ изданій въ законныхъ предѣлахъ» [12]).

Баронъ Корфъ возражалъ также противъ установленія, 20-ли-

---

11) Ibid. 68.

12) Журн. деп. зак. госуд. совѣта, 1865, № 4. Вообще большинство сдѣланныхъ противъ проекта замѣчаній Валуевъ оставилъ безъ вниманія и обыкновенно ограничивался стереотипною фразою: „остаюсь при моемъ мнѣніи“ и не выходилъ, по словамъ Никитенко, изъ тѣсной рамки бюрократизма (см. Дневникъ его въ Русской Старинѣ 1891 года, № 6, стр. 619).

стовой нормы для освобожденія отъ предварительной цензуры. Во Франціи и Германіи, откуда заимствована эта норма, литературная дѣятельность сосредоточивалась въ сочиненіяхъ значительнаго объема. У насъ же, гдѣ объемистыя, капитальныя сочиненія составляютъ рѣдкость, подъ такую норму подошла бы развѣ $^1/_7$ всѣхъ сочиненій. Бар. Корфъ предлагалъ понизить норму до 10 листовъ и разсчитывалъ, что этою льготою воспользуются не болѣе $^1/_3$ всѣхъ сочиненій. П. А. Валуевъ находилъ такое пониженіе опаснымъ, ссылаясь на то, что книги, объемомъ въ 10 листовъ, касаются «самыхъ щекотливыхъ вопросовъ государственныхъ и общественныхъ» и по преимуществу (?) являются «популярными сочиненіями съ матеріалистическими, соціалистическими и т. п. тенденціями».

Весьма энергично возражалъ бар. Корфъ и противъ установленія «залоговъ» для періодической прессы. Оправданіе коммиссіею кн. Оболенскаго залоговъ, какъ источника для «пополненія пеней», оппонентъ находилъ недостаточнымъ: уголовный законъ ни отъ кого никогда не требуетъ обезпеченія *на случай* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенія преступленія. Истинный мотивъ для залоговъ бар. Корфъ видѣлъ въ желаніи сосредоточить періодическую печать въ рукахъ людей болѣе зажиточныхъ и удержать прессу отъ слишкомъ сильнаго развитія. Но первое условіе нисколько не служитъ гарантіею для увеличенія въ журналистикѣ здравомыслія и другихъ желаемыхъ качествъ. Что касается сокращенія журналистики, то оно искусственно создаетъ *монополію* для немногихъ изданій, которыя получаютъ власть и возможность господствовать надъ умами. При отсутствіи же искусственнаго стѣсненія, журналы хотя и умножаются, но исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе: народъ начинаетъ относиться къ печатному слову, какъ къ «обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурнаго и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ». «Стремиться къ водворенію такого порядка вещей, — пишетъ бар. Корфъ, — намъ въ настоящее время въ особенности необходимо: мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованности и *полузнакомства* съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но чрезъ кото-

рый, для блага государства, желательно пройти какъ можно скорѣе».

III.

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ государственнаго совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Бахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятнина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ [13]). Онъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Въ частности Норовъ возсталъ противъ расширенія власти министра внутреннихъ дѣлъ и лишенія главнаго управленія по дѣламъ печати всякой самостоятельности и низведенія его на степень министерской канцеляріи. Ссылаясь на собственный опытъ по министерству народнаго просвѣщенія, Норовъ утверждалъ, что «громадная отвѣтственность за проявленія мысли въ государствѣ едва ли не *свыше* силъ одного человѣка». Для сохраненія престижа министерской власти Норовъ проектировалъ переносить въ комитетъ министровъ разногласія между нимъ и главнымъ управленіемъ. Но мнѣніе это не было принято, и проектъ Валуева прошелъ въ департаментѣ почти цѣликомъ [14]). Измѣненія были сдѣланы только въ частно-

[13]) Записку для Норова редактировалъ академикъ А. В. Никитенко (см. Дневникъ его Русс. Стар. 1891, № 6, стр. 619).

[14]) Когда похвалилъ, пишетъ подъ 23-мъ января 1865 г. въ своемъ Дневникѣ Никитенко, записку М. А. Корфа М. Н. Любощинскому (впослѣдствіи членъ Государств. совѣта † 1891), Маркъ мнѣ сказалъ: „Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить". Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ оступается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: „Да изъ-за чего, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки".—Подъ 28-мъ января у Никитенко находимъ такую за-

стяхъ: такъ, отъ представленія залога освобождены были періодическія изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры; третье предостереженіе, влекшее за собою прекращеніе изданія, могло быть сдѣлано только съ разрѣшенія I-го департамента сената.

Что касается суда по дѣламъ печати, то тутъ произошла значительная перемѣна къ худшему, противъ первоначальныхъ предположеній. Какъ извѣстно, въ 1862 г. существовало предположеніе подчинить суду спеціальныхъ присяжныхъ, избираемыхъ особымъ комитетомъ [15]), государственныя преступленія. Такому же суду предположено было передать и важнѣйшія дѣла печати. Но мысль эта не получила осуществленія, и присяжные засѣдатели были замѣнены по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ сословными представителями. Что касается до другихъ дѣлъ по дѣламъ печати, то Валуевъ проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ (обладаніе имущественнымъ цензомъ, требуемымъ для избранія въ мировые судьи) [16]).

Предложеніе Валуева было поддержано II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи въ лицѣ трехъ его главноуправляющихъ— бар. М. А. Корфа, гр. В. Н. Панина и кн. С. А. Урусова. Послѣдній въ своемъ обстоятельномъ отзывѣ 1865 г., между прочимъ, приводитъ слѣдующія соображенія въ пользу необходимости допущенія присяжныхъ. «Благотворное дѣйствіе судебныхъ приговоровъ на настроеніе общества невозможно, — пишетъ онъ,—если судъ не будетъ пользоваться *полнымъ довѣ-*

пись: Совѣтъ (государств.) сначала стремился ограничить неограниченную власть мин. внутр. дѣлъ и исправить многіе недостатки проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ мнѣній, написанныхъ такъ умно. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ, однако это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—„Неужели, спросилъ я у статсъ-секретаря С. И. Зарудная, у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?"—„А то какъ-же иначе; разумѣется такъ", отвѣчалъ онъ... Выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ". (Русск.Стар. 1891, № 6, стр. 623—625).

15) Подробныя соображенія Государственной Канцеляріи по этому предмету приведены въ главѣ XIII моихъ „Основъ Судебной Реформы".

16) § 181 проекта Валуева.

ріемъ и нравственною поддержкою со стороны самого общества, а для этого прежде всего нужно, чтобы его рѣшенія вытекали изъ началъ, убѣжденій и взглядовъ, обществу вполнѣ сродныхъ. Коронные судьи по самому положенію своему не могутъ не быть нѣсколько оторваны отъ окружающей жизни и приговоры ихъ по дѣламъ печати часто бывали бы плодомъ отвлеченныхъ умозаключеній. Въ дѣлахъ прессы эта односторонность можетъ вести къ большимъ неудобствамъ, ибо свобода слова менѣе чѣмъ что-либо должна измѣряться какимъ-либо безусловнымъ, общимъ для всѣхъ странъ масштабомъ» [17]).

Несмотря на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева, главнымъ образомъ, въ виду нежеланія *колебать* (что однако не помѣшало (см. ниже) изданію, полгода спустя послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, измѣненію ихъ закономъ 17-го декабря 1866 г. въ смыслѣ стѣснительномъ для печати) только что утвержденные Судебные Уставы 1864 г.

Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія государственнаго совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ. Въ точности прослѣдить судьбу проекта въ общемъ собраніи по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи оффиціальнымъ даннымъ нельзя. Сколько можно судить по матеріаламъ для журнала засѣданія (форменнаго журнала, кажется, не было составлено), проектъ, во всей цѣлости, не нашелъ сочувствія въ общемъ собраніи. По инициативѣ Н. А. Милютина, поддержанной военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, государственный совѣтъ предложилъ департаменту законовъ ограничиться вмѣсто общаго цензурнаго устава отдѣльными дополнительными мѣропріятіями впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

Проектъ, — высказалъ Д. А. Милютинъ, — если смотрѣть на него, какъ на законченное законоположеніе, не удовлетворитъ требованій, заявляемыхъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ создастъ *новыя затрудненія*. Если же видѣть въ немъ лишь переходную мѣру, то «можно смотрѣть снисходительно на *многія* (курсивъ

---

[17]) См. отзывъ II-го отдѣл., стр. 19.

въ подлинникѣ) слабыя стороны проекта». Съ такой новой точки зрѣнія вторично былъ разсмотрѣнъ проектъ 10-го и 13-го марта 1865 г. въ департаментѣ законовъ. Признавая всѣ преимущества карательной системы, департаментъ законовъ, въ виду неустройства еще судебной части [18]), единогласно одобрилъ, въ видѣ *переходной мѣры*, смѣшанную систему, съ чѣмъ согласился и Норовъ, мотивируя свое согласіе тѣмъ, что «правительство не произноситъ еще теперь послѣдняго слова и рѣчь идетъ только о мѣрахъ переходныхъ».

Затѣмъ по существу департаментъ законовъ принялъ мнѣніе бар. Корфа о пониженіи нормы свободныхъ отъ цензуры книгъ до 10 листовъ, при чемъ главному управленію предоставилъ, одновременно съ заарестованіемъ книги, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія.

По вопросу объ организаціи главнаго управленія восемь членовъ (Литке, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскій, Д. Милютинъ, Ахматовъ, Бутковъ, Н. Милютинъ) стояли за предоставленіе главному управленію *самостоятельности* и за переносъ, въ случаѣ несогласія министра, дѣла въ комитетъ министровъ, а пять членовъ (бар. Корфъ [19]), кн. Долгоруковъ, Валуевъ, Головнинъ, Замятнинъ) за предоставленіе управленію лишь совѣщательнаго голоса [20]).

---

18) Въ певоначальномъ проектѣ Высочайшее повелѣніе начиналось такъ: „Признавая за благо дать печатному слову всю степень свободы, совмѣстимую съ настоящимъ положеніемъ судебной части“, и пр.

19) Ранѣе въ отзывѣ своемъ отъ 19-го декабря 1863 года бар. Корфъ рѣшительно высказывался за отвергнутое имъ теперь мнѣніе. (См. стр. 83—85 его отзыва).

20) Большинство отдѣльныхъ замѣчаній членовъ общаго собранія государственнаго совѣта клонилось къ усиленію цензурной репрессіи.

I. *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.* полагалъ увеличить до 7 дней срокъ просмотра цензурою книгъ до 20 печатныхъ листовъ. Указывая на то, что не смотря на заарестованіе нумера журнала (?) *Вѣсть*, въ коемъ былъ напечатанъ извѣстный адресъ московскаго дворянства о представительствѣ, оставшіеся въ публикѣ экземпляры должны были произвесть извѣстное дѣйствіе, принцъ полагалъ, что такимъ же образомъ могутъ быть изданы не только замаскированные переводы нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій Бюхнера, Молешота, Бунзена и др., но и зажигательнѣйшія изъ ученій Герцена.—Онъ возражалъ также про-

Что касается формы законоположенія, то рѣшено было всѣ перемѣны, имѣющія предметомъ поощрительныя для нашей литературы льготы, изложить въ формѣ именнаго Высочайшаго указа, непосредственно отъ престола исходящаго, а подробности мѣръ и ограниченій изложить въ видѣ мнѣнія государственнаго совѣта.

Въ исполненіе этого плана 6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало

тивъ дозволенія частнымъ лицамъ имѣть ручные станки, ссылаясь на то *Земля и Воля* и *Юная Россія* печатались на такихъ станкахъ.—Онъ же возражалъ противъ освобожденія отъ залоговъ ученыхъ журналовъ. Е. В., обращая вниманіе на то, что ученые, особенно натуралисты и медики, суть весьма часто матеріалисты, полагалъ примѣнять къ нимъ болѣе строгія взысканія. Онъ же полагалъ предоставить, какъ во Франціи, дѣлать предостереженія префектамъ—губернаторамъ, дабы наказаніе слѣдовало тотчасъ за преступленіемъ, и вообще находилъ неправильнымъ смягченіе наказаній, допущенное проектомъ сравнительно съ Улож. о нак. (См. стр. 1—4 Замѣчаній).

II. Кн. *П. П. Гагаринъ* высказался, вмѣстѣ съ гр. Панинымъ за то, чтобы предостереженія дѣлались отъ совѣта главнаго управленія, полагая, что тогда они будутъ имѣть болѣе нравственнаго авторитета, а также за предоставленіе *самостоятельности* совѣту, полагая, что отвѣтственность его будетъ болѣе реальною, чѣмъ отвѣтственность министра внутр. дѣлъ и что промахи будутъ рѣже, такъ какъ министръ, какъ бы геніаленъ ни былъ, не можетъ избѣгнуть ихъ.

III. Ген.-адъют. *Сухозанетъ* указывалъ на то, что лицамъ, содержащимся въ крѣпости за политическія преступленія дозволялось въ недавнее время заниматься литературою (Н. Р. Чернышевскій), полагалъ не распространять на нихъ право издавать книги безъ предварительной цензуры.

IV. Ген.-адъют. *Игнатьевъ* полагалъ требовать залоги и отъ подцензурныхъ повременныхъ изданій. Никому нѣтъ пользы писалъ онъ, чтобы органы общественнаго мнѣнія выходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Чѣмъ выше, независимѣе индивидуальное положеніе, тѣмъ безпристрастнѣе сужденіе, тѣтъ болѣе сближаются частные интересы съ общественою пользою (стр. 14 Замѣчаній).

V. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предлагалъ внести особую статью о воспрещеніи критическаго разсмотрѣнія законовъ, которыми управляется православная церковь (стр. 21).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній сдѣлалъ бывшій мин. нар. просв. Е. Ковалевскій. — Самыя полныя и разумныя замѣчанія были сдѣланы военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ (стр. 21 — 28). Часть этихъ замѣчаній приводится въ текстѣ.

Высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: «Желая дать отечественной печати возможныя *облегченія и удобства*. Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ *переходномъ* положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія» [21]).

Такимъ образомъ по мысли законодателя законъ 6-го апрѣля составлялъ только *первый* шагъ по пути освобожденія печати и какъ таковой имѣетъ видное значеніе въ исторіи нашего законодательства о печати, хотя самъ по себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 года и австрійскаго 1852 г. [22]). Г. Головачевъ, прекрасно выяснившій многочисленныя слабыя стороны его [23]), тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ воскликнуть: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что еще Сводомъ Законовъ изданія 1857 г. воспрещалось вообще всякое «разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи», то законъ 6-го апрѣля, разрѣшившій обсужденіе какъ «отдѣльнаго, такъ и цѣлаго законодательства и опубликованныхъ распоряженій правительства», знаменуетъ собой нѣкоторый шагъ впередъ.

---

[21]) Въ 1864 г. былъ внесенъ также въ государственный совѣтъ проектъ о штемпельномъ сборѣ съ повременныхъ изданій, но проектъ былъ отвергнутъ. Изъ приложенныхъ статистическихъ данныхъ видно, что въ 1863 г. въ Россіи выходило 301 періодическое изданіе. Въ этомъ числѣ частнымъ лицамъ принадлежало 124, изъ коихъ 70 политическаго содержанія. Размѣръ предположеннаго сбора опредѣлялся въ 70,000 руб., причемъ больше всего должны были платить: *Сынъ Отечества и Русскія Вѣдомости*—по 11000 руб. въ годъ (съ 20000 подписчиковъ по 55 коп. съ экз.), *Московскія Вѣдомости* 7200 р. (съ 12000 подп. по 60 к. съ год. экз.), *Сѣверная Пчела*—3000 руб. (съ 5000 под.), *Голосъ* (годъ основанія)—1200 руб. (съ 2000 подп.), *С.-Петербургскія Вѣдомости*—4000 руб. (съ 8000 подп.), *День*—1440 руб. (съ 8000 подп.), *Искра* — 1260 руб. (съ 7000 подп.), *Отечественныя Записки*—2000 р. (съ 4000) *Русскій Вѣстникъ*—2850 р. (съ 5700 подп.), *Современникъ*—3540 р. (съ 7000 подп.), *Русское Слово*—2500 руб. (съ 4000 подп.) и т. д. (стр. 25—27 Проекта).

[22]) См. Сбор. госуд. знаній, т. II, 433.

[23]) А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 257—276.

IV.

Но отъ теоретическаго прогресса до практическаго осуществленія его на дѣлѣ еще очень далеко. Законъ, проходя чрезъ руки исполнителей, подвергается уклоненію въ ту или другую сторону, подвергается преломленію, подъ воздѣйствіемъ среды, подобно преломленію луча свѣта, проходящаго чрезъ призму. Суровое законодательство Николаевской эпохи подъ мягкимъ управленіемъ В. А. Головнина дало русской печати такую свободу, какою она ни раньше, ни позже не пользовалась и которая, по справедливому замѣчанію бар. Корфа, была «близка къ полной свободѣ» [24]). Тутъ мы видимъ благопріятное для печати уклоненіе практики отъ первоначальнаго законодательнаго намѣренія, клонившагося къ возможно большему стѣсненію печати.

Слишкомъ хорошо извѣстно, при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать и въ какую сторону уклониться «льготному» законодательству 6-го апрѣля, вызванному къ жизни стремленіемъ предоставить отечественной печати возможныя облегченія или, какъ гласитъ первоначальный проектъ указа, «всю степень свободы, совмѣстимую съ тогдашнимъ (1865 г.) положеніемъ судебной части»... [25]).

Что касается законодательной практики, то и она также уклонилась въ сторону отъ первоначальнаго направленія, легшаго въ основу закона 6-го апрѣля. Этотъ «временной» законъ, изданный сначала въ видѣ «переходной мѣры», просуществовалъ гораздо дольше, чѣмъ другіе коренные законы. А съ другой стороны перемѣны, послѣдовавшія въ этомъ законѣ, какъ свидѣтельствуетъ законодательная хроника, имѣли не освободительный, а стѣснительный или репрессивный характеръ, знаменовавшій перемѣну взглядовъ на роль и положеніе печати въ обществѣ.

17-го октября 1886 г. послѣдовалъ, послѣ разсылки редакціею пріостановленнаго на пять мѣсяцевъ *Русскаго Слова* сбор-

---

[24]) См. отзывъ его, стр. 83.

[25]) См. проектъ по дѣламъ печати въ дѣлѣ госуд. совѣта, по департаменту законовъ, стр. 1.

ника *Лучъ*, законъ, воспретившій разсылать подписчикамъ, въ періодъ пріостановки, какое-либо изданіе отъ имени редакціи.

Послѣ перваго журнальнаго процесса *Современника* на новомъ судѣ былъ изданъ 12-го декабря 1866 г. законъ, передавшій дѣло печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства.

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ.

Закономъ 12-го іюля 1873 года предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно, безъ опредѣленія однако срока (вслѣдствіе этого есть воспрещенія, длящіяся до 10—15 лѣтъ), оглашеніе и обсужденіе въ печати какого либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Временными правилами 5-го апрѣля 1879 г. предоставлено было генералъ-губернаторамъ право пріостанавливать или прекращать, за вредное направленіе, изданія журналовъ и газетъ, а положеніемъ 14-го августа 1881 г. предоставлено право пріостанавливать ихъ изданіе главноначальствующему въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны.

Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882 г. положеніемъ комитета министровъ временно узаконены слѣдующія новыя репрессивныя мѣры: газеты, возобновившія изданія послѣ третьяго предостереженія, представляются въ цензуру въ 11 час. наканунѣ выхода нумера, причемъ цензору предоставляется въ случаяхъ усматриваемаго имъ значительнаго вреда (этого режима не могла выдержать до сихъ поръ ни одна газета) пріостанавливать выходъ въ свѣтъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Повременныя изданія обязываются сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, имена авторовъ анонимныхъ статей. Совершенное прекращеніе изданія повременныхъ изданій, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ принимать эти званія впослѣдствіи, предоставлено особому совѣщанію, въ составъ

котораго входятъ: министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и беръ-прокуроръ святѣйшаго синода.

Этотъ краткій перечень достаточно говоритъ о направленіи, усвоенномъ нашимъ законодательствомъ относительно печати.

Едва ли не въ такомъ неблагопріятномъ для свободы печати направленіи одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго дѣйствія реформъ 60-хъ годовъ. Безъ свободы слова новыя свободныя учрежденія неизбѣжно обречены были на захирѣніе [26].

---

[26]) См. Собраніе Сочиненій И. С. Аксакова, IV, 407.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 4-му сентября 1865—1890 гг.).

Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобъ все, что составляетъ жизнь души человѣческой, жило безъ всякаго утѣсненія.

Жуковскій.

I.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ имѣло мѣсто довольно крупное, въ исторіи нашей общественной жизни, событіе *4-го сентября 1865 г.*, впервые за все время существованія русской печати, вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г., произведенія печатнаго слова *безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія*.

Освобожденію печати отъ предварительной цензуры предшествовало устройство того учрежденія, въ которомъ отнынѣ должно было сосредоточиться общее руководство, надзоръ и карательная дѣятельность относительно произведеній словесности,—Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Оно было открыто 1-го сентября министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, выработавшей проектъ закона 6-го апрѣля, кн. Д. А. Оболенскаго. Въ составъ главнаго управленія вошли: въ качествѣ предсѣдателя, начальникъ его, быв-

шій предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, сенаторъ М. П. Щербининъ, на правахъ членовъ: бывшій предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета Туруновъ, члены бывшаго совѣта по дѣламъ книгопечатанія Гончаровъ и Варадиновъ, завѣдывавшій дѣлами означеннаго совѣта Фуксъ, состоявшій по военному вѣдомству Толстой; правителемъ канцеляріи былъ назначенъ П. А. Капнистъ. Послѣ молебствія, совершеннаго въ помѣщеніи главнаго управленія, министръ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на важную роль, выпадающую на долю новаго учрежденія [1]).

3-го сентября въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, появилась передовая статья, разъяснявшая значеніе новаго режима русской печати. Открытіе главнаго управленія *можетъ*,—гласитъ статья,—составить *новую эру* для русской литературы. Законодательство,—продолжалъ оффиціальный органъ,—исполнило свою задачу: печати даны возможныя облегченія и льготы. Администраціи предстоитъ блюсти, чтобы пользованіе ими оставалось въ предѣлахъ новаго закона, который «не ставитъ слишкомъ много преградъ для честнаго пользованія свободою выражаться въ печати». Обращаясь къ литературнымъ дѣятелямъ, *Сѣверная Почта* замѣчала, что они сами должны озаботиться о своемъ будущемъ, о томъ чтобы для нихъ дѣйствительно настала новая эра.

Обстоятельства, при которыхъ литература вступаетъ въ новый періодъ, были, по мнѣнію оффиціальнаго органа, благопріятны. Свобода, которую печать пользовалась *на дѣлѣ* въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, могла служить полезною школою для литературныхъ дѣятелей. Печать должна имѣть въ виду условія, соблюденіе которыхъ необходимо для пользы печати и въ интересахъ общества и безъ которыхъ немыслимо достоинство писателя, изъявляющаго притязаніе на пользованіе свободою слова. «*Свобода*—писала названная газета,—*обязываетъ;* право неразрывно съ обязанностью; самостоятельность призываетъ къ самообладанію». Указавъ затѣмъ, что правительство въ послѣдніе 10 лѣтъ охотно выслушивало многія заявленія въ печати и пользовалось

[1]) См. № 189. *Сѣвер. Почты* за 1865 г.

ими въ интересахъ общества, *Сѣверная Почта* выражала увѣренность, что готовность эта и впредь *не уменьшится*. Она только приглашала печать взвѣшивать практическія средства выполненія того, что она предлагаетъ (*Сѣв. Почта*, № 120-й).

II.

Изъ петербургскихъ изданій первыми воспользовались новымъ режимомъ свободы или, какъ вѣрнѣе назвалъ его проф. Фойницкій [2]), «временно-обязаннымъ» состояніемъ полусвободы, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *Голосъ*. Въ нумерахъ, вышедшихъ 4-го сентября 1865 г., и та и другая газета, разумѣется, занимаются обсужденіемъ новыхъ условій дѣятельности печати.

Старѣйшая изъ русскихъ газетъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ небольшой передовой статьѣ встрѣчаетъ довольно сдержанно наступившую «новую эру». «Сегодня мы получили право на изданіе газеты безъ цензуры. *Крѣпостная* зависимость наша отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія посторонняго лица кончилась (?); признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной (sic) воли, отъ нашего собственнаго усмотрѣнія въ тѣхъ предѣлахъ (газета съ прискорбіемъ вскорѣ должна была убѣдиться какъ не ясны эти предѣлы), какіе представляетъ законъ для публичной дѣятельности. Нынѣ отошла отъ насъ попечительная опека, и мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ (?), ничѣмъ, кромѣ собственнаго благоразумія, незащищенные отъ его грозы и кары» [3]).

Переходя засимъ къ вопросу о будущности русской печати, академическая газета выражала надежду, что «строгій законъ» будетъ смягченъ благодаря «просвѣщенному взгляду» исполнителей. «Нигдѣ такъ не будетъ чувствоваться,—писали *П. В.*.— надобности въ благосклонномъ толкованіи, какъ при переходѣ отъ предупредительной цензуры къ карательной. Открывается

---

[2]) См. Сборникъ государственныхъ знаній, т. II: „Моменты въ исторіи законодательства о печати“.

[3]) *С. Петерг. Вѣд.*, № 229-й.

обширное поле для ошибокъ, *недоразумѣній* (первою жертвою такого недоразумѣнія, какъ увидимъ ниже, сдѣлалась академическая газета, которой дано было прежде всѣхъ первое предостереженіе), для невольныхъ промаховъ съ одной стороны, для *излишней осторожности* съ другой: только опытъ покажетъ путь, на которомъ русская литература можетъ безопасно пользоваться предоставленною свободою». Вступая, не безъ тревоги предъ неизвѣстнымъ будущимъ, въ новыя условія дѣятельности, газета Корша видѣла залогъ лучшей будущности въ довѣріи общества къ печати и въ союзѣ всѣхъ честныхъ дѣятелей печати.

Голосъ посвятилъ закону 6-го апрѣля большую передовую статью. «Сегодна въ первый разъ отъ самаго начала нашей журнальной дѣятельности,—писалъ старѣйшій изъ русскихъ публицистовъ А. А. Краевскій,—обращаемся мы къ читателямъ съ рѣчью, непросмотрѣнною предварительно цензоромъ. Намъ нечего скрывать чувство радости, съ которымъ мы начинаемъ вести такую рѣчь; радость наша не выразится шумно именно потому, что эта радость искренняя, глубокая. Мы приступаемъ къ болѣе свободной дѣятельности не съ дѣтскимъ восторгомъ, какой ощущаетъ школьникъ, выходя изъ училища, съ намѣреніемъ забыть уроки, разорвать связь съ прошедшимъ Мы ничего не забываемъ, ничего разрывать не хотимъ, мы не можемъ даже сказать, что для нашей прессы настаетъ новая эра, эра возрожденія. Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ ни забывать, ни разрывать. Наша пресса въ послѣднее полустолѣтіе оказала услуги, которыми по справедливости она можетъ гордиться. Она по мѣрѣ возможности высказывала стремленія общества; чѣмъ стѣснительнѣе бывала иногда доступная ей форма выраженія, чѣмъ ограниченнѣе бывало поле ея дѣйствія, тѣмъ больше ея заслуги; многіе изъ горячихъ, благородныхъ дѣятелей ея не дождались настоящаго дня, того дня, когда слову серьезнаго, благоразумнаго писателя дается болѣе простора».

Указывая на то, что въ Россіи, въ отличіе отъ другихъ странъ, свобода печати явилась по иниціативѣ правительства, а не была результатомъ насильственныхъ дѣйствій, *Голосъ* совѣтовалъ не упускать въ будущемъ изъ виду эту особенность русской пе-

чати. Дѣятелямъ же печати онъ рекомендовалъ имѣть въ виду служеніе обществу. Какъ-бы предугадывая нѣкоторыя послѣдующія прискорбныя явленія изъ исторіи нашей печати, *Голосъ* называлъ презрѣнными тѣхъ дѣятелей, которые воспользуются реформою «для балаганнаго представленія» и превратятъ печать «въ орудіе личныхъ цѣлей». Болѣе же всего негодовала газета Краевскаго на тѣхъ публицистовъ, которые «воспользуются новымъ правомъ, чтобы инквизиторски преслѣдовать новое слово, производить дознаніе, почему что сказано и почему чего - либо не сказано, словомъ, учредить *инквизицію слова*» (чѣмъ, какъ извѣстно, прославились извѣстные органы московской печати) [4].

Въ заключеніе *Голосъ* выражалъ пожеланіе, чтобы правительство расширяло постепенно предѣлы свободной печати и не увлекалось «подозрительностью, если бы даже въ печати стали появляться неблагонамѣренные *доказчики*».

Въ Москвѣ стали выходить безъ предварительной цензуры: *Московскія Вѣдомости*, *Современная Лѣтопись* и *Русскій Вѣстникъ* М. Н. Каткова, *День* И. С. Аксакова.

Московскія Вѣдомости вышли 4-го сентября съ небольшой передовой статьей, которая начиналась такъ: «Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодарности Монарху, полагающему свое счастье въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ «охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ» [5]. Отнынѣ печать наша находится на твердой (?) почвѣ закона (ниже увидимъ, какъ скоро должна была исчезнуть эта оптимистическая иллюзія, навѣянная первымъ порывомъ радостнаго настроенія) и не подлежитъ *произволу*, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда *не можетъ* замѣнить то, что̀ называется законностью, то, что̀ называется справедливостью и въ чемъ состоитъ *истинный смыслъ того, что̀ называется свободою*». Разъясняя далѣе значеніе новаго юридическаго положенія печати, *Московскія Вѣдомости* съ удареніемъ указывали, что свобода печати не

[4]) См. *Голосъ* 1865 г., № 244.

[5]) Слова эти взяты изъ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго 30-го августа 1865 г. на имя московскаго митрополита Филарета, въ отвѣтъ на принесенное имъ поздравленіе со днемъ тезоименитства.

есть интересъ тѣснаго круга литераторовъ и издателей, а *вселюкій интересъ цѣлой страны;* это—политическое право, даруемое цѣлому народу». «Въ наши государственныя и общественныя дѣла,—писалъ московскій публицистъ,—вносится начало публичности и каждому предоставлено законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Русское *общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы* и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе; о чемъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ можно было мечтать, то становится теперь живою дѣйствительностью».

Ставя высоко значеніе новаго закона, университетская газета не скрывала однако отъ себя, что то или другое положеніе печати всецѣло будетъ зависѣть отъ исполненія закона. «Общія основанія закона, — писали *Моск. Вѣд.*, — очень (?) широки (какъ мы видѣли выше, оффиціальный органъ довольствовался только констатированіемъ, что новый законъ ставитъ «не слишкомъ много преградъ»). Но законъ есть только начало, остается желать, чтобы исполненіе соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ закона. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, среди которыхъ законъ будетъ дѣйствовать. При благопріятныхъ условіяхъ свобода окажетъ свое благотворное дѣйствіе; *она облагородитъ и возвыситъ* нашу общественную среду и сообщитъ нашей печати болѣе достойный характеръ и полезное значеніе» [6]).

III.

Самое горячее и обстоятельное обсужденіе новаго законодательства о печати мы находимъ въ газетѣ И. С. Аксакова *День*. Какъ извѣстно, свобода печати входила какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ въ политическое ученіе славянофиловъ. Еще до изданія закона 6-го апрѣля, *День* въ цѣломъ рядѣ статей трактовалъ о разныхъ сторонахъ вопроса о свободѣ печати. Считая пользу свободы печати и вредъ цензуры за аксіомы, признаваемыя всѣми *разумными* (курсивъ въ подлинникѣ) людьми, газета старалась опровергнуть то предубѣжденіе, которое су-

---

[6]) См. *Московскія Вѣдомости*, 1865 г., № 199.

ществовало противъ нея въ оффиціальныхъ кругахъ [7]). Покойный Аксаковъ полагалъ, что свобода слова есть прирожденное право человѣка [8]), и смотрѣлъ на вопросъ о свободѣ печати, какъ на самый жизненный, самый важный для Россіи послѣ освобожденія крестьянъ [9]). «Мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ, — писалъ Аксаковъ, — будетъ служить въ то же время мѣрою нашего общественнаго развитія; просторъ слова *нужнѣе всѣхъ реформъ* послѣ освобожденія 20-ти милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается *условіе жизненности* для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едва ли взойдутъ» [10]).

Въ первомъ нумерѣ *Дня*, вышедшемъ безъ цензуры, И. С. Аксаковъ въ живой и прочувствованной передовой статьѣ обрисовалъ значеніе и послѣдствія произведенной реформы и высказалъ вкратцѣ свое profession de foi. — «Наконецъ-то!... — такъ начинаетъ свою статью *День*. Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться съ вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ «господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ» (какъ писалось въ старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получимъ неслыханное и невиданное право: *не лгать, не кривить словомъ*, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ».

«Не благоразумнѣе, не тактичнѣе ли было бы, однако, — говорится дальше, — вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно, не поминая стараго? Но такое поведеніе грѣшило бы противъ искренности: русскому печатному слову стыдно бы не радоваться своему освобожденію, хотя бы еще далеко не полному, изъ долгаго, долгаго тягостнаго плѣна».

---

7) См. *День* отъ 12-го мая 1862 г.

8) См. *День* отъ 23-го января 1863 г. и 22-го декабря 1862 г.

9) *День* 19-го мая 1862 г.

10) *День* 6-го января 1864 г.

«Но не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое? Мы не будемъ великодушны, — говоритъ Аксаковъ. Мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ, мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что либо окончательно отжившее и схороненное; напротивъ, оно живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами».

Останавливаясь на прежнихъ цензурныхъ порядкахъ, *День* ставитъ ему въ вину то, что онъ внесъ *кривду* въ область печатнаго слова. «Мало было кривды,—пишетъ Аксаковъ,—во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что самое *слово искривилось:* авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы протащить свою мысль контрабандою сквозь цензурную стражу: отсюда условный языкъ, чтеніе между строкъ. Нравственныя пытки,—продолжаетъ Аксаковъ,—которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткою художника кисти, когда непрошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку. Писатель зависѣлъ,—продолжаетъ онъ,—не отъ твердо установленныхъ правилъ, а отъ чужаго ума и чужаго вкуса. Слово изъподъ цензорскихъ рукъ выходило взъерошенное, искалѣченное и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ побѣды, внушалось съ жадностью, какъ запрещенный плодъ».

Чтобы излѣчить весь тотъ вредъ, который проникъ въ общество, благодаря этому стѣсненію, нуженъ теперь уже,—говоритъ *День*,—«не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы, нужно, чтобы даруемая свобода печати стала дѣйствительною правдою, а *не подобіемъ*». Развивая свою мысль, Аксаковъ продолжаетъ:

«Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя,—что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣе сказать, подобій; вы окружены подобіемъ всего—живаго, дѣйствительнаго, реальнаго, но только

подобіемъ, а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. *Все у насъ существуетъ будто бы;* ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ будто бы есть и законы, и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отправленія государственной и общественоой жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ; но и это все будто бы, всѣ эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь, и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ, какъ извѣдано опытомъ, самые непригодные!—Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній, но однако же лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ: его будто бы нѣтъ, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но и тутъ успѣваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ (на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примѣръ городскихъ думъ въ столицахъ, не смѣющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиной безъ разрѣшенія начальства), подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ, подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго мнѣнія, подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни!...»

День высказываетъ надежду, что отнынѣ печать будетъ поставлена въ возможность говорить правду, а не подобіе правды.

«Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ,—говоритъ онъ,—эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій» [11]).

Отечественныя Записки въ своемъ первомъ нумерѣ, вышедшемъ безъ цензуры, въ статьѣ, озаглавленной: «Безъ цензуры», такъ опредѣляли значеніе закона 6-го апрѣля. Указывая вмѣстѣ съ другими изданіями, что все будетъ зависѣть отъ способа примѣненія новаго закона, журналъ замѣчаетъ: «Достовѣрно, однако [12]), что даже самое неблагопріятное примѣненіе новаго закона всетаки должно быть *неизмѣримо* (??) лучше самаго идеальнаго состоянія печати подъ цензурною властью; если и можно сказать, что въ новыхъ правилахъ дано мѣсто произволу, то этотъ произволъ поставленъ въ необходимость обнаруживаться явно, долженъ при всякомъ проявленіи своемъ возбуждать общественное вниманіе, и уже по одному этому можно надѣяться, что онъ не будетъ такимъ непріятнымъ, каковъ былъ тайный и безапелляціонный произволъ цензора».

IV.

Ближайшая практика по примѣненію правилъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры и замѣнѣ ея карательною показала, какъ правы были тѣ государственные люди [13]) и публицисты, кото-

---

11) См. т. IV. Собраніе сочиненій Аксакова, стр. 431—439.

12) *Отечественныя Записки* 1865 г., № 5.

13) Профессоръ-цензоръ Никитенко, очень близко стоявшій къ цензурному вѣдомству и принимавшій участіе въ составленіи проекта новаго закона о печати, смотрѣлъ очень мрачно на будущность русской литературы.—Подъ 16-мъ мая 1865 г. онъ заноситъ въ свой дневникъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: *онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ*. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонадежной“, т. е. сдѣлать то, чего не въ состо-

рые утверждали, что неопредѣленная постановка въ законѣ вопроса о предостереженіяхъ можетъ дать поводъ къ весьма печальнымъ недоразумѣніямъ. Безмятежное существованіе безцензурной печати продолжалось недолго. Не прошло и двухъ недѣль со дня введенія новаго закона, какъ 18-го сентября послѣдовало *первое* изъ первыхъ предостереженіе.

Оно дано было *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*. Обстоятельства, при которыхъ оно состоялось, наглядно показываютъ, какія неудобства сопряжены съ системою предостереженій. Въ означенной газетѣ появилась полемическая (противъ *Сѣверной Почты*) статья, въ которой высказано было мнѣніе, что осуществленіе *предположеннаго*, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно, безъ выкупа перваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами. 18 сентября, въ *Сѣверной Почтѣ* появилось *первое* предостереженіе, данное именно за эту статью *С.-Петербургскимъ Вѣдом.*, въ лицѣ ихъ редактора, В. Ѳ. Корша. Съ внѣшней стороны предостереженіе отличалось большою обстоятельностью. Указанъ былъ не только № и статья, вызвавшая административную кару, но и мѣста въ статьѣ съ точнымъ обозначеніемъ строкъ. Предостереженіе было мотивировано тремя соображеніями. Прежде всего ставилось въ вину газетѣ, что она высказала сужденіе, несогласное съ интересомъ государственнаго кре-

---

яніи были сдѣлать, да едва ли и хотѣли сдѣлать до 1855 г. Тогда презирали литературу, но не считали возможнымъ формулировать на *свой* ладъ. Валуевъ тоже ее презираетъ и думаетъ, что административныя мѣры сильнѣе всякой мысли.—Изданіе журналовъ, съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры становится крайне затруднительнымъ. Прежде цензоръ все-таки не могъ пренебрегать вполнѣ тѣмъ „что скажутъ о немъ въ обществѣ", и издатели освобождались отъ отвѣтственнасти: Теперь надъ редакторами помѣщенъ *Дамокловъ мечъ* въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановленіе.—Это перспектива такъ мало улыбалась журналамъ, что намѣревались было отказаться отъ „эмансипаціи". Но волею неволею пришлось оставить эту мысль, такъ какъ Валуевъ пригрозилъ большими цензурными строгостями. Никитенко полагалъ однако, что планъ Валуева разлетится, какъ дымъ, какъ и всѣ подобные планы (Русс. Стар. 1891, № 6, стр. 644).

дита, по поводу мѣры, не объявленной въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ выставлялось, что газета оспаривала принадлежащее правительству право на залогъ государственныхъ имуществъ, и, наконецъ, указывалось, что газета неправильно приписывала государственнымъ имуществамъ характеръ специальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ и тѣмъ возбуждала сомнѣніе, могущее имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются билеты.

Предостереженіе встрѣчено было общимъ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ. Выраженіемъ этихъ чувствъ служила статья, напечатанная въ № 288 *Московскихъ Вѣдомостей*. Газета прежде всего удивляется первому, юридическому мотиву предостереженія. Если законъ 6-го апрѣля разрѣшалъ обсужденіе опубликованныхъ законовъ, то тѣмъ болѣе онъ разрѣшилъ критику только еще предположенныхъ мѣропріятій. Переходя затѣмъ къ содержанію статьи, *Московскія Вѣдомости* находятъ, что статья, вызвавшая административное взысканіе, ничего злонамѣреннаго по цѣли не заключаетъ, по тону она также вполнѣ спокойна и прилична. Стало быть, заключаетъ московская газета, кара вызвана сущностью сужденія. Считая съ своей стороны мнѣніе, высказанное петербургскою газетою, неосновательнымъ, *Московскія Вѣдомости* удивляются, что предостереженіе дано за «ошибочное» сужденіе. «Неужели государственный кредитъ есть вещь до такой степени колеблющаяся,—ѣдко замѣчаютъ *Моск. Вѣдомости*,—что подъ вліяніемъ неосновательнаго, ошибочнаго, даже вопіюще-нелѣпаго сужденія той или другой независимой газеты онъ подвергается колебанію? Отъ свойства сужденія газеты зависитъ ея собственный, а не государственный кредитъ» [14]).

[14]) Въ Дневникѣ академика Никитенко находимъ слѣдующее мѣсто касательно этого перваго предостереженія: „Гер—съ, тов. мин. госуд. имущ. вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и директоромъ Френкелевскаго банка. Когда въ госуд. совѣтѣ была принята фраза, что и казна можетъ закладывать въ немъ свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то Гер—съ далъ тотчасъ знать о томъ Франкелю, который, въ свою очередь, поспѣшилъ разгласить о томъ по всей Европѣ. Это страшно взволновано нашихъ капиталистовъ. Поднялись толки, невыгодные для правительства, и появилась статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Гер—съ большой пріятель Валуева и тот-

Послѣ небольшой передышки предостереженія посыпались съ новою силою, въ которой явственно слышалась нота личнаго раздраженія [15]). Не прошло и года со времени введенія новаго закона какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самыми разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ проводились оффиціально) были даны: радикальнымъ *Современнику* [16]) и *Русскому Слову* [17]),

---

часъ бросился къ нему, а Валуевъ, желая угодить нѣкоторымъ лицамъ, суммы которыхъ находятся въ банкѣ Френкеля, поспѣшилъ разразиться грозою надъ газетою, совершенно невинною. Значитъ, тутъ главную роль играли личные интересы, угодливость Валуева этимъ интересамъ. Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ. Въ публикѣ всеообщее негодованіе противъ Валуева" (см. Русск. Стар. 1891, № 7, стр. 92—93).

[15]) Подъ 5-мъ октября 1866 г. академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати *личнаго врага,* и далѣе, подъ 5-мъ ноября: совершилось то, чего боялись люди мыслящіе, наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи. *Русс. Стар.* 1891, № 9, стр. 575, 581.

[16]) Предостереженіе *Современнику* ставило ему въ вину косвенное и прямое порицаніе началъ собственности, брачнаго союза, возбужденіе вражды къ высшему сословію.—Академикъ Никитенко, относившійся отрицательно ко всѣмъ предостереженіямъ, даннымъ Валуевымъ, по поводу перваго предостереженія *Современнику* съ злорадствомъ замѣчаетъ: по дѣламъ вору мука, (см. Русс. Стар. 1891, № 7, стр. 104).

[17]) Второе предостереженіе *Русскому Слову* дано было за статью Писарева объ ученіи Конта. Акад. Никитенко, относившійся крайне враждебно къ этому журналу (см. стр. 104 Русс. Стар., 1991, № 7, 130) заноситъ въ свой дневникъ слѣдующее по поводу этого предостереженія: „Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ къ архи-цензурному времени. Одно изъ двухъ: или надо при расширеніи свободы допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ оффиціально, и предоставить другимъ воззрѣніямъ опровергать первыя, или остаться при прежнемъ стѣсненіи печати". Возвращаясь къ этому предостереженію еще разъ, Никитенко прибавляетъ: „Во второмъ предостереженіи „Русс. Слову" приведена причина: *косвенное* намѣреніе дать приложеніе коммунизму. Это одно слово: *косвенное* въ состояніи привести въ *отчаяніе* всякаго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д." (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282, 284).

умѣренно-либеральнымъ — *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* [18]) и *Голосу* [19]), крѣпостнической *Вѣсти* [20]), славянофильскимъ *Дню* и *Москвѣ* [21]); даже архи-либеральный въ то время

---

[18]) Отмѣтивъ фактъ систематическаго преслѣдованія этой порядочной, но крайне осторожной газеты, пріостановленной въ сентябрѣ 1866 г., Никитенко замѣчаетъ: и такъ Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу (Каткова), набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно травитъ его съ Щербининымъ и Фуксомъ. (Нач. и членъ главн. управл.) (см. Русс. Стар., 1891, № IX, стр. 572).

[19]) *Голосу* давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о туркестанской администраціи, и за неуважительный отзывъ о Наполеонѣ и объ остзейскихъ баронахъ (Русс. Стар. 1891, № XI, стр. 440) и даже ради доказательства *безпристрастія* цензуры. „Я прочелъ, пишетъ академ. Никитенко, №№ 109 и 114 Голоса за 1866 г., на которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю законности послѣдняго. Оно понадобилось развѣ для того, чтобы показать публикѣ, что министерство преслѣдуетъ не однѣ *Москов. Вѣд.*, а на всѣхъ равно распространяетъ свои дары, — но вѣдь при такихъ предостереженіяхъ дѣлается невозможнымъ издавать газеты. Какъ предвидѣть, за что она можетъ подвергнуться предостереженію?“ (Русс. Стар., 1891, № 8, стр. 306—307).

[20]) Отмѣтивъ это предостереженіе, данное по поводу мысли объ общемъ земскомъ собраніи, акад. Никитенко присовокупляетъ: но вѣдь объ этомъ было говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ Петербургѣ. Вообще, министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія послѣднихъ 10 лѣтъ, отъ которыхъ многія гарантированы верховною властью. Разумѣется все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленія въ печати, но то, что министру внутреннихъ дѣлъ кажется злоупотребленіемъ, составляетъ только послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ. Такой образъ дѣйствій производитъ только неудовольствіе и стѣсненіе нашей бѣдной мысли и образованности. (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282).

[21]) *Москвѣ* въ теченіе одного года дано было шесть предостереженій: И. С. Аксаковъ съ рѣдкимъ мужествомъ и достоинствомъ отпарировалъ нападеніе и въ первомъ, вслѣдъ за предостереженіемъ N, подвергалъ его подробнѣйшей и серьезнѣйшей критикѣ. По поводу одной такой статьи (Москва, № 45 за 1867 г.) Никитенко пишетъ: презрительнѣе о цензурѣ отозваться нельзя (Русс. Стар., 1891, № X, стр. 165). — Нужно вообще отдать справедливость печати того времени, что она забывала партійные раздоры въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ литературы. Мы приводили выше примѣръ *Москов. Вѣдом.*, выступившихъ на защиту *С.-Петерб. Вѣдом.* по поводу постигшаго их перваго предостереженія. Тѣ же

столпъ отечества *Московскія Вѣдомости* не былъ пощаженъ [22]).

Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія. *С.-Петербургскія Вѣдомости, Голосъ, Москва, Московскія Вѣдом.* пріостановлены были послѣ третьихъ предостереженій. Прекращены были *Современникъ*,

---

Моск. Вѣд. въ № 239 за 1867 г. горячо заступились за *Голосъ* по поводу даннаго имъ предостереженія.—*Моск. Вѣд.,* писалъ въ Дневникѣ своемъ Никитенко, сильно допекаютъ Валуева за распоряженія по дѣламъ печати (Русс. Стар., 1891, № IX, стр. 575).

Всего съ 1865 по 1880-й годъ дано было 177 предостереженій и сдѣланы 52 нріостановки (Вѣст. Европы 1880 № 6).

[22]) Первое предостереженіе *Моск. Вѣд.,* отъ 1-го апрѣля 1866 г. вызвало большую сенсацію. Газета въ то время пользовалась такимъ авторитетомъ, что приверженцы ея, по словамъ Никитенко, распускали слухъ, что правительство *не осмѣлится* поступить съ *Моск. Вѣд.*, какъ съ другими, и были увѣрены, что если это случится, въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ *бунта*. Противники же ихъ, напротивъ, находили, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьянѣвшихъ издателей. Къ такому взгляду, кажется, склонялся и самъ Никитенко относительно перваго предостереженія, для котораго, какъ онъ пишетъ, „предлогомъ" былъ взятъ № 61 *Моск. Вѣд.* (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 294). Относительно втораго предостереженія *Моск. Вѣд.,* Никитенко замѣчаетъ (см. тамъ же, стр. 305): *Моск. Вѣд.* возбуждаютъ непріязнь и недовѣріе къ правительственнымъ лицамъ. Это настоящая конституціонная *оппозиція*. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характерами, но обвинять ихъ чуть-ли не въ измѣнѣ, какъ то дѣлаютъ *Моск. Вѣд.*, это ужъ черезчуръ крѣпко и значитъ вызывать къ анархіи. Кѣмъ же замѣнить ихъ? и т. д. (тамъ-же, стр. 305). Впослѣдствіи, когда рѣшена была пріостановка *Моск. Вѣд.*, которая, однако, вскорѣ была взята назадъ, Никитенко оплакивалъ паденіе *Моск. Вѣд.*, какъ доказательство побѣды бюрократіи надъ *общественнымъ* умомъ и сочувствіемъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія Никитенко явствуетъ, въ борьбѣ *Моск. Вѣд.* съ Валуевымъ онѣ опирались, главнымъ образомъ, на оффиціальныхъ союзниковъ, въ особенности на только-что назначеннаго мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстаго, который, какъ удостовѣряетъ Никитенко, *благоговѣлъ* предъ *Моск. Вѣд.*, высказывалъ имъ сыновнюю почтительность (Рус. Стар. 1891, № IX, стр. 579); ѣздилъ совѣтоваться съ Катковымъ въ Москву (тамъ-же, № 11, стр. 444) и, который отстоялъ *Моск. Вѣд.* (тамъ-же, № 8, стр. 308). Изъ книги г. Любимова „М. Н. Катковъ", видно, что у Каткова были и другіе, еще болѣе сильные союзники и покровители (см. стр. 341 и слѣд.).

Русское Слово [23]), *Москва* и сами *Московскія Вѣдомости* висѣли на волоскѣ [24]).

Безпрестанныя и совершенно неожиданныя предостереженія, сыпавшіяся на печать, создали для нее невыносимое положеніе и вызвали толки объ предстоящей отмѣнѣ ихъ. По поводу третьяго (а въ общей сложности — шестаго за одинъ 1867 годъ) предостереженія, даннаго въ 1867 году *Москвѣ*, возникла между *Сѣверною Почтою* и *Современными Извѣстіями* полемика во-

23) Я не помню давно, пишетъ въ своемъ дневникѣ акад. Никитенко, явно враждебный этимъ журналамъ,—около *Русс. Слова*, писалъ онъ, группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ законы нравственные, эстетическіе и религіозные» и пр. (см. Русс. Стар. 1891, № 7, стр. 130)—чтобы какая-либо мѣра производила такое *единодушное* и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ *Современника* и *Русскаго Слова*—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано внѣ правилъ (Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 556).

24) По словамъ Никитенко, гр. Д. А. Толстой разсказывалъ, что „ему удалось отстоять у Государя *Моск. Вѣд.*" (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 308). Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Любимовымъ, судьба *Моск. Вѣд.* рѣшена была въ Москвѣ. Чрезъ гр. В. А. Адлерберга передано было Государю въ с. Ильинскомъ письмо М. Н. Каткова. — 20-го іюня Катковъ былъ принятъ Государемъ въ Петровскомъ дворцѣ. Государь, между прочимъ, сказалъ Каткову: „Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacré, какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ: я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за Моск. Вѣд.; постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь-ли силу того, что говорю тебѣ?" Коснувшись далѣе сепаратизма, Государь замѣтилъ: „не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ. Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть; я знаю и съ тобою согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи я дорожу, конечно, не менѣе тебя (съ улыбкою)... А я на тебя посердился, прибавилъ, вновь улыбаясь, Государь. Предостереженіе все таки надо было напечатать". При прощаніи Государь опять пожалъ крѣпко руку Каткова и повторилъ: „помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ". Газета была возвращена Каткову. 25-го іюля 1866 г. вышли *Моск. Вѣд.*, передовая статья коихъ начиналась съ поразительною смѣлостью, приводившею въ восторгъ и удивленіе публику, не посвященную въ закулисныя тайны: „Мы возвращаемся къ нашей дѣятельности съ новою бодростью, съ новымъ болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ призванія" (см. н. с. Любимова, стр. 343—344).

обще о цѣлесообразности системы предостереженій. Издатель этой газеты Н. П. Гиляровъ-Платоновъ привелъ мнѣніе меньшинства коммиссіи, которая составляла проектъ закона 6-го апрѣля и въ составъ которой и онъ самъ входилъ, признававшее, что система предостереженій неудобна, такъ какъ она основывается исключительно на личныхъ соображеніяхъ. *Сѣверная Почта* въ свою очередь опубликовала мнѣніе большинства коммиссіи, которое, не оспаривая, что «основаніемъ административнаго взысканія служитъ *произволъ*, что онъ противенъ понятію законности и формальной легальности», признавало *пока* (до устройства судебной части) нужнымъ сохранить предостереженіе въ видѣ чрезвычайной мѣры. Въ полемикѣ принялъ участіе также и выходившій вмѣсто *Москвы—Москвичъ*, который, указывая на то, что съ открытіемъ въ 1866 году новыхъ судовъ, главное соображеніе, въ силу котораго былъ изданъ временный законъ 6-го апрѣля 1865 года, потеряло значеніе, полагалъ, что слѣдовало бы отмѣнить предостереженіе.—Вопросъ о предостереженіяхъ былъ поднятъ потомъ въ 1880 году въ коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ гр. Лорисъ-Меликова, но, какъ извѣстно, никакихъ практическихъ результатовъ не получилось.

Рядомъ съ административными взысканіями шли судебныя преслѣдованія газетъ и журналовъ. Чтобы дать понятіе о крайностяхъ, въ которыя впадала въ этомъ отношеніи полиція мысли, достаточно указать на обвиненіе, воздвигнутое въ 1866 году противъ редактора *Голоса* А. А. Краевскаго. Въ *Голосѣ* появилась статья, въ которой нападали на администрацію за преслѣдованія раскольниковъ, вопреки Высочайшей волѣ (выраженной въ рѣчи, обращенной къ раскольникамъ въ 1863 году).—Цензура подвела эту статью подъ статью Улож., предусматривающую *возстаніе* противъ правительства и незаконное *объявленіе* Высочайшей воли лицомъ, на то неуполномоченнымъ, и требовала присужденія Краевскаго ни болѣе ни менѣе какъ къ *каторжнымъ* работамъ!... Нечего и говорить, что судъ не могъ согласиться съ такою ни съ чѣмъ несообразною квалификаціею и приговорилъ Краевскаго къ кратковременному аресту. — Отсюда первые поводы для столкновенія Валуева

съ новымъ судомъ, сдѣлавшагося его непримиримымъ врагомъ [25]).

Такимъ образомъ ближайшая практика (а болѣе отдаленной нечего и говорить!) показала что, при извѣстномъ настроеніи администраціи, «льготное» положеніе эманципированной печати и особенно періодической можетъ на дѣлѣ оказаться столь тягостнымъ [26]), что оно ничѣмъ не будетъ уступать самымъ тяжелымъ дореформеннымъ временамъ [27]).

---

[25]) Никитенко удостовѣряетъ, что отовсюду слышалось не удовольствіе противъ раздутаго обвиненія, направленнаго противъ *Голоса* (Русск. Стар. 1891, № VIII, стр. 284).

[26]) Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 579 и № X, стр. 180.

[27]) Писатели, заноситъ акад. Никитенко въ свой Дневникъ въ декабрѣ 1866 г., *самые благоразумные* не знаютъ чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются и перо, обмакнутое въ чернильницу, замираетъ въ ихъ рукахъ. Таково теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, или, издавъ новый законъ—допустить и неизбѣжныя его послѣдствія (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 283).

IV.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО СУДА.

Nul n'est juste s'il n'est doux.

V. Hugo.

... И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

Ѳ. Кони.

Съ упроченіемъ новаго судоустройства становится возможнымъ жить въ Россіи какъ въ странѣ цивилизованной.

М. Катковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль — октябрь 1865 — 1890 гг.).

I.

Начало нашего новаго гласнаго судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г.; но такой счетъ не совсѣмъ правиленъ. Гласный судъ, т. е. публичное судоговореніе, начался у насъ еще въ старыхъ учрежденіяхъ въ силу закона 11-го октября 1865 г., перенесшаго туда нѣкоторыя начала новаго процессуальнаго строя и въ томъ числѣ гласность.

Но еще ранѣе изданія этого закона, весною 1865 г. впервые публика ознакомилась съ гласнымъ процессомъ въ военныхъ *полевыхъ* судахъ, которые учреждались, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній, по дѣламъ особой важности [1]).

---

[1]) До изданія судебныхъ уставовъ преданіе военному суду за общегражданскія преступленія было явленіемъ обычнымъ. Помимо дѣлъ, передаваемыхъ военному суду по особымъ повелѣніямъ, Сводъ Законовъ допускалъ до 40 случаевъ передачи дѣлъ военному суду. Судебные уставы отмѣнили этотъ порядокъ, исходя изъ того соображенія, что всякія спеціальныя коммиссіи, назначаемыя для суда по извѣстному дѣлу, вызываютъ основательное недовѣріе (см. стр. 25 — 28, т. XVIII Дѣла о преобраз. суд. части, а также главу XIII моихъ „Основъ судебной реформы).

Первый такой судъ происходилъ въ апрѣлѣ 1865 г. въ Новгородѣ для сужденія четырехъ лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ вдовы надв. совѣт. Лейхтенфельдъ. Въ тогдашнихъ газетахъ мы находимъ очень мало данныхъ, могущихъ возстановить ходъ и обстановку *перваго* гласнаго процесса. Изъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* мы узнаемъ только, что разбирательство происходило въ крайне неудобномъ помѣщеніи уѣзнаго суда, что публики набралось въ судѣ очень много, но что въ залъ засѣданія пускали только «въ мундирахъ». Всѣ четверо подсудимыхъ были приговорены къ разстрѣлянію.

Гораздо больше подробностей сохранилось *о первомъ гласномъ процессѣ*, разбиравшемся *въ Москвѣ* 29-го мая 1865 г. Онъ также имѣлъ мѣсто въ *военно-полевомъ судѣ*. Суду его, по Высочайшему повелѣнію, были преданы временно-отпускной солдатъ Комаровъ и крестьяне Черемухинъ и Щукинъ по обвиненію въ убійствѣ и ограбленіи кабатчика Подшивалова и его жены и нанесеніи смертельныхъ ранъ тремъ его дочерямъ.

Полный стенографическій отчетъ по этому дѣлу, составленный учениками А. Н. Артобалевскаго, мы находимъ въ *Современной Лѣтописи* [2]). Засѣданіе происходило въ бывшей гостиницѣ «Европа», на Солянкѣ, въ помѣщеніи управленія мѣстныхъ войскъ. Стеченіе публики было громадное. Судъ начался въ 2 часа. Предсѣдательствовалъ полковникъ Святогоръ-Штепинъ, обвинялъ Л. Л. Цвиленевъ, защищалъ кандидатъ правъ А. В. Заринъ.

Судоговореніе началось обвинительною рѣчью прокурора, который, какъ гласитъ отчетъ, произнесъ обвиненіе мѣрнымъ и стройнымъ голосомъ. Небольшая стычка между сторонами произошла въ то время, когда прокуроръ сталъ показывать «публикѣ» (sic) шкворень, найденный въ избѣ одного изъ подсудимыхъ...

Защитникъ. Шкворень, находящійся въ судѣ, не тотъ самый, которымъ совершено преступленіе.

Прокуроръ. Шкворень на подобіе этого.

Подс. Черемухинъ. Это не тотъ шкворень.

Прок. На подобіе.

---

[2]) См. № 22 іюня 1865 г.

Черемухинъ. Тотъ мы бросили.

Прок. Ну, да, подобный этому, я говорю.

Затѣмъ начался допросъ подсудимыхъ, при чемъ председатель говорилъ съ ними на *ты.*

Черемухинъ, сознавшійся на предварительномъ слѣдствіи, сталъ рѣшительно отрицать свою виновность. На вопросъ прокурора, почему онъ прежде давалъ другое показаніе, Черемухинъ отвѣчалъ: Ваше благородіе! Слѣдователь Щелкаловъ билъ на слѣдствіи два раза, схватилъ ножъ и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались съ Комаровымъ?

Черемухинъ. Съ Комаровымъ?

Предс. Да, да.

Черемухинъ. Съ нимъ... я... нѣтъ... не могу знать.

Пред. (Обращаясь къ священнику). Позвольте попросить васъ, батюшка, сказать преступнику (sic!), что нераскаяніе есть одинъ изъ тягчайшихъ грѣховъ.

Священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ и Евангеліе, началъ увѣщевать тихимъ голосомъ.

Черемухинъ. Ей-Богу, батюшка, такихъ дѣловъ не дѣлалъ. Никто̀ во всей деревнѣ на меня не пожалится, кажется, курицы не обидѣлъ. Что я сказалъ правду, вотъ вамъ, коли хотите, и крестъ Христовъ, и святое Евангеліе. А я знать ничего не знаю и не виноватъ, вотъ что!..

Энергическая защита и неожиданное упорное запирательство подсудимаго, повидимому, произвело и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и на публику сильное впечатлѣніе.

Между прокуроромъ и защитникомъ начался слѣдующій любопытный діалогъ.

Прокуроръ. Что вы думаете, г. защитникъ, о такомъ запирательствѣ преступника?

Защитникъ. Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ. Сознаться или не сознаться за подсудимыхъ я не могу, это дѣло ихъ самихъ.

Прок. Однако объясненіе этого запирательства необходимо. Вы *видѣлись* съ подсудимымъ въ мѣстахъ заключенія и читали самое дѣло...

Черемухинъ. Я говорю какъ передъ смертью.

На этомъ заканчивается допросъ Черемухина и его уводятъ, и вводятъ въ залъ Комарова. Онъ сознается, но сваливаетъ главную вину на другихъ подсудимыхъ.

Защитн. Это сознаніе подкрѣплено обстоятельствами дѣла и прежнимъ показаніемъ Черемухина.

Священ. Что тебя принудило быть участникомъ въ убійствѣ?

Комаровъ. Я сознаюсь какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, батюшка. Я рѣшился обворовать Подшивалова, но намѣренія убить не имѣлъ.

Вводятъ третьяго подсудимаго Щукина. Щукинъ также запирается и объясняетъ возбужденіе обвиненія наущеніемъ «зловреднаго» шурина своего. На увѣщанія священника, онъ отвѣчаетъ: «Ну, что же поцѣлую... вѣдь и у насъ есть батьки» (съ наглостью хватаетъ и цѣлуетъ крестъ). На замѣчаніе предсѣдателя, что крестьяне не одобрили поведеніе подсудимыхъ, Щукинъ скорогоркою отвѣчаетъ: Помилуйте, гг. сенаторы! Крестьяне говорятъ по злобѣ, потому что я не попалъ въ рекруты. Ваше благородіе, войдите въ мое положеніе и гражданскій (губернаторъ) князь Оболенскій...

Прокур. (перебивая его). Это не идетъ къ дѣлу.

Защит. Дайте ему говорить, можетъ и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещеніе, а оцѣнка выслушаннаго.

Щукинъ. Князь гражданскій Оболенскій, губернаторъ, сказалъ мнѣ: «въ Богородскѣ не возьмутъ, а въ Москвѣ я самъ буду, а съ тобой языкъ будетъ»...

Прокур. Зачѣмъ ты путаешься?...

Щукинъ. Зачѣмъ? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобѣ показали, и пр. На этомъ окончился допросъ подсудимыхъ. Свидѣтелей не допрашивали.

Защит. (взволнованнымъ голосомъ) началъ свою рѣчь такъ: «Сами обстоятельства разсказаннаго дѣла такъ отчетливо представили суду и *публикѣ* картину страшнаго злодѣянія, а г. прокуроръ такъ убѣдительно вывелъ свои обвиненія, что въ глубинѣ совѣсти каждаго изъ присутствующихъ уже составлено убѣжденіе въ безусловной виновности подсудимыхъ».

Затѣмъ защитникъ старался предостеречь судей отъ увлече-

нія и выяснить роль каждаго изъ подсудимыхъ и находилъ, что не всѣ они одинаково виновны. Указывая на то, что показаніе маленькой дѣвочки Тани служитъ главнымъ базисомъ обвиненій, защитникъ замѣтилъ, что «хотя младенецъ и не можетъ солгать,—ложь есть принадлежность взрослыхъ,—но дѣвочка могла ошибиться въ своихъ показаніяхъ». Закончилъ защитникъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Помните, что примѣненіе страшнаго наказанія ко всѣмъ тремъ преступникамъ будетъ болѣе, нежели несправедливо, будетъ тяжкій грѣхъ; вспомните несчастные процессы невинно-казненныхъ; вспомните «Послѣдній день» Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любуется во время чтенія приговора солнечнымъ зайчикомъ, играющимъ на стѣнѣ тюрьмы; вспомните, что заточеніе въ рудникахъ тяжелѣе моментальнаго страданія. Не отнимайте у общества три рабочія единицы; въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи, они все-таки будутъ ему полезны; не отнимайте у подсудимыхъ возможности раскаяться въ своемъ преступленіи передъ Богомъ и людьми». При послѣднихъ словахъ арестанты бросились съ воплемъ на колѣни. «Пожалѣйте насъ, несчастныхъ, — вопили они,—и войдите въ наше горемычное положеніе».

Публика, не привыкшая къ условіямъ публичнаго суда, была потрясена этою сценою и выразила свое сочувствіе къ рѣчи защитника громкими рукоплесканіями, которыя, впрочемъ, были остановлены по первому слову предсѣдателя.

Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ *разстрѣлянію*.

Описанный процессъ и раздавшіеся аплодисменты произвели въ обществѣ сенсацію. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось письмо, въ которомъ ставилось на видъ защитнику, что онъ не долженъ былъ стремиться вліять на чувства судей, не имѣвшихъ по закону полеваго судопроизводства даже права допускать смягчающія обстоятельства и поставленнаго между дилемою оправданія или присужденія къ смертной казни.

Редакціонная статья *Московскихъ Вѣдомостей* [3]), не вполнѣ раздѣляя точку зрѣнія автора письма, однако сочла нужнымъ указать на существованіе двухъ типовъ адвокатуры—француз-

---

[3]) 1866 г., № 13.

ской и англійской. Отдавши всѣ свои симпатіи послѣдней, отличающейся дѣловитостью и свободой отъ риторики, статья приходила къ заключенію, что наша адвокатура должна бы идти по стопамъ англійской, способствовать правильному приложенію закона. Нельзя, однако, не замѣтить, что совершенно упускались изъ виду въ этихъ нотаціяхъ условія дѣятельности англійскаго суда и военно-полеваго суда. Тогда какъ первый отъ смертной казни можетъ переходить почти къ полному оправданію, полевой судъ не можетъ дать снисхожденія. Къ чему же при такихъ условіяхъ сводится роль защиты?

II.

Въ 1865 году было еще нѣсколько гласныхъ процессовъ военно-полеваго суда, но мы касаться ихъ не будемъ и перейдемъ къ гласности въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ она введена была закономъ 11-го октября 1865 г., и изъ явленія случайнаго превратилась въ правильное, постоянное.

Когда въ правительственныхъ сферахъ окончательно воспреобладала мысль о невозможности одновременнаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 во всей Европейской Россіи, то тогда же было признано необходимымъ хоть нѣсколько обновить и освѣжить прогнившее зданіе стараго суда. Съ этою цѣлью было рѣшено ввести въ нашъ старый процессъ нѣкоторые элементы судебной реформы, и въ томъ числѣ устность и гласность. Таковы мотивы, приведшіе къ изданію такъ-называемыхъ «облегчительныхъ» правилъ 11-го октября 1865 г., дѣйствующихъ и понынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ не открыты еще новые суды.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ были разосланы министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ составленныя имъ правила о порядкѣ допущенія постороннихъ лицъ къ присутствію при докладѣ въ судебныхъ мѣстахъ. Содержаніе этихъ правилъ таково. Предсѣдатель судебнаго мѣста, соображаясь съ обширностью и удобствомъ помѣщенія, опредѣляетъ, какое число лицъ можетъ быть допущено въ присутственную комнату, о чемъ вывѣшивается объявленіе въ пріемной комнатѣ. Публика допу-

скается по билетамъ или безъ билетовъ, по усмотрѣнію предсѣдателя. До чего былъ великъ страхъ предъ новымъ обрядомъ гласности, можно судить по тому, что предсѣдателю предоставлялось для предупрежденія безпорядковъ требовать отъ публики, получающей билеты, росписки въ книгѣ.

Съ октября 1865 года сталъ функціонировать *впервые нашъ гласный судъ* гражданскаго вѣдомства. Въ этотъ день происходило въ Петербургѣ засѣданіе первыхъ трехъ департаментовъ сената въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и его товарища Н. И. Стояновскаго. Первыми опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое засѣданіе общаго собранія явилось «наибольшее число лицъ», а это число было 20, въ другихъ департаментахъ бывало отъ 5 до 10. Впрочемъ, и число мѣстъ, отведенныхъ для публики, было крайне ограничено; такъ, въ общемъ собраніи было всего 20 мѣстъ.

Журналъ Министерства Юстиціи, какъ бы недоумѣвая предъ равнодушіемъ публики, старался объяснить его недостаточнымъ знакомствомъ публики съ открытіемъ гласнаго суда [1]). И дѣйствительно, въ послѣдующіе дни число посѣтителей въ департаментахъ с.-петербургской уголовной палаты доходило до 70, а въ харьковской палатѣ дошло до 300. Вообще, въ провинціи гласное судопроизводство произвело, повидимому, большую сенсацію, благодаря пустотѣ провинціальной жизни... Такъ, изъ Екатеринослава писали въ *Журналъ Министерства Юстиціи*, что 1-го декабря, когда слушалось одно интересное дѣло, посѣтителей собралось такъ много, что должны были отворить дверь въ переднюю, чтобы могли слушать столпившіеся тамъ посѣтители (въ томъ числѣ и дамы), и многіе должны были возвратиться по недостатку мѣста...

Первыя адвокатскія рѣчи произвели благопріятное впечатлѣніе. Оффиціальный *Журналъ Министерства Юстиціи* констатировалъ фактъ, что наша адвокатура не впадаетъ въ недостатки французской и приближается къ англійскому образцу, заботясь о дѣльности рѣчей, а не о цвѣтахъ краснорѣчія.

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1865 г., № 9, стр. 203.

На подсудимыхъ гласное судоговореніе производило довольно сильное впечатлѣніе. Въ противоположность вышеприведеннымъ образчикамъ упрямаго запирательства на военно-полевомъ судѣ, предсѣдатель екатеринославской уголовной палаты свидѣтельствуетъ, что «хотя подсудимые и утверждали прежнія показанія, но въ отвѣтахъ ихъ замѣтны были нерѣшительность и и смущеніе, при чемъ они искоса посматривали на публику» [5]).

Первые шаги гласности произвели на общество глубокое впечатлѣніе. Какъ ни несовершенны были формы нашего стараго судопроизводства, все же оно нѣсколько улучшилось подъ освѣжающихъ вліяніемъ гласности. Съ первыхъ же мѣсяцевъ стало замѣтно ускореніе движенія дѣлъ; исконное недовѣріе къ суду, навѣянное канцелярскою тайною, стало ослабѣвать; послѣ рутины, буквоѣдства и жестокости стали проникать въ судъ болѣе здравыя и гуманныя начала. Словомъ, преимущества гласнаго судопроизводства сразу и наглядно для всѣхъ обнаружились, и русское общество съ радостнымъ нетерпѣніемъ стало ожидать открытія *настоящаго* гласнаго суда, которое уже было не за горами...

5) *Журналъ Министерства Юстиціи,* 1865, № 12, стр. 337.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда".

(Справка къ 17-му апрѣля 1866—91 гг.).

Всякій чувствуетъ, что безъ новаго суда невозможна никакая безопасность, и всякій ожидаетъ его, какъ манны небесной.

А. В. Никитенко.

I.

Съ утвержденіемъ образцовыхъ [1]) Судебныхъ Уставовъ самая главная задача судебной реформы была разрѣшена. Оставалось обсудить порядокъ ихъ введенія въ дѣйствіе. Несмотря на сравнительно второстепенное значеніе этой второй стадіи дѣла, она заняла довольно много времени—безъ малаго годъ,—что̀ особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что сами Судебные Уставы составлены были почти въ $2^1/_2$ года (январь 1862—

---

[1]) Читалъ, заноситъ 5-го декабря 1864 г. въ свой дневникъ проф. Никитенко, 5-го декабря 1864 г., обнародованные на дняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшаго круга, непосредственно соприкасающихся съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это *безсмертное* дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія (Русск. Стар., 1891, № 5, стр. 420).

ноябрь 1864 г.). При обсужденіи означеннаго вопроса о порядкѣ введенія судебной реформы пришлось считаться съ практическими затрудненіями и возраженіями, подъ которыми, впрочемъ, лежало довольно важное теоретическое разномысліе.

Одно направленіе — представителемъ его былъ предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ—высказывалось за одновременное и повсемѣстное введеніе судебной реформы, но съ постепеннымъ увеличеніемъ состава судовъ; другой взглядъ—представителемъ его былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ—высказывался за введеніе реформы, въ видѣ опыта, въ одномъ или въ двухъ округахъ, но въ полномъ объемѣ.

Императоръ Александръ II, заслушавъ оба мнѣнія въ совѣтѣ министровъ, повелѣлъ 12-го января 1865 года для выработки окончательнаго плана введенія судебной реформы образовать коммиссію подъ предсѣдательствомъ того же В. П. Буткова, который стоялъ во главѣ коммиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ [1]). Въ составъ этой *второй* Бутковской коммиссіи вошли знаменитые дѣятели судебной реформы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, а также юристы: П. А. Зубовъ, Я. Г. Есиповичъ, М. Е. Ковалевскій, О. И. Квистъ, Н. Г. Принтцъ, Г. К. Рѣпинскій и А. А. Книримъ.

На дѣятельности коммиссіи отразилось дѣйствіе обычнаго въ нашей государственной и общественной жизни явленія: послѣ кратковременнаго лихорадочнаго возбужденія, поражающаго иной разъ громадными своими результатами, наступаетъ быстрое охлажденіе, упадокъ энергіи, если не преждевременное разочарованіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Члены коммиссіи относились съ полнымъ сочувствіемъ къ либеральнымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ, но относительно времени и порядка введенія ихъ мнѣнія раздѣлились на двѣ группы—на радикальную и умѣренную.

Къ послѣдней принадлежало большинство коммиссіи, и оно отстаивало мнѣніе министра юстиціи Д. Н. Замятнина, который считалъ, въ виду новости дѣла, возможнымъ лишь постепенное

[1]) См. т. LXV „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ № 12. стр. 12 и слѣд.

введеніе Уставовъ въ видѣ опыта, начавъ съ столичныхъ судебныхъ округовъ. Меньшинство же (въ составъ его входили: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, О. И. Квистъ) полагало необходимымъ единовременное введеніе новыхъ Судебныхъ Установленій на всей территоріи Европейской Россіи, съ тѣмъ чтобы персоналъ ихъ пополнялся постепенно, по мѣрѣ накопленія дѣлъ въ судебныхъ округахъ.

Считая невозможнымъ передавать всѣ подробныя соображенія, приведенныя обѣими сторонами въ пользу ихъ плана, познакомимъ съ нѣкоторыми доводами меньшинства. Стремленіе къ опыту, говоритъ оно, положительно вредно, какъ потому, что въ настоящее время не опытъ нуженъ, а введеніе Уставовъ въ дѣйствіе, такъ и потому, что опытъ, устроенный на невѣрныхъ началахъ, приводитъ къ фальшивымъ выводамъ и пагубнымъ результатамъ. Судебные Уставы это — цѣльная, живая органическая сила, которая можетъ обнаружить свое значеніе и желаемое дѣйствіе только въ цѣльной, а не въ разрозненной части Россіи. При опытѣ въ разрозненныхъ мѣстностяхъ можно придти къ отмѣнѣ если не всего лучшаго, что есть въ Уставахъ, то многаго. Если по финансовымъ соображеніямъ нельзя повсемѣстно ввести Судебные Уставы, то, по мнѣнію меньшинства, лучше бы вовсе отложить введеніе ихъ.

На самомъ дѣлѣ финансовыя соображенія, повидимому, служили лишь благовиднымъ флагомъ, подъ которымъ скрывалось скорѣе преждевременное охлажденіе къ судебной реформѣ, подъ вліяніемъ реакціи, наступившей у насъ послѣ событій 1863 г. [3]). На это указываетъ прежде всего то обстоятельство, что при осуществленіи плана меньшинства требовался расходъ гораздо меньшій, нежели тотъ, который былъ предположенъ государственнымъ совѣтомъ въ 1862 г., при разсмотрѣніи основныхъ

[3]) 17-го іюня 1865 г. акад. Никитенко, въ числѣ другихъ признаковъ реакціи, отмѣчаетъ въ дневникѣ: говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда. Всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее какъ *манны небесной*. Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти изъ своихъ рукъ (Русск. Стар., 1891, № 6, стр. 652).

началъ судебной реформы. Въ 1862 г. совѣтъ находилъ, что на судебную реформу можно ассигновать до 9 милліоновъ, и разсуждалъ такъ: «*никакая цифра* не должна останавливать введенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія, безусловная важность и безотлагательная потребность котораго не подлежитъ сомнѣнію и давно уже признана правительствомъ» [4]); а въ 1865 г. даже проектируемый трехмилліонный расходъ на открытіе встрѣчалъ возраженіе. Что въ данномъ случаѣ главную роль игралъ именно страхъ передъ «радикализмомъ» [5]) судебной реформы, «предъ невозможностью справиться съ учрежденіями, заимствованными изъ иностранныхъ законодательствъ», это видно также и изъ заключенія министра финансовъ Рейтерна, который наряду съ финансовыми затрудненіями и чуть не съ большею настойчивостью указывалъ на затруднительность пріисканія достаточнаго числа лицъ даже для замѣщенія судебныхъ должностей въ двухъ округахъ [6]).

Въ виду этого меньшинство коммиссіи сочло себя вынужденнымъ еще разъ коснуться тѣхъ возраженій, которыя приводились раньше, въ 1862 г., противъ плана о радикальной судебной реформѣ и устранены были тогда же. Противъ довода, что общество не подготовлено, приводилось слѣдующее соображеніе: если законодательныя предположенія правильны, то они *благовременны:* трудно думать, чтобы люди гдѣ-нибудь и когда-нибудь были приготовлены къ дурному и были не зрѣлы для хорошаго. Разумный законъ, разсуждаетъ меньшинство, никогда не сдѣлаетъ зла. Можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и

---

[4]) См. т. XIX „Дѣло о преоб. суд. част., Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г., № 65, стр. 336—367.

[5]) Многіе думаютъ, писалъ М. Н. Катковъ, въ защиту радикализма, что правило благоразумія требуетъ не *вдругъ* заводить хорошее, но по немножку, по частямъ; такъ, наприм., вполнѣ признавая необходимость реформы судоустройства, не споря о преимуществѣ гласности и другихъ началъ раціональнаго судопроизводства, иные думаютъ, что вводить ихъ можно по частямъ. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Важны не разстроенныя части системы, важенъ жизненный духъ ея, важны ея начала (Русск. Вѣстн. 1860, № 2).

[6]) См. т. *LXIX* н. д., стр. 36, оконч. сообр. коммиссіи.

даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ же глубоко пуститъ свои корни (какъ извѣстно, эта оптимистическая вѣра вполнѣ оправдалась, въ особенности относительно суда присяжныхъ) и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства.— Иные патріоты даже въ наше время поднимаютъ на смѣхъ этотъ «оптимистическій и идеалистическій» взглядъ и съ ироніею указываютъ на невозможность примѣненія современнаго европейскаго строя къ «дикарямъ» Дагестана [7]). Но «легкомысленные» либералы судебной реформы не были такими плохими патріотами, чтобы русскій народъ приравнивать къ «дикарямъ».

Опасеніе затрудненій въ приложеніи Судебныхъ Уставовъ,— говорили ихъ составители,—неосновательно, такъ какъ Уставы эти основаны на началахъ, выработанныхъ не одною только теоріею, но и опытомъ *всего образованнаго человѣчества*. Опасеніе непримѣнимости этихъ началъ къ нашей общественной жизни столь же немыслимо, какъ и сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ *общечеловѣческія способности и потребности* [8]).

Затѣмъ, переходя къ обсужденію вопроса, дѣйствительно ли невозможно повсемѣстное введеніе судебной реформы по неимѣнію финансовыхъ средствъ и достаточнаго подготовленнаго персонала юристовъ, меньшинство высказываетъ слѣдующія соображенія.

Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія, составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому, если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денегъ нѣтъ, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій, а доказательство ихъ необходимости.

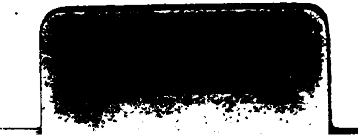
---

7) См. „Очерки современной Россіи“, стр. 402.

8) См. н. д., т. LX. Сообр. комм., стр. 34.

Недостатокъ людей еще менѣе можетъ, разсуждало меньшинство остановить правильныя предположенія преобразованія судебныхъ мѣстъ. Законы не могутъ создавать людей, но тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы эти такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣстными людьми, то люди не исполняютъ законовъ, а потому, если возраженія о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно приводится, т. е., что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованія законовъ становятся необходимыми, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ; слѣдовательно, и это возраженіе составляетъ также не возраженіе, а доказательство необходимости преобразованія судоустройства въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы по этому предмету считаются по какой-либо причинѣ недостаточными. Притомъ не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Изъ окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ правовѣдѣнія состоятъ на службѣ 435 юристовъ. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ, что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства. Но если судебная часть получитъ организацію, достойную ея важнаго назначенія, и если служба по судебному вѣдомству, какъ того требуетъ справедливость и польза, будетъ имѣть особенныя преимущества, то не подлежитъ сомнѣнію, что число образованныхъ юристовъ, желающихъ служить на томъ поприщѣ, къ которому они преимущественно приготовлялись въ училищахъ, будетъ весьма достаточно для преобразованія судебной части.

Мнѣнія большинства и меньшинства Бутковской коммиссіи были переданы на заключеніе министровъ, сенаторовъ и оберъ-

прокуроровъ и спеціалистовъ, знакомыхъ теоретически и практически съ процессомъ [9]). Среди *практиковъ* многіе одобряли мнѣніе меньшинства.

При окончательномъ обсужденіи вопроса было одобрено государственнымъ совѣтомъ мнѣніе большинства Бутковской коммиссіи и такимъ образомъ рѣшено было ввести Судебные Уставы сначала въ с.-петербургскомъ и московскомъ судебномъ округахъ (въ 10 губерніяхъ), съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ Европейской Россіи открыть новые суды въ теченіе четырехъ лѣтъ (на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, даже теперь, къ двадцатипятилѣтію, не осуществлено это намѣреніе). Что касается вопроса объ отдѣльномъ введеніи мировыхъ установленій, то въ государственномъ совѣтѣ возникло разногласіе: 17 членовъ [10]) полагали возможнымъ ввести ихъ въ 19 губерніяхъ, 24 [11]) признавали такое частичное введеніе неудобнымъ.

II.

19-го октября 1865 г. было Высочайше утверждено Положеніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ двухъ судебныхъ округахъ — с.-петербургскомъ и московскомъ. Тотчасъ послѣ обнародованія Положенія начались въ министерствѣ юстиціи, подъ высшимъ наблюденіемъ министра Д. Н. Замятнина и при дѣятельномъ участіи товарища его Н. И. Стояновскаго, обширныя и разнообразныя подготовительныя работы по открытію новыхъ судебныхъ установленій. Предстояла масса кропотливой и хлопотливой работы по ликвидаціи старыхъ судовъ и по устройству внутренняго быта новаго суда. Въ теченіе по-

---

[9]) См. т. LXIII Дѣла о преоб. суд. части.

[10]) Кн. Гагаринъ, гр. Сумароковъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Горчаковъ, Брокъ, Мятлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, Назимовъ, Тымовскій, Платоновъ, Мухановъ, гр. Толстой, Гернгроссъ.

[11]) Великій князь Константинъ Николаевичъ, гр. Клейнмихель, бар. Н. Корфъ, гр. Строгановъ, Танѣевъ, Гасфортъ, Литке, гр. Панинъ, Плаутинъ, гр. Муравѣевъ 2-й, гр. Муравьевъ-Амурскій, Игнатьевъ, кн. Суворовъ, бар. Ливенъ, Толстой, Д. Милютинъ, Валуевъ, Рейтернъ, Татариновъ, Н. Милютинъ, Замятнинъ, Граббе, Герстфельдъ, Мезенцевъ.

лугода въ департаментѣ министерства юстиціи (директоромъ въ это время былъ бар. Врангель, вице - директоромъ Б. Н. Хвостовъ) кипѣла работа, можно сказать, день и ночь. Министерство озабочено было не только пріисканіемъ персонала для замѣщенія массы новыхъ судебныхъ должностей и приспособленіемъ зданій для помѣщенія судовъ, но и выработкой мелочныхъ, но необходимыхъ правилъ канцелярскаго распорядка, изготовленіемъ формы дѣлопроизводства, составленіемъ рисунковъ знаковъ для должностныхъ лицъ и даже составленіемъ руководствъ по русской стенографіи [12]).

Немало было затрудненій, какъ это ни кажется страннымъ, по пріисканію приличнаго зданія для новаго суда въ самомъ Петербургѣ. Въ этомъ по преимуществу «казенномъ» городѣ оказалось крайне труднымъ найти и приспособить зданіе для петербургскаго окружнаго суда и судебной палаты. Были толки о приспособленіи зданія Синода, инженернаго замка, и проч., но, наконецъ, Д. Н. Замятнинъ остановился на неуклюжемъ зданіи стараго арсенала на Литейномъ. Архитекторъ Шмидтъ взялся приспособить зданіе, и всю зиму 1865 года работы продолжались безостановочно, и даже ночью работали при электрическомъ освѣщеніи. Выборъ былъ не изъ очень удачныхъ, но при данныхъ обстоятельствахъ ничего нельзя было лучше придумать, во избѣжаніе затянуть открытіе новаго суда. Въ Москвѣ было приспособлено монументальное зданіе сената, въ губернскихъ же городахъ, куда лично ѣздилъ Д. Н. Замятнинъ, пришлось довольствоваться старыми зданіями присутственныхъ мѣстъ, въ общемъ очень старыми и неудобными [13]).

---

[12]) Какое большое значеніе придавалось этому вопросу, явствуетъ изъ того, что сначала министерство юстиціи сносилось по этому предмету съ дрезденскимъ стенографическомъ Обществомъ, а потомъ была образована, согласно Высочайше утвержденному Положенію Совѣта министровъ, спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа И. Д. (нынѣ графа) Делянова. Она объявила конкурсъ за лучшее руководство къ русской „быстрописи“ или „краткописи“ и признала нужнымъ ввести преподаваніе стенографіи въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ и открыть публичные курсы. См. *Журн. Мин. Юстиціи* 1865 г., № 11, стр. 257—259.

[13]) См. подробности въ моей „Страницѣ изъ исторіи судебной реформы“

Другой вопросъ, вопросъ несравненно большей важности — это было назначеніе на судебныя должности. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ творцевъ Судебныхъ Уставовъ. Чтобы не откладывать реформу въ долгій ящикъ, они рѣшились даже на исключительную мѣру, и предлагали въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ лишить судей прерогативы несмѣняемости. Но государственный совѣтъ имѣлъ дальновидную проницательность сообразить, что отмѣна несмѣняемости, *именно въ первые годы*, можетъ совершенно исказить молодое учрежденіе, и отвергъ проектированное ограниченіе [14]). Министру юстиціи приходилось, такимъ образомъ, дѣлать выборы крайне отвѣтственные, безповоротные и почти предрѣшавшіе судьбу великаго начинанія. Затруднительность положенія Замятнина увеличивалась тѣмъ, что нужно было сразу, одновременно найти кандидатовъ на огромное число должностей: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей и ихъ товарищей, 144 члена палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, Замятнинъ лишенъ былъ того драгоцѣннаго подспорья, которое даетъ ст. 213 учр. суд. уст. въ видѣ рекомендаціи судебныхъ коллегій на открывшуюся вакантную должность. Замятнинъ съ честью вышелъ изъ своего крайне затруднительнаго и щекотливаго положенія.

Чтобы удачно выполнить свою трудную миссію, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ отступить отъ административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числомъ лѣтъ сидѣнья на одномъ мѣстѣ, или «протекціей». Замятнинъ взялъ другой критерій: личныя дарованія, основательное знакомство кандидатовъ съ юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство съ ними и близкое наблюденіе надъ ихъ дѣятельностью. Съ этою цѣлью онъ часто посѣщалъ судебныя мѣста и внимательно слѣдилъ за гласнымъ судоговореніемъ, которое съ конца 1865 г. уже открыто было въ старыхъ судахъ [15]),

---

М. 1883 г., гл. VI, а также: въ статьѣ сенатора д-ра А. Ѳ. Кони *(Книжка Недѣли)* 1892, № 3). „Новые мѣхи и новое вино“, въ живомъ очеркѣ передающей исторію устройства новаго суда и его первыхъ дебютовъ.

[14]) См. т. LXVIII, Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

[15]) См. объ обстоятельствахъ, при коихъ состоялось назначеніе пер-

обозрѣвалъ дѣлопроизводство, и пр. Въ общемъ благодаря этому новому методу, Замятнинъ подобралъ такой блестящій персоналъ перваго назначенія [16]), который и раньше и теперь вызываетъ всеобщее удивленіе и признательность. Память объ этихъ первыхъ благородныхъ піонерахъ суда «праваго и милостиваго» до сихъ поръ живетъ въ памяти новаго суда.

Откуда явилось столько талантливыхъ и честныхъ людей, сразу сумѣвшихъ освоиться съ новыми незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дѣло и судейское званіе такъ, что вчерашній тайный продажный судъ казался чѣмъ-то страшно отдаленнымъ, преданіемъ старины глубокой. Кромѣ высокихъ нравственныхъ качествъ удачно подобраннаго персонала, тутъ очень много значила *школа*, созданная судебною реформой, и тотъ духъ уваженія къ честной независимости судьи и къ его достоинству, которыми проникнуты Судебные Уставы. По справедливому замѣчанію одного изъ публицистовъ того времени, а именно Каткова, «различіе между старыми и новыми судами заключалось въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ; *великое учрежденіе* тѣмъ и бываетъ велико,—говорилъ тотъ же публицистъ,—что *создаетъ* людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ новое начало» [17]).

Судебная реформа доказала, — говорилъ *Вѣстникъ Европы* вскорѣ послѣ открытія новыхъ судебныхъ установленій, — что наше общество не такъ безлюдно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ называемое безлюдье бываетъ часто не что иное, какъ *отсутствіе возможности для людей честнаго характера и прямаго ума обнаружить свою дѣятельность?* Намъ нерѣдко говорятъ: «вы

ваго предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Г. Н. Мотовилова, *Жур. Граж. и Угол. Права,* 1881, № 6.

[16]) Списокъ напечатанъ въ приложеніи къ названной книгѣ моей. Страница и пр. Въ названной статьѣ сенатора Кони имѣются и мѣткія характеристики первыхъ судебныхъ дѣятелей.

[17]) См. *Моск. Вѣд.,* 1866 г., № 273.

будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть», между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ [18]).

III.

Трудныя и сложныя приготовленія были окончены, и на 17-е апрѣля, день рожденія покойнаго Государя, было назначено открытіе въ Петербургѣ *первыхъ* судебныхъ установленій новаго образца. Въ виду печальнаго событія 4-го апрѣля 1866 г. сначала предполагалось отложить торжество открытія новаго суда, но впослѣдствіи рѣшено было держаться первоначальной программы.

14-го апрѣля покойный Государь посѣтилъ только что оконченное зданіе новаго суда на Литейномъ проспектѣ. Замятнинъ представилъ Государю вновь назначенный судебный персоналъ, къ которому на прощанье Онъ обратился съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. И такъ, въ добрый часъ начинайте благое дѣло». Освященіе зданія судебныхъ установленій происходило 16-го апрѣля, а торжественное открытіе 17-го апрѣля. По описанію тогдашнихъ газетъ, торжество сопровождалось неблагопріятными метеорологическими ауспиціями: въ этотъ день въ Петербургѣ стояла отвратительная погода—съ утра дулъ холодный вѣтеръ, и шелъ снѣгъ и дождь; вскрывшаяся передъ тѣмъ Нева покрылась тонкимъ слоемъ льда [19]).

Въ половинѣ втораго, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, собрались въ зданіи новаго суда послы, члены государственнаго совѣта, сенаторы и новый судебный персоналъ. Товарищъ министра юстиціи, Н. И. Стояновскій, прочелъ Высочайшія повелѣнія 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ от-

---

[18]) С. *Вѣстникъ Европы,* 1866 г., № 4.
[19]) См. *Моск. Вѣд.,* 1866 г., № 83.

крытіи судебныхъ установленій, директоръ департамента, бар. Врангель—списокъ лицъ, назначенныхъ на судебныя должности, и списокъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятининъ,—провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ суденымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ, — продолжалъ ораторъ, — что чѣмъ выше благо, тѣмъ бóльшія оно налагаетъ обязанность и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія,—продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона; когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ *равную* защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и *равное* противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза передъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями,* вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будетъ взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

„Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на за-

щиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять, — сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе" [20]).

Открытіе новаго суда было встрѣчено восторженнымъ сочувствіемъ со стороны общества и печати. С.-Петербургская дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ своемъ, между прочимъ, писала: «открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія».

Чтò касается печати, то она въ стихахъ и въ прозѣ привѣтствовала радостное событіе, «долженствовавшее положить ясную черту между настоящимъ и грядущимъ» [21]). Старый литераторъ на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ, въ клубѣ художниковъ, 17-го апрѣля въ честь открытія новаго суда, Ѳ. А. Кони, привѣтствовалъ это событіе въ слѣдующихъ стихахъ:

На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностный стратигъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта—
Онъ боли русскія постигъ,
И порѣшилъ въ умѣ державномъ.
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ.
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

---

[20]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1866 г., № 4.
[21]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 156.

* * *

„Намъ рано, рано!“ въ злобѣ страстной
Кричалъ, испуганъ барства цвѣтъ...
— Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ.
Махнулъ рукой своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!
Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кликъ восторга превратилъ;
Снялъ узы рабства съ милліоновъ.
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободной мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ Царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуютъ села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ,
И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

IV.

Лучшая часть политической прессы, безъ различія оттѣнковъ, съ нескрываемымъ восторгомъ привѣтствовала въ введеніи Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе зарю «обновленія Россіи» и водвореніе въ ней порядковъ, благодаря которымъ «становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной» [22]). «Одно изъ самыхъ необходимыхъ условій и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи,—писали *Моск. Вѣд.* въ разъясненіе значенія новаго суда,—есть правильное судебное устройство, и его *впервые* получаетъ Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, *не способна* ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи *варварства и безсилія;* все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ *прежде всего* идею *законности* и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Законность же и право становятся дѣйствительностью, гдѣ судъ есть *сила независимая* и *самостоятельная. Только* съ точки

---

[22]) См. *Моск. Вѣд.,* 1866, № 198.

зрѣнія *новаго* судебнаго преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ, которое не замедлитъ отозваться *во всемъ*... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій: какъ тонкая стихія, она *разольется повсюду* и всему дастъ новое значеніе, новую силу. Судъ, отправляемый публично и *при участіи присяжныхъ*, будетъ *живою общественною силою*. Судъ, независимый и сомостоятельный, *не подлежащій административному контролю*, *возвыситъ и облагородитъ общественную среду*, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости сообщится и *всѣмъ проявленіямъ* общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, чтò называется законною свободою и обезпеченіемъ права» будетъ ужъ *не словами*, а дѣломъ»...

«Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ чтò предоставляется живущему нынѣ поколѣнію *утвердить и ввести въ силу*» [23]).

Выполнило-ли современное открытію новаго суда поколѣніе это свое благородное назначеніе, и если не выполнило, то какія были къ тому препятствія? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ статьяхъ той же газеты, наглядно указывающихъ на неблагопріятныя условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать новымъ судебнымъ учрежденіямъ. «Новый вступающій въ жизнь порядокъ,—заявляла газета М. Н. Каткова,—встрѣчается съ старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно. Новые порядки должны сталкиваться съ старыми [24]), которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ

---

23) См. *Моск. Вѣд.*, 1866. № 86.

24) Еще въ 1884 г. акад. Никитенко писалъ: новые законы (Судебные Уставы) сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно отъ этого приходить въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву. (Русск. Стар., 1891, № 5, стр. 420).

исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое должно оказать дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія [25]), попытки, — меланхолически замѣчала газета,—подорвать силу новаго порядка. Такъ вездѣ (?) и всегда (??) *бываетъ* [26]).

Когда это предусмотрительное опасеніе стало оправдываться, и уже осенью 1866 г. стали обнаруживаться «покушенія подорвать силу» новыхъ судебныхъ порядковъ (ограничить гласность и независимость суда), *Московскія Вѣдомости* отвѣтили цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ по искренности и убѣдительности статей [27]) направленныхъ противъ враговъ судебной реформы, «при-

---

[25]) Сравнивая формы дѣятельности суда и администраціи, та же газета писала: „покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣреннно на одной, хотя, и большой своей дорогѣ, *не дерзая* отступать отъ опредѣленій закона, у администраціи будутъ въ распоряженіи *тысячи проселочныхъ* путей, на которыхъ онъ можетъ дѣйствовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію“ (*Моск. Вѣд.,* 1865 г., № 92).

[26]) *Моск. Вѣд.,* 1866 г., №№ 146 и 198.

[27]) Акад. Никитенко, отмѣчая съ сочувствіемъ борьбу М. Н. Каткова въ Валуевымъ и вообще съ администраціею изъ-за новаго суда, приводитъ массу фактовъ въ подтвержденіе крайне враждебнаго отношенія администраціи къ новому суду. Главная задача гр. П. А. Шувалова (шефа жандармовъ) и П. А. Валуева, (мин. внутр. дѣлъ), пишетъ онъ еще осенью 1867 г., подорвать суды, т. е. взять ихъ *подъ опеку администраціи*. Онъ же передаетъ, что Валуевъ отстоялъ *Вѣсть*, гдѣ была напечатана по его заказу (sic) статья, обвиняющая суды въ революціонныхъ стремленіяхъ (Русс. Стар., 1891, № 8, стр. 575 и 577). Особенное ожесточеніе противъ суда вызвало оправданіе чиновника Протопопова, обвиненнаго въ нанесеніи удара начальнику своему гр. Кешкулю (см. „Итоги Прошлаго“, К. Ф. Хартулари, Спб., 1891, стр. 3 и слѣд.), и признаннаго душевно-больнымъ. Несмотря на это, Валуевымъ и друг. дѣлались большія усилія, чтобы добиться кассаціи вердикта (Русск. Стар., 1891, № 10, стр. 169—170). Въ 1867 г. самъ Никитенко отправляетъ обязанности присяжнаго и выноситъ самое лучшее впечатлѣніе изъ суда. Прокуроръ въ бесѣдѣ съ нимъ съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ (Русс. Стар., 1891, № 10, стр. 179 180).

нимающихъ *личину консерватизма*». «*Все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго*, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго на Руси новаго порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмѣна крѣпостнаго права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ былъ только формою *безъ сущности*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій *намекъ*, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей, чтобы изъ него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше судебное преобразованіе должно вывести на *новые* пути, дабы Россія могла держаться *достойнымъ образомъ среди другихъ націй*, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? *Правда ли*, вопрошалъ Катковъ, употребляя любимую Герценовскую фигуру, что это *всеоживляющее*, *всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества,—начало, безъ котораго ничто не *можетъ правильно и плодотворно развиваться*, *ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія*, ничто не можетъ быть обезпечено отъ обмановъ и злоупотребленій; *правда ли*, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только *мерцаніе*, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть? *Правда ли*, что въ настоящее время положены основы и независимой судебной власти; *правда ли*, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право, и *весь народъ* привлекается къ дѣйствительному участію въ правосудіи? Есть ли это дѣйствительность или это только *фантомъ?* Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною, или она поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда?»

«Одно мы считаемъ себя въ правѣ сказать,—заявляетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же М. Н. Катковъ:—уже и теперь великая (судебная) реформа вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, какія на нее возлагались, *и лучшія пожеланія русскаго патріота* состоятъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней, чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь

въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ *общимъ* духомъ новой системы» [28]).

Трудно было рельефнѣе, краснорѣчивѣе и искреннѣе выразить сущность новаго суда и тѣхъ враждебныхъ условій, которыя окружали его дѣятельность!...

Объ этихъ условіяхъ трактовала и газета *Голосъ*. Въ статьѣ, появившейся 17-го апрѣля 1886 г., *Голосъ*, назвавъ судебную реформу «изведеніемъ русскаго нароса изъ юридической неволи», писалъ, между прочимъ: «можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхо-завѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прошлымъ отъ честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ему правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, придется пространствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ и *опять поклониться золотому тельцу*, котораго такъ долго обожали. Но что за дѣло? Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни» [29]).

Всѣ эти болѣе или менѣе мрачныя предсказанія сбылись: блужданіе по «пустынѣ промаховъ» началось скоро и продолжалось долго и длится вплоть до нашихъ дней. По ироніи судьбы впереди всѣхъ въ операціи «выниманія камней изъ зданія новаго суда» оказался впослѣдствіи въ своихъ нападкахъ на новый судъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ публицистовъ М. Н. Катковъ, когда-то самый горячій поборникъ судебной реформы.

Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ для новаго суда времени. Новый судъ, судъ правый и милостивый, очутился подъ немилостивымъ судомъ его недавнихъ друзей, въ положеніи травимаго краснаго звѣря. Въ защиту принциповъ новаго суда раздавались отдѣльные голоса. Въ числѣ ихъ нельзя не вспомянить съ признательностью авторитетный, честный голосъ И. С. Аксакова: «Съ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки *Московскихъ Вѣдомостей*,—писалъ онъ въ 1884 году,—прочія газеты и га-

---

28) *Моск. Вѣд.,* 1866, № 263.
29 *Голосъ,* 1866, № 105.

зетки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: «ату его! ату!» глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ—какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ... Кричатъ и голосятъ о нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, — съ грустью указывалъ Аксаковъ,—и молчатъ о *десяткахъ тысячъ* рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей такъ *еще недавно неправосудной землѣ!* Забываютъ и объ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ тружениковъ».

Указавъ въ заключеніе на десятки тысячъ дѣлъ, ежегодно рѣшаемыхъ присяжными, Аксаковъ заканчиваетъ свою горячую и честную отповѣдь недобросовѣстнымъ врагамъ новаго суда слѣдующими словами, которыя особенно кстати вспомнить нынѣ: «И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ *корыстью*. Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли заплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость—все вернется, и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!» [30]).

Объ этомъ пророческомъ предостереженіи честнаго публициста, близко знакомаго съ нашими дореформенными порядками, не безполезно вспомнить и современнымъ ослѣпленнымъ врагамъ новаго суда.

---

[30]) Полное собраніе сочиненій Аксакова т. IV, стр. 664.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 23 му апрѣля 1866—1896 гг.)

I.

23-го апрѣля 1866 года, въ Московскомъ Кремлѣ, въ зданіи стараго сената, происходило большое торжество, за которымъ вся Москва слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ: то было оффиціальное открытіе въ монументальной Екатерининский залѣ «новаго гласнаго суда», московскихъ судебныхъ установленій. Прежде, чѣмъ излагать подробности торжества, нелишнее будетъ напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей до 1866 г. мѣстомъ для склада сначала казенной муки, а потомъ старыхъ дѣлъ военнаго министерства. Эта своеобразная метаморфоза составляетъ любопытную страничку изъ культурной исторіи недавняго прошлаго.

Зданіе сената въ Кремлѣ было построено въ 1787 г. знаменитымъ архитекторомъ Митр. Ѳед. Казаковымъ, и такимъ образомъ падаетъ ходящая въ публикѣ легенда, будто въ немъ и именно въ круглой залѣ происходили собранія депутатской Коммиссіи для составленія Уложенія, созванной Екатериною II въ 1767 г. [1]). Все зданіе сената, начиная отъ гранитнаго фунда-

---

[1]) См. статью г. Иванова въ *Чтеніямъ Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ* 1865 г.

мента и до самаго карниза, поражаетъ массивностью, солидною простотою линій и замѣчательною пропорціональностью частей. Но въ этомъ замѣчательномъ зданіи самое замѣчательное—ротонда или круглая зала, построенная въ подраженіе римскому пантеону. По красотѣ и гармоніи линій нѣтъ другой подобной ротонды ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, да и за границею найдется немного [2]). Вышина залы 13 саж. 1 арш., въ діаметрѣ 11 саж. $1^3/_4$ аршина. Поразительное впечатлѣніе производитъ богатая колоннада коринѳскаго стиля съ канелюрою, идущая вокругъ всей залы. Надъ колоннами хоры. Зданіе вѣнчаетъ огромный сводъ, осыпанный кассетонами, сведенными малъ-мала меньше къ большому вѣнку, охватывающему замокъ свода. Вокругъ свода надъ хорами 48 медальоновъ съ изображеніемъ россійскихъ государей [3]).

Но самое цѣнное украшеніе ротонды—это 18 превосходныхъ горельефовъ (работы нѣмцевъ Юсти и Таненберга), аллегорически изображающихъ важнѣйшія событія Екатерининскаго царствованія [4]), съ подписями, изъясняющими смыслъ ихъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Своею опасностью другихъ спасаетъ» (прививаніе Екатериною себѣ оспы), «Пустыни превращаетъ въ грады» (поселеніе въ Россіи колонистовъ, вызванныхъ изъ за границы). «Не дань, а законы пріемлетъ» (желаніе жить по сердцу народа). «И сѣверъ художества рождаетъ». «И вы подобно подвизаетесь» (награда военной доблести—учрежденіе ордена св. Георгія [5]). «Великому великая» (сооруженіе Петру В. памятника). «Погибавшихъ спасаетъ» (учрежденіе воспитательнаго дома). Укажемъ еще на одинъ горельефъ «Желаніе Россіи», имѣющій прямое отношеніе къ указанному выше торжеству, исполненія котораго ей пришлось ждать почти

---

[2]) Въ зданіи варшавской конторы государственнаго банка имѣется такая же ротонда, только она гораздо меньшихъ размѣровъ.

[3]) См. статью г. Рамазанова въ *Современной Лѣтописи* 1865 г., № 45.

[4]) Описаніе и объясненіе этихъ горельефовъ было сдѣлано г. Лебедевымъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1860 г., № 179.

[5]) Замѣтимъ, что, по ироніи судьбы, мѣста, занимаемыя извѣстными Струсбергомъ и Ландау во время процесса Ссуднаго банка, какъ разъ приходились подъ этою надписью.

сто лѣтъ. Горельефъ выражаетъ мольбу подданныхъ: даровать *правый судъ и человѣколюбивые законы* [6]).

Архитекторъ Аѳанасьевъ, реставрировавшій въ 1866 г. это монументальное зданіе, помѣстилъ въ *Нашемъ Вѣкѣ* статью, въ которой съ негодованіемъ указывалъ на то, что эта замѣчательная зала, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго искусства, была обращена сначала въ амбаръ для храненія нѣсколькихъ тысячъ кулей казенной муки, а потомъ въ архивъ старыхъ дѣлъ, полусъѣденныхъ мышами. Н. Ф. Павловъ, помѣщая эту статью, съ своей стороны выразилъ удивленіе по поводу вандальской метаморфозы, постигшей эту прекрасную ротонду. «Какимъ непонятнымъ процессомъ діалектики,—пишетъ Павловъ,—дошла человѣческая мысль до вывода, что великолѣпная зала съ барельефами не что иное, какъ самое удобное мѣсто для склада кулей муки или для храненія архивныхъ сокровищъ военнаго министерства; мы желали бы знать *имя* того человѣка, кто первый, войдя въ эту ротонду и окинувъ ее глазомъ, сказалъ: «Вотъ и прекрасно! Тутъ помѣстятся до 500,000 кулей муки!»...

Любопытство Павлова было удовлетворено: въ одной изъ газетъ того времени было указано имя этого человѣка. Это былъ извѣстный *Аракчеевъ* временщикъ при Александрѣ I извѣстный между прочимъ изобрѣтатель «военныхъ поселеній» и еще... особой манеры прогнанія сквозь строй (см. главу III). Аракчееву именно приписывается приведенная знаменитая фраза о 500,000 [7]) кулей муки!...

Вандальское обращеніе съ художественною ротондою продолжалось 50 слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1865 г. рѣшено было дать ей достойное ея красоты и гармоніи назначеніе—быть мѣстомъ отправленія гласнаго суда, суда праваго и милостиваго.

Приспособленіемъ зданія къ его новому благородному назначенію занимался академикъ-зодчій Аѳанасьевъ. Академикъ Аѳанасьевъ былъ командированъ за границу для подробнаго осмотра

---

6) *Современная Лѣтопись,* 1866, № 29.
7) *Современная Лѣтопись,* 1866, № 29.

лучшихъ тамошнихъ зданій «дворцовъ правосудія». Внеся въ дѣло то благородное воодушевленіе, которымъ проникнуты были всѣ лица, прямо или косвенно соприкасавшіяся съ великими освободительными реформами 60-хъ годовъ, имѣвшихъ цѣлью возрожденіе Россіи, Аѳанасьевъ необыкновенно быстро объѣхалъ важнѣйшіе города и приготовилъ весьма обстоятельный докладъ о результатахъ своей поѣздки.

Съ осени 1865 г. приступлено было къ работамъ по приспособленію стараго зданія сената для публичнаго судоговоренія и отправленія правосудія чрезъ представителей общественной совѣсти. Не смотря на холодъ, ненастье, работы продолжались безостановочно. Аѳанасьевъ, самъ проникнутый благоговѣніемъ къ выпавшей на его долю задачѣ поработать на пользу великаго дѣла, воодушевлялъ словомъ и примѣромъ и другихъ «къ скорому осуществленію благотворной мысли Монарха, взывающаго къ воцаренію правды и милости въ судахъ».

Къ веснѣ 1867 г. реставрація ротонды и ремонтъ сенатскаго зданія были окончены, и великолѣпная круглая зала предстала во всемъ своемъ величіи и красѣ, невольно соединяя во-едино память Основательницы этого зданія Екатерины II и Возобновителя Александра II. Отголоскомъ этого впечатлѣнія было пожеланіе, высказанное еще въ 1866 г., чтобы въ одной изъ двухъ нишъ была поставлена мраморная статуя Екатерины. «Въ другой же,—писалъ авторъ предложенія,—слѣдуетъ воздвигнуть мраморную статую... кому? Про то знаетъ чувство благоговѣйной признательности каждаго русскаго»... [8]).

Этому трогательному желанію увѣковѣчить мраморнымъ изваяніемъ память Творца новаго суда суждено было осуществиться впослѣдствіи, хотя и при другихъ и весьма печальныхъ обстоятельствахъ, служащихъ контрастомъ тому радостному и бодрому настроенію, которымъ встрѣчено было открытіе новаго суда. Изъ учрежденіи излюбленнаго и сосредоточивавшаго на себѣ самыя дорогія чаянія русскаго народа и общества, какимъ новый судъ былъ въ 60-хъ годахъ, онъ перешелъ въ 80-хъ годахъ въ разрядъ учрежденій только «терпимыхъ», но нежеланныхъ... Противъ

---

[8]) *Современная Лѣтопись*, 1865, № 45.

ниши, гдѣ находится портретъ Екатерины II, въ другой нишѣ былъ открытъ 23-го апрѣля 1884 г. мраморный памятникъ Александру II, сооруженный чинами судебнаго вѣдомства. О печальныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе памятника, можетъ дать понятіе статья, появившаяся въ этотъ день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Усмотрѣвъ на бѣломъ мраморѣ изваянія «кровавыя пятна», М. Н. Катковъ, увѣренный въ своей безнаказанности, имѣлъ чудовищную дерзость поставить въ вину новому суду эти «кровавыя пятна». Во-истину saevum et infestum virtutibus tempus!

Но обратимся отъ этой печальной картины къ свѣтлому времени зарожденія новаго суда.

II.

Торжество открытія судебныхъ установленій въ Москвѣ происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемоніалу, какой былъ соблюденъ и въ Петербургѣ. 22-го апрѣля, наканунѣ открытія новаго суда, было совершено въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ большой уголовной, нынѣ такъ называемой «Митрофаніинской» (здѣсь разбиралось извѣстное дѣло игуменіи Митрофаніи), залѣ окружнаго суда торжественное соборное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ котораго кроплены были святою водою всѣ помѣщенія новаго суда.

На другой день, 23-го апрѣля, происходило въ залѣ судебной палаты торжественное открытіе новаго суда. Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ занялъ мѣсто за особымъ столомъ, имѣя по правую руку и. д. оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената П. Н. Зубова, вице-директора департамента министерства юстиціи Б. Н. Хвостова. Вокругъ стола заняли мѣста: московскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ кн. В. А. Долгоруковъ, высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицомъ къ министру, помѣстился новый судебный персоналъ: предсѣдатели и члены московской судебной палаты (изъ нихъ въ настоящее время остались въ судебной палатѣ Ѳ. В. Вешняковъ, А. И. Котляревскій и Н. Н.

Прейсъ, занимая въ теченіе 25-ти лѣтъ ту же должность члена палаты) [9]) и окружнаго суда (въ настоящее время въ составѣ суда остался только бывшій членъ суда, нынѣ товарищъ предсѣдателя Э. Н. Сумбулъ; бывшій товарищъ предсѣдателя суда М. Н. Лопатинъ нынѣ занимаетъ постъ предсѣдателя департамента московской судебной палаты, а бывшій членъ суда А. И. Вицынъ, перешедшій впослѣдствій въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, нынѣ предсѣдатель московскаго коммерческаго суда) и прокурорскаго надзора (въ составѣ прокурорскаго надзора находится бывшій въ 1866 г. тов. прок. окружнаго суда Ѳ. М. Громницкій, перешедшій впослѣдствіи въ адвокатуру, а нынѣ товарищъ прокурора судебной палаты; изъ другихъ товарищей прокурора: С. Я. Орловскій и А. Н. Терновскій состоятъ членами московской судебной палаты, И. М. Остроглазовъ—предсѣдателемъ тульскаго окружнаго суда и Л. В. Крушинскій—присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ) и мировые судьи (изъ нихъ до сихъ поръ остаются въ составѣ мироваго института почетные мировые судьи: Г. В. Грудевъ, гр. М. С. Ланской, С. А. Тарасовъ).

По прочтеніи Высочайшихъ повелѣній отъ 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій и списка вновь назначенныхъ Высочайшею властью судей, утвержденныхъ сенатомъ мировыхъ судей, выбранныхъ московскою городскою думою, а также списка товарищей прокурора окруж-

---

[9]) Въ теченіе 25 лѣтъ были старшими предсѣдателями судебной палаты: Д. В. Полѣновъ (†), А. Н. Шаховъ (†) и нынѣшній предсѣдатель В. Р. Завадскій; предсѣдателями окружнаго суда Е. Е. Люминарскій (†), П. А. Дейеръ (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), В. Н. Лавровъ (†) и нынѣшній предсѣдатель Ѳ. П. Ивковъ. Прокурорами палаты: Д. А. Ровинскій (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), Г. Н. Мотовиловъ (†), Н. А. Манасеинъ (нынѣ министръ юстиціи), гр. П. А. Капнистъ (нынѣ попечитель московскаго учебнаго округа), С. С. Гончаровъ (нынѣ старшій предсѣдатель тифлисской судебной палаты) и нынѣшній прокуроръ Н. В. Муравьевъ. Прокурорами окружнаго суда были Л. И. Ланге (нынѣ предсѣдатель нѣжинскаго окружнаго суда), Ѳ. М. Громницкій, Н. К. Жуковъ (въ отставкѣ), В. Н. Лицкой, П. Н. Обнинскій (нынѣ въ отставкѣ, извѣстный публицистъ) и нынѣшній прокуроръ М. П. Домерщиковъ.

наго суда, министръ юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Государь Императоръ,—сказалъ онъ,—утвердивъ 20-го ноября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройства, соизволилъ признать Уставы эти соотвѣтствующими желанію Его водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе.

«Знаменательныя, дорогія каждому русскому слова Его Величества, указывающія *значеніе и цѣль* судебнаго преобразованія, должны служить руководствомъ для всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ: они должны быть *особенно памятны* вамъ, господа предсѣдатели, члены и прокуроры московской судебной палаты и окружнаго суда, какъ удостоившимся счастья быть въ числѣ самыхъ *первыхъ*, избранныхъ Августѣйшимъ нашимъ Монархомъ для осуществленія его предначертаній по судебной части.

«Вновь установленный порядокъ судопроизводства,—продолжалъ министръ,—обезпечиваетъ легкое и быстрое обнаруженіе нарушеній закона, а дарованная судамъ самостоятельность даетъ полную возможность твердо и нелицепріятно охранять святость законовъ и точное ихъ исполненіе» [10]).

Затѣмъ, обращаясь къ московскимъ столичнымъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи выразился такъ:

«Вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя *наиболѣе* нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мироваго судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей священною волею Государя Императора, и сдѣлать изъ него *краеугольный камень* гласнаго, скораго, права и милостиваго суда. Если вы, избранные Москвою, сердцемъ Россіи, пойдете рука объ руку съ судьями, назначенными Державнымъ Главою

10) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1866 г., № 4, стр. 207—209.

ея, то нѣтъ сомнѣнія, ваши общія усилія увѣнчаются успѣхомъ, и осуществится желаніе нашего возлюбленнаго Монарха: правда и милость будутъ царствовать въ судахъ».

Въ томъ же духѣ, какъ министръ юстиціи, говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ, предсѣдатель департамента московской судебной палаты покойный А. Н. Шаховъ при приводѣ къ присягѣ первыхъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ (изъ нихъ въ сословіи остаются до настоящаго времени: Н. П. Архиповъ, В. К. Дубровскій, А. И. Имбергъ, Л. Д. Лютеръ, В. А. Панинъ, А. И. Тольхъ, А. М. Фальковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь: «Господа! Палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, былъ строгъ, — разумѣется, справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, указывающія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не служитъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ удовлетворили всѣмъ условіямъ, значитъ, вы оказались во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью, и вы заслужите уваженіе отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду» [11]).

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е. Люминарскій не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достой-

---

[11]) *Судеб. Вѣстн.*, 1866, № 2.

ный членъ московской магистратуры, оставившій по себѣ память судьи честнаго и безусловно независимаго, сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь: «Гг. судебные пристава! Поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданіе общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда,—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія какъ высшимъ, такъ и низшимъ имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершились не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и правительствующаго сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые годы, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе. Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать. Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнить всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву. Возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ немыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполня-

ются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ *сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего*. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ *стараго порядка*, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду» [12]).

Вслѣдъ за открытіемъ московскихъ судебныхъ установленій стали открываться провинціальные окружные суды осенью 1866 г. Большая и оживленная борьба происходила между уѣздными городами изъ-за чести имѣть у себя окружный судъ. Особенно горячая полемика завязалась между представителями Бѣлоозерска и Череповца. Этотъ споръ, какъ равно и другіе, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ на мѣстѣ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ географическими, топографическими и судебно-статистическими данными [13]).

Мѣстныя общества, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ предстоящему открытію новаго суда, не скупились на матеріальныя пожертвованія, вслѣдствіе чего расходы казны были значительно сокращены.

Сенаторомъ Беромъ были открыты въ ноябрѣ 1866 г. окружные суды: новгородскій, бѣлозерскій [14]), устюжскій [15]), псковскій [16]).

Старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ В. П. Полѣновымъ, были открыты окружные суды: владимірскій, ярославскій, рыбинскій, кашинскій, калужскій, рязанскій, тульскій, тверской, ржевскій [17]).

---

[12]) *Судеб. Вѣстн.*, 1866, № 1.

[13]) *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1865, № 4.

[14]) См. *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1866, № 40, 50.

[15]) См. *Судеб. Вѣст.*, 1866, № 26.

[16]) См. *Псковскія Губернскія Вѣдомости*, 1866 г., № 85.

[17]) См. *Судебный Вѣстникъ*, 1866 г., №№ 85, 92, 93 и *Тверскія Губернскія Вѣдомости*, 1866 г., № 47.

III.

Къ концу 1866 года новый гласный судъ со всѣми новыми и невиданными принадлежностями, судомъ присяжныхъ, мировымъ судомъ, адвокатурою и пр. уже дѣйствовалъ въ десяти губерніяхъ двухъ судебныхъ округовъ. Новыя формы суда, съ уравненіемъ всѣхъ предъ лицомъ закона, съ гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и съ сугубымъ снисхожденіемъ къ случайно впавшему въ преступленіе, дѣйствовали сильно на народъ и общества, привыкшіе дотолѣ видѣть явную поблажку людямъ сильнымъ и богатымъ со стороны подкупленныхъ либо запуганныхъ судей, или безсиліе закона и судей предъ запирательствомъ ловкаго мошенника и душегубца.

Съ понятнымъ любопытствомъ и затаеннымъ вниманіемъ слѣдило правительство и печать за тогдашними процессами. Залы судебныхъ засѣданій въ столицахъ и въ провинціи ломились отъ напора жаждавшихъ посмотрѣть на новую обстановку и формы суда праваго и милостиваго. Каждая новая прокурорская и адвокатская рѣчь составляли событіе дня. Всѣ газеты того времени переполнялись судебными отчетами. Даже дамы въ салонахъ говорили о новыхъ казусахъ, новыхъ разъясненіяхъ кассаціонной практики.

И общество, и правительство какъ бы упивались замѣчательнымъ успѣхомъ новаго дѣла, въ особенности суда присяжныхъ, съ которымъ соединялось столько дорогихъ чаяній, но которое внушало столько опасеній, повидимому, очень основательныхъ. Даже такой убѣжденный сторонникъ суда присяжныхъ, какъ германскій юристъ Маттермайеръ, съ большимъ интересомъ и опасеніемъ слѣдившій за ходомъ нашей судебной реформы, дружески предостерегалъ наше правительство отъ преждевременнаго разочарованія, если новыя учрежденія не сразу примутся и будутъ дѣйствовать успѣшно. «Опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій, — писалъ онъ, — мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобы оно не переставало

преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему,—говоритъ онъ далѣе, — то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ несозрѣвшимъ, даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставленныя ими, высказываются все больше и больше, а люди, призываемые въ присяжные, оказались, *наконецъ*, и тамъ способными выполнить свое назначеніе [18]).

Наши судебныя учрежденія вообще и судъ присяжныхъ въ частности, какъ оказалось, и не нуждались въ этомъ снисходительномъ и доброжелательномъ долготерпѣніи, которое совѣтовалъ знаменитый германскій ученый на основаніи опыта другихъ странъ. Нашъ новый судъ сразу и рѣшительно завоевалъ общую признательность своею успѣшною дѣятельностью.

Уже въ своемъ первомъ—и увы! послѣднемъ—всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ съ справедливою гордостью упомянулъ объ громадномъ успѣхѣ открытыхъ мировыхъ учрежденій [19]).

Отмѣтивъ затѣмъ плодотворную дѣятельность общихъ судебныхъ учрежденій, отчетъ продолжаетъ: «И здѣсь глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшенія дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе».

Особенно замѣчательна та часть министерскаго отчета, которая трактуетъ о судѣ присяжныхъ. Въ виду ея важности приводимъ in extenso: «Участіе присяжныхъ засѣдателей,—пишетъ

---

[18]) *Журналъ Министерства Юстиціи,* 1864 г., № 10, стр. 10.

[19]) Въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ за воровство, мошенничество среднимъ числомъ осуждалось въ годъ 500 человѣкъ. Послѣ открытія новаго суда въ однихъ мировыхъ учрежденіяхъ осуждаются за тѣ же преступленія среднимъ числомъ около 1500 человѣкъ, т. е. втрое.

министръ юстиціи,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями. Присяжные засѣдатели, состоящіе *преимущественно изъ крестьянъ* (напр., въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей 11 было крестьянъ), *вполнѣ оправдали* возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ *правильно и удовлетворительно*» [20]).

Сильно ошибся бы тотъ, кто принялъ бы приведенную оцѣнку отчета за плодъ оффиціальнаго оптимизма и столь распространеннаго у насъ пристрастія къ учрежденіямъ «своего» вѣдомства. Лучшимъ доказательствомъ справедливости приведенной характеристики можетъ служить отзывъ о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, появившійся изъ «чужаго» лагеря. Вотъ этотъ отзывъ, помѣщенный въ *Сѣверной Почтѣ*, оффиціальномъ ор-

20) См. *Жур. Мин. Юстиціи*, 1867 г., № 2, Всепод. отчетъ министра юстиціи за 1866 г.—Въ статьѣ (*Книжки Недѣли* 1892 г., № 3). „Новые мѣхи и новое вино", принадлежащей перу извѣстнаго судебнаго дѣятеля сенатора А. Ѳ. Кони находимъ слѣдующій отзывъ о нашемъ судѣ присяжныхъ: „ихъ желали, ихъ ждали. Въ нихъ хотѣлось вѣрить за ранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшемъ о новомъ сѣдѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще непоявившемуся на сцену присяжному: „незримый—ты мнѣ былъ ужь милъ"... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретической присяжный долженъ былъ облечься въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ реальный образъ простолюдина, всего пять лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, — въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ „таинственнымъ незнакомцемъ"... И что же? Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ *оправдалъ* оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія на-

ганѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ панегирикомъ шло то противодѣйствіе, о которомъ упоминается выше въ главѣ VII). «Благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы, — писали въ концѣ 1886 г. въ названной газетѣ, — одинаково признаются *всѣми безъ исключенія* правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются *губернаторами всѣхъ губерній*, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія».

Не трудно представить себѣ тотъ горячій энтузіазмъ, съ которымъ общественное мнѣніе привѣтствовало оффиціальное удостовѣреніе блистательнаго успѣха новыхъ судебныхъ учрежденій. Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ благодарнаго общественнаго мнѣнія выступили *Московскія Вѣдомости*. «Поистинѣ, едва вѣрится, — съ непритворнымъ умиленіемъ восклицалъ М. Н. Катковъ въ статьѣ 28-го марта 1867 года, — чтобы въ столь короткое время такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь *важное* и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* мысли и до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже въ первое полугодіе въ своемъ итогѣ

шего суда присяжныхъ покажетъ современемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, причемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницу дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ историкъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, который, зная данное дѣло, нельзя бы было понять и объяснить себѣ"... Слова эти заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду исключительной компетентности автора, который, занимая сначала должности прокурора и предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда, а потомъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, имѣлъ въ продолженіе своей продолжительной карьеры всѣ средства близко ознакомиться съ дѣятельностью суда присяжныхъ.

представляетъ столь *блистательные результаты*. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне, тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія.

«*Честь и слава* правительственному вѣдомству,—патетически заканчивала статья, — которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. *Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи*».

Какою ироніею звучитъ этотъ благородный и идущій отъ сердца панегирикъ новому суду, когда сопоставишь его съ тѣмъ систематическимъ бросаніемъ грязи, которое усвоили себѣ тотъ же Катковъ въ союзѣ съ гонителями святыхъ началъ правды и справедливости, положенныхъ въ основаніе судебной реформы. Однако, это безостановочно возобновляющееся въ извѣстной части печати поруганіе основъ новаго суда должно, по справедливому замѣчанію гуманнаго поэта, не умалить, а усугубить уваженію къ нимъ въ глазахъ истинныхъ ихъ почитателей.

Храмъ поруганъ нечестивой,
Святотатственной рукой,
И стоитъ онъ молчаливый,
И печальный и пустой...
Всѣ бѣгутъ толпой изъ храма,
Но служитель вѣрный въ немъ:
Гуще клубы ѳиміама
Онъ вознесъ предъ алтаремъ,
У поруганной святыни
Весь простерся онъ во прахъ,
Горячѣе, чѣмъ до-нынѣ,
Вѣры жаръ въ его мольбахъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Учрежденіе мироваго суда.

(Справка къ 17-му мая 1866—1891 гг.).

17-го мая 1866 года открыты были въ Петербургѣ и Москвѣ первыя въ Россіи мировыя судебныя учрежденія, и такимъ образомъ нынѣ исполнилось первое двадцатипятилѣтіе со дня существованія этого еще такъ недавно столь популярнаго въ правительственныхъ сферахъ и столь симпатичнаго народу института. Наступающее второе двадцатипятилѣтіе застаетъ его въ незавидномъ, крайне неопредѣленномъ состояніи. Упраздненныя или находящіяся наканунѣ упраздненія, мировыя учрежденія, какъ и всѣ вообще учрежденія, выходящія изъ моды, нерѣдко, и особенно въ послѣднее время, дѣлались предметомъ явно несправедливой и пристрастной критики, не признающей и не желающей признать за ними никакихъ заслугъ и представляющей въ самомъ извращенномъ видѣ смыслъ и цѣль учрежденія мироваго суда и значеніе выполненной имъ крупной и культурной миссіи. Какія бы превратности не ждали въ будущемъ мировыя учрежденія, уяснить и отмѣтить историческую роль ихъ въ прошедшемъ столько же дѣло исторической справедливости по отношенію къ нимъ, сколько и практической необходимости въ интересахъ правильнаго оріентированія въ явленіяхъ общественной жизни.

I.

Благодаря тому систематическому игнорированію подлинной исторіи нашего современнаго судоустройства, которое составляетъ отличительную черту нынѣшнихъ критиковъ новаго суда, стала безпрепятственно гулять созданная больнымъ воображеніемъ басня, будто нашъ *выборный* мировой судъ есть ни что иное, какъ осуществленіе самой крайней демократической программы à la Руссо, осуществленной радикалами 60-хъ годовъ, въ разгаръ либеральныхъ увлеченій, на мѣсто благоразумныхъ предположеній гр. Д. Н. Блудова [1]). Между тѣмъ исторія нашего процесса показываетъ, что первая мысль объ учрежденіи у насъ «мировыхъ судей» (juge de paix) возникла еще въ 1826 г. и была впервые предложена предсѣдателемъ государственнаго совѣта гр. Кочубеемъ [2]).

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о розысканіи отдаленныхъ корней нашего мироваго суда, достаточно обратиться къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей составленію Судебныхъ Уставовъ. Въ томѣ IV *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи* мы находимъ записку гр. Блудова, гдѣ онъ съ полною откровенностью объясняетъ причину и цѣль учрежденія мироваго суда. «Основаніемъ предположеній объ учрежденіи судей мировыхъ, говорится въ Запискѣ 1859 года, были два важныя обстоятельства: *уничтоженіе* крѣпостнаго состоянія и *рѣшительное отдѣленіе* власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается (это писалось въ 1859 г.) не только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣ-

---

1) См. В. Фукса—„Судъ и полиція", 193, 222, 236, 237.

2) См. „Курсъ угол. суд.", Фойницкаго, стр. 153.

ятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить *судебнымъ* установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица и мѣста. Они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ оныхъ оканчиваются бо́льшею частью примиреніемъ или рѣшаются всегда сокращеннымъ порядкомъ, всего чаще при первой явкѣ сторонъ, на основаніи словесныхъ между ними объясненій, безъ издержекъ» [3]).

Такимъ образомъ, уже въ 1859 г. были намѣчены гр. Блудовымъ, этимъ авторитетнѣйшимъ въ глазахъ противниковъ новаго суда государственнымъ человѣкомъ, основныя черты мироваго института.

Что же касается выборнаго начала, то и оно точно также было предложено тѣмъ же юристомъ, который до освобожденія крестьянъ предлагалъ предоставить право избранія мировыхъ дворянскому сословію [4]), а послѣ освобожденія крестьянъ естественно предоставилъ это право всѣмъ сословіямъ [5]). Этотъ же порядокъ былъ принятъ и редакторами Судебныхъ Уставовъ и не по соображеніямъ, заимствованнымъ изъ Contrat Social, какъ увѣряютъ враги судебной реформы, а по соображеніямъ чисто практическимъ и согласно указаніямъ исторіи русскаго законодательства. «Мировые судьи, — сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта 1862 года,—должны быть по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира; общее *довѣріе* мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было бы поставлено *въ крайне затруднительное* положеніе, если бы приняло на себя ихъ избраніе: *ибо начальствующимъ лицамъ, во всякомъ случаѣ, труднѣе найти столь значительное число вполнѣ достойныхъ лицъ* для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей, чѣмъ обывателямъ каждой мѣстности пріискать людей для опредѣленнаго ок-

3) См. т. IV, отд. 2-е Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи", стр. 40—41.

4) См. т. IV того-же „Дѣла", § 286 блудовскаго проекта судоустройства.

5) См. т. XVI н. Д. Журн. Госуд. Совѣта 1861 г., № 48, объ основныхъ началахъ судоустройства, стр. 7—8.

руга» [6]). Вотъ какими чисто дѣловыми соображеніями было вызвано выборное начало въ мировомъ судѣ.

Вообще, только при полномъ незнакомствѣ съ исторіею русскаго процесса можно видѣть въ выборѣ судей, издавна знакомомъ русскому законодательству, нѣчто опасное, революціонное. Всего 25 лѣтъ тому назадъ, т. е. до открытія новаго суда, весь почти составъ первой и второй инстанціи назначался по выборамъ сословій (всѣ пять членовъ уѣзднаго суда и всѣ четыре магистрата были выборные, въ уголовной палатѣ предсѣдатель и члены были выборные и только товарищъ предсѣдателя по назначенію отъ правительства). Мало того. Даже полицейскія власти были выборныя! [7]). Теперь же невѣжественные критики судебной реформы увѣряютъ, что назначеніе судей по выбору населенія это — такая радикальная реформа, которую только коммунары [8]) вносятъ въ свою программу, какъ pium desiderium!... Такъ-то нынче пишется исторія!...

II.

Правильному сужденію объ исторической роли мироваго института, кромѣ завѣдомо распространяемыхъ врагами его искаженныхъ свѣдѣній объ его происхожденіи, мѣшаетъ также и неправильное освѣщеніе условій его дѣятельности. Рядомъ съ преобразованнымъ судомъ должна была дѣйствовать въ охранѣ общественнаго порядка и полиція, реформа которой до сихъ поръ еще не осуществилась. «Можно ли утверждать,—спрашиваетъ одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ новаго суда В. Фуксъ, менѣе всего наклонный относиться съ чрезмѣрною строгостью къ дѣйствіямъ полиціи,—что наша полиція уже соотвѣтствуетъ своему назначенію, что она имѣетъ всѣ необходимыя средства для надзора за благосостояніемъ и для охраненія внутренней безопасности, что она состоятельна въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что она, наконецъ, пользуется подобаю-

---

6) См. т. XIX н. д., стр. 308.

7) См. т. XVII, „Дѣла о преобразованіи судебн. части въ Россіи". Матеріалы №№ 12 и 25 Записки Ровинскаго.

8) См. статью г. Ціона въ *Русскомъ Вѣстникѣ,* 1886 г., № 8-й.

щимъ ей уваженіемъ? Къ сожалѣнію, — говоритъ Фуксъ, — на всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ: формально — да, по существу—*нѣтъ»* [9]). А если это такъ, то справедливо ли всю вину за отсутствіе порядка и безопасности сваливать на мировыя судебныя учрежденія, которыя замкнулись и должны были замкнуться въ роль судей и блюстителей закона.

Мировому суду ставятъ въ вину его малодоступность, сложность, формализмъ. Упрекъ не лишенъ основанія, но поучительный смыслъ его совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ вывести противники мировой юстиціи. Всѣ эти недостатки не только не вызываются духомъ этого учрежденія, но прямо имъ исключаются. Могли ли составители Судебныхъ Уставовъ предвидѣть, что въ мировомъ судѣ, производство въ которомъ они освободили, въ видахъ его доступности, отъ сборовъ, установленныхъ въ общихъ судахъ, будетъ установлена судебная пошлина, *вдвое превосходящая* размѣръ пошлины, существующей въ общихъ судахъ (ст. 202 уст. гр. суд.)? Могли ли они предвидѣть, что мировые судьи будутъ завалены такою массою сложной канцелярской работы и отчетности, которая будетъ обременять ихъ въ ущербъ ихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей.

Да и самая судебная процедура современнаго мироваго судопроизводства развѣ она не представляетъ иронію надъ тѣмъ упрощеннымъ процессомъ, о которомъ мечтали составители Судебныхъ Уставовъ? Разъясняя значеніе мироваго института, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій, они, между прочимъ, писали: «На мироваго судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствонъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ *формализма*, уважаетъ естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ основанномъ рѣшеніи. Значительную часть этихъ дѣлъ мировому судьѣ предоставляется рѣшать окончательно, и при этомъ онъ судитъ единолично. Главнѣйшая задача и высшее качество его правосудія —*примиреніе*. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія мировой

---

[9]) См. „Судъ и Полиція“, стр. 214.

судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не столько юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью».

Этотъ типъ доступнаго всѣмъ судьи, быстро и безъ формальностей рѣшающаго дѣла, и въ самыхъ Судебныхъ Уставахъ не былъ проведенъ достаточно послѣдовательно. Послѣдующая же законодательная и кассаціонная практика еще болѣе измѣнили этотъ типъ, приблизивъ или почти сливъ съ типомъ судьи-юриста, дѣйствующаго въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

III.

Почему же мировыя учрежденія, не смотря на всѣ законодательные и кассаціонные промахи, успѣли однако сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и сумѣли сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы? Отвѣтъ мы на это находимъ въ условіяхъ той дѣйствительности, среди которыхъ пришлось выступить первымъ мировымъ судьямъ.

Судебная реформа, — писалъ В. П. Безобразовъ, — вноситъ въ народную жизнь право, какъ живой дѣйствительный фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло. Если,—говоритъ онъ далѣе,—судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака, то мировой судъ—право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права [10]).

Въ такой характеристикѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія. Кому не извѣстно, что право сильнаго и богатаго въ дореформенныя

[10]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1866 г.

времена было настоящимъ instrumentum regni, было возведено въ систему, въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, гдѣ сталкивались, съ одной стороны, безправный обыватель и съ другой— располагающій силою по своему общественному положенію помѣщикъ, богатый купецъ, умѣвшій послѣдней при помощи «барашка въ бумажкѣ» первый же просто однимъ своимъ *властнымъ словомъ*, подкрѣпленнымъ подобающими жестомъ и мимикою, прекращать жалобы потерпѣвшихъ отъ ихъ самовластнаго самодурства и отъ ихъ безсовѣстнаго надувательства и обсчитыванія.

Покойный Фуксъ, постоянный сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* 80-хъ годовъ, отнюдь не расположенный рисовать въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ дореформенные порядки, дредставляетъ въ такомъ состояніи судъ и расправы при полицейскихъ управленіяхъ наканунѣ открытія новаго суда. «До начала 60-хъ годовъ,—пишетъ Фуксъ,— общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ *высшихъ* и даже *среднихъ* общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, *съ презрѣніемъ*, въ низшихъ — *со страхомъ*. Высшіе слои по своему родовому или имуществннному привилегированному положенію вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованій полиціи, и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица, состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію *еще безцеремоннѣе*; а средніе промышленные и торговые классы освобождались отъ всякихъ требованій полиціи или пріобрѣтали, гдѣ было нужно, ея содѣйствіе посредствомъ *взятокъ*, получившихъ, напр , на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и по питейной части характеръ *постояннаго жалованья* полицейскимъ чинамъ. Оставалась затѣмъ *безправная масса* низшихъ городскихъ обывателей, а въ уѣздахъ—поселяне, но для нихъ полиція была уже не охраной, а самымъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было *откупаться* [11]). Правда, у населенія было право жаловаться на исправниковъ и

---

[11]) См. В. Фукса—„Судъ и Полиція“, стр. 218—219.

становыхъ и городничихъ, но оно было поставлено въ такія условія, которыя иные хотѣли бы перенести на нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ и которое сводилось къ нулю. Мы знаемъ изъ «Ревизора», къ чему сводилось громкое по названію право обжалованія даже для «самоварниковъ». Остальное же населеніе и не дѣлало попытокъ не только къ обжалованію противозаконныхъ дѣйствій полиціи [12]), но даже къ осуществленію своего права на предъявленіе въ полиціи гражданскихъ исковъ. До какой степени старый полицейскій судъ *отвадилъ* народъ отъ суда, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. На обязанности городской полиціи лежалъ, между прочимъ, «словесный разборъ» мелкихъ споровъ, съ запискою жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу. И что же? Когда губернаторы ревизовали полицейскія учрежденія, означенныя книги оказывались чистыми отъ первой до послѣдней страницы! [13]).

Ошибочно было думать, что среди этого безправнаго населенія [14]) господствовалъ хоть внѣшній городской порядокъ и благо-

[12]) Ibid., ч. II., стр. 188.

[13]) Ibid., ч. I, стр 189.

[14]) О безправности населенія и полновластіи администраціи въ дореформенное николаевское время у Н. А. Любимова находимъ слѣдующія игриво-ѣдкія строки: «Начальство сдѣлалось *все* въ странѣ. Все кесареви; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось въ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара. — Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола томъ Свода Законовъ и *съвшій на него* съ вопросомъ — гдѣ законъ? былъ лицомъ *типическимъ* и въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ... Купецъ торговалъ потому, что на то была милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія. Приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Дышали воздухомъ потому, что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтствененъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство надъ собою... Военные люди, какъ представители дисциплины, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора и т. д. (см. 182—183 п. с. „Катковъ и его истор. заслуга“).

устройство. Какъ всегда и вездѣ наблюдается,—при отсутствіи должной охраны правъ гражданъ они и къ обязанностямъ своимъ относятся съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ почему при полицейскомъ полновластіи, при которомъ безцеремонно нарушались права гражданъ, все-таки не было у насъ порядка и чистоты даже и въ столицахъ. Въ дневникѣ академика Никитенко за 1864 г. между прочимъ приведенъ такой фактъ. Разнощики, стоявшіе подъ арками Гостиннаго двора (въ Петербургѣ), производили тамъ нечистоты и обращались грубо съ публикою. Полиція разгоняетъ ихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, а публика должна была ходить, чтобы купить десятокъ яблокъ, за нѣсколько верстъ [15])...

Назначеніемъ мироваго института было внесеніе въ сферу повседневныхъ гражданскихъ отношеній первыхъ элементовъ благоустроеннаго общежитія—*сознанія гражданами своихъ правъ и обязанностей*. Если новый гласный судъ называютъ—и справедливо называютъ — школою гражданскаго воспитанія, то мировыя учрежденія съ тысячами камеръ, разбросанныхъ по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества, являлся первою и самою важною ступенью этой школы. Не даромъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи новаго суда, назвалъ мировой судъ «*краеугольнымъ камнемъ* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда!» Въ самомъ дѣлѣ, общія судебныя учрежденія и по отдаленности мѣста своего нахожденія и по сравнительно большей важности подсудныхъ имъ дѣлъ имѣли и имѣютъ соприкосновеніе съ народными массами гораздо рѣже мировыхъ. Можно прожить цѣлый вѣкъ и ни разу не имѣть случая попасть на засѣданіе окружнаго суда и на судъ присяжныхъ, но рѣдко кто въ томъ или другомъ качествѣ не видѣлъ обстановки мироваго судоговоренія, и въ этомъ отношеніи мировыя учрежденія, какъ своего рода элементарная народная школа, имѣли для народнаго воспитанія громадное значеніе.

Добрыя традиціи, сразу привившіяся, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ 60-хъ годахъ либерально-гуманнаго направле-

[15]) *Русс. Стар.* 1891 г., № 5, стр. 403.

нія, мировому институту почти повсемѣстно, сдѣлали то, что онъ съ первыхъ же дней сдѣлался необыкновенно популяренъ именно *въ народныхъ массахъ* [16]). Мировые судьи дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы *пріохотить* народъ къ суду, чтобы возстановить къ нему довѣріе, чтобы поколебать укоренившееся въ немъ сознаніе о безполезности и даже опасности «тягаться съ сильнымъ и богатымъ». Дѣлалось это, конечно, не въ видахъ поощренія кляузнаго сутяжничества, а въ видахъ привитія русскому человѣку сознанія своего человѣческаго достоинства, правоваго сознанія, безъ котораго немыслимо никакое гражданское развитіе, сознанія, что обезпеченное закономъ право находитъ защиту въ судѣ, несмотря на силу и могущество обидчика.

Широко распахнули мировые судьи двери своихъ камеръ, своей «судебной школы» предъ изумленными очами сермяжнаго народа. Въ Москвѣ бывали случаи, что мировые судьи устраивали засѣданія, за невозможностью помѣстить публику въ камерѣ, на подобіе древняго римскаго суда sub Jove, на дворѣ, подъ открытымъ небомъ! Въ наше «охлажденное», «трезвенное», но и скучное, безъидейное время все это можетъ показаться ребячествомъ, донкихотствомъ, но развѣ не такія героическія усилія нужны были для того, чтобы «заманить» народъ въ судъ, который онъ дотолѣ обѣгалъ, какъ зачумленнаго мѣста? Диву давался народъ при видѣ этого новаго, новаго во всѣхъ отношеніяхъ, и по внѣшней обстановкѣ и по внутреннему смыслу, суда! Вмѣсто грубаго окрика и зуботычинъ, онъ встрѣчалъ привѣтливаго «мироваго», который говорилъ всѣмъ «вы», внимательно выслушивалъ и одинаково судилъ и знатнаго барина, генерала, адмирала, милліонера, и лапотнаго мужика и не давалъ въ обиду «маленькаго» человѣка, хотя бы пришлось ему столкнуться съ властями или богатымъ и сильнымъ противникомъ. На мѣсто стародавняго выраженія «для насъ законъ не писанъ», народъ сталъ говорить: «нынче драться не велятъ»,

[16]) Въ с. Васильевѣ, Уфимской губ., какъ сообщали мѣстныя губернскія вѣдомости, такъ заинтересовались сценами мироваго разбирательства, печатавшимися въ столичныхъ газетахъ, что выучили ихъ наизусть и разыгрывали въ разныхъ домахъ. *Журн. Мин. Юст.* 1867 г., № 5, стр. 431).

«за это мировой по головкѣ не погладитъ», «нынче всѣ равны предъ судомъ» и пр.

Вѣря въ высокое призваніе свое, мировые судьи перваго избранія съ необычайною энергіею и любовью къ дѣлу принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Уже съ 18-го мая мировые суды стали принимать въ Москвѣ просителей. Засѣданія происходили не только по утрамъ, но и по вечерамъ. Прошенія принимались «во всякій часъ дня и ночи, и гдѣ бы проситель судью ни встрѣтилъ». «Московскіе мировые судьи,—читаемъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ*,—очень ревностно принялись за дѣло, обнаруживъ притомъ не мало смѣтливости и умѣнья самому узнать истину. Такъ, одинъ изъ нихъ по жалобѣ какой-то дамы на дерзость и ругательства со стороны кухарки немедленно отправился, будучи въ тотъ часъ свободенъ, въ указанный домъ, и прежде чѣмъ виновная успѣла узнать, кто былъ этотъ неожиданный посѣтитель, ему пришлось самому быть свидѣтелемъ ругательствъ, которыя не замедлила повторить дерзкая кухарка. Многіе судьи, замѣтивъ сами какія-либо безчинства на улицѣ, отсылали виновныхъ къ суду. Всѣми судьями рѣшено,—писали въ ту же газету,—употребить всевозможныя усилія, чтобы искоренить уличное сквернословіе, эту язву нашего народа. Сквернословіе и рядомъ съ нимъ непомѣрная нечистота нашихъ тротуаровъ, вслѣдствіе слишкомъ откровенныхъ привычекъ нашего народа, дѣлаютъ въ Москвѣ для дамъ и дѣтей почти совершенно невозможнымъ ходить по улицамъ. Наши мировые рѣшили не пропускать ни одного такого случая сквернословія или иной неблагопристойности, дѣйствуя сначала внушеніемъ, а потомъ другими взысканіями» [17]).

V.

Впечатлѣніе, произведенное первыми шагами дѣятельности мироваго суда, было громадно и всеобъемлюще. По справедливому замѣчанію одного публициста того времени, уже первые мѣсяцы дѣятельности мировыхъ учрежденій произвели настоящій «перево-

[17]) См. *Суд. Вѣст*, 1866 г., № 3.

ротъ» въ бытовыхъ отношеніяхъ и умахъ [18]). «Чтобы убѣдиться,— писалъ Безобразовъ,—какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія, надо видѣть *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиняться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе—изумленіе, подавляющее своею силою даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры *господа*, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились, *рабочіе*, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому, что цѣна на работы поднялась; *пьяницы*, *никогда* не слыхавшіе, что нельзя

[18]) Говоря о времени открытія мировыхъ учрежденій, юбилейный отчетъ сообщаетъ характерныя подробности, свидѣтельствующія о чрезвычайной популярности мироваго суда съ самаго его возникновенія. Въ первые же дни мировые судьи были завалены массою прошеній и жалобъ по дѣламъ, подлежавшимъ и даже не подлежавшимъ ихъ разбирательству. „Новый судъ,—читаемъ въ отчетѣ, кромѣ интереса новизны, быстро сдѣлался популярнымъ своею доступностью, быстротою и несложностью формальностей, сравнительно съ прежнимъ судомъ; въ народной массѣ явилось сознаніе *правъ и гарантій*, которыя или не существовали ранѣе, или существовали только по имени, но были упразднены на практикѣ, за фактическою невозможностью ихъ осуществленія. Естественно, что потребность въ осуществленіи ихъ, при первой возможности, проявилась огромнымъ наплывомъ просителей и публики въ камерахъ мировыхъ судей. Нѣкоторыя камеры не могли вмѣщать всѣхъ являющихся и были случаи, что судьи, не желая стѣснять столь необходимую, въ особенности на первыхъ порахъ, гласность, производили разбирательство *на дворѣ, при камерѣ,* чтобъ не лишить всѣхъ явившихся возможности присутствовать на разбирательствѣ.

«Естественныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Отчетъ,-недоразумѣнія возникали со всѣхъ сторонъ: «новыя права» подвергались преувеличеннымъ толкованіямъ, вслѣдствіе чего къ мировымъ судьямъ обращались съ такими просьбами, которыя явно выходили изъ предѣловъ вѣдомства мироваго суда, если не во все не подлежали судебному разбирательству. Начиная отъ просьбы вникнуть въ семейныя отношенія и уладить семейные разлады до просьбъ, имѣвшихъ характеръ бракоразводныхъ дѣлъ, начиная отъ жалобъ на оскорбленія выраженіями самаго не виннаго свойства до жалобъ на истязанія и грабежи, — все это направлялось къ мировому судьѣ, который съ первыхъ же дней являлся *живымъ истолкователемъ* правъ, предоставляемыхъ каждому, и обязанностей возлагаемыхъ на него закономъ». (См. 25-ти лѣтіе Моск. Суд. Уст.).

было валяться и ругаться на улицахъ, *мужья*, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; *баринъ*, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д. и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ, — необходимы были прежде всего *неимовѣрныя* усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. *Это истинный переворотъ въ умахъ*, и къ тому же еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить не только рабочихъ, но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и *толпа народа валитъ* къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ *терпѣніемъ и забвеніемъ* [19]).

Оффиціальныя данныя вполнѣ подтверждаютъ эту характеристику и значеніе мироваго института. «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу, — писалъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ по министерству,—простота мироваго разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали *всеобщее къ мировому институту довѣріе*. Въ особенности *простой народъ*, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ,— продолжаетъ министерскій отчетъ, — доказывается въ особен-

---

19) См. октябрскую книжку *Русс. Вѣстн.*, за 1866 годъ.

ности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ *вовсе не возникали*. Равнымъ образомъ приносили мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

Приводимыя въ отчетѣ Замятнина цифры показываютъ, какъ быстро росла популярность мировыхъ учрежденій въ столицахъ. Съ 17-го мая по 17-е ноября въ 28 участкахъ Петербурга было возбуждено 56,144 дѣла, изъ нихъ рѣшено и прекращено миромъ 44,770 дѣлъ (12,504 уголовныхъ и 32,266 гражданскихъ). Въ 17 участкахъ Москвы за тотъ полугодовой періодъ было возбуждено 31,608 дѣлъ (уголовныхъ 12,784 и гражданскихъ 18,824), рѣшено 17,171. На каждаго мироваго судью, несмотря на новизну и трудность новой гласной процедуры, приходилось среднимъ числомъ около 2,000 дѣлъ! Такая энергичная дѣятельность [20]) особенно бросалась въ глазахъ при сопо-

[20]) Приводимъ изъ составленнаго мировымъ судьею В. К. Вульфертомъ сборника „Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій" еще нѣкоторыя данныя объ нихъ.

Чтобы судить о размѣрахъ дѣятельности, проявленной мировыми судебными учрежденіями, достаточно принять на видъ, что перешедшія къ нимъ дѣла вѣдались до 1866 г. слѣдующими семью учрежденіями: уѣзднымъ судомъ (2 департ.), надворнымъ судомъ (3 департ.), магистратомъ (2 департ.), городовымъ словеснымъ судодомъ, коммиссіей для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девятью словесными судами при полицейскихъ частяхъ города и управленіемъ 17 частей города Москвы. Если сопоставить рядомъ съ этою многочисленностью учрежденій количество производившихся въ нихъ дѣлъ, ничтожность его сразу бросается въ глаза. Уголовныхъ дѣлъ производилось въ годъ 1,793, а гражданскихъ 6,200, всего стало быть около 8,000. Какъ велика въ этомъ отношеніи перемѣна, происшедшая со введеніемъ мировыхъ учрежденій, явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1890 году у мировыхъ судей возникло:

Уголов. дѣлъ.	28,850
Гражданскихъ.	38,137
	66,987,

т. е. въ теченіе 25 лѣтъ число дѣлъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 8 разъ.

ставленіи ея съ предшествовавшимъ временемъ, когда полицейскія книги, назначенныя для записи приговоровъ, въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняли свою дѣвственную чистоту!

Представители общества, являясь органомъ общей признательности, всякими способами выражали свою симпатію мировому суду.

Но представители общества выражали свою симпатію не на словахъ только, но и дѣлѣ. Когда по первому вызову С.-Петербургской городской Думы явилось, въ виду назначеннаго скуднаго вознагражденія въ 2,200 руб., очень немного лицъ, изъявившихъ желаніе баллотироваться на должность мироваго

Что явленіе это слѣдуетъ приписать не естественному росту населенія (оно въ Москвѣ увеличилось нѣсколько больше двухъ разъ) или развитію городской жизни, а именно строю и направленію новыхъ мировыхъ судебныхъ установленій, это можно вывести изъ сопоставленія данныхъ о дѣятельности ихъ за первые мѣсяцы ихъ существованія. Московская городская Дума, исходя изъ того соображенія, что къ мировымъ судьямъ будетъ поступать значительное количество мелкихъ дѣлъ, для которыхъ до судебной реформы „не было ни суда, ни расправы“, при дѣленіи гор. Москвы на участки, предполагала, что общее число дѣлъ сравнительно съ прежними увеличится вдвое, т. е. будетъ 16,000 въ годъ. На самомъ дѣлѣ въ первое же полугодіе число дѣлъ, возникшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, достигло 38,000, т. е. превысило число дѣлъ, возникавшихъ въ дореформенныхъ учрежденіяхъ, за соотвѣтственное время, *болѣе чѣмъ въ 9 разъ*. Что касается быстроты производства дѣлъ, то о ней могутъ дать понятіе слѣдующія данныя: изъ общаго числа возникшихъ въ 1890 г. 28,850 уголовныхъ дѣлъ рѣшено въ томъ же году 28,179, а изъ числа 38,137 гражданскихъ дѣлъ рѣшено 37,321. Всего мировыми судьями рѣшено въ теченіе 25 лѣтъ—1,368,546 дѣлъ, среднимъ числомъ около 55,000 въ годъ.

Упроченною доброю славою своею московскія мировыя учрежденія обязаны главнымъ образомъ старымъ судьямъ, издавна входящимъ въ составъ его. Приводимъ списокъ старѣйшихъ членовъ мироваго института, исполняющихъ судейскія обязанности не менѣе десяти лѣтъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить трехъ почетныхъ мировыхъ судей—С. А. Тарасова, Г. В. Грудева и графа М. С. Ланскаго, состоящихъ судьями съ 1866 г. и исполнявшихъ, помимо судейскихъ обязанностей, и обязанности предсѣдателя съѣзда и попечителя арестнаго дома. Затѣмъ слѣдуютъ Н. П. Грековъ (состоящій судьею съ 1867 г. и предсѣдателемъ съѣзда съ 1875 г. и по настоящее время), Холмскій А. С. (съ 1867 по 1891 гг.), Бахметевъ П. В. (съ 1867 по 1891 гг.), Строевъ П. П. (съ 1872 по 1891 гг.); съ 1878 г. и по нынѣ—непремѣннымъ членомъ съѣзда).

судьи, Дума возвысила окладъ съ 2,200 р. до 4,500 р. [21]). Какъ только оказалась надобность, въ виду накопленія дѣлъ, въ увеличеніи числа участковъ, Петербургская Дума ассигновала необходимыя средства.

Точно также и Московская общая Дума, несмотря на стѣсненное положеніе городскихъ финансовъ, не затруднилась назначить добавочное содержаніе на мировыя судебныя учрежденія.

VI.

Но какъ всякое учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью искорененіе широко распространеннаго и застарѣлаго зла и злоупотребленій, новыя мировыя учрежденія были встрѣчены въ высшей степени враждебно со стороны тѣхъ группъ и слоевъ, которымъ было на руку господствовавшее дотолѣ безправное состояніе массъ. Особенно ополчились противъ мироваго института органы крѣпостнической партіи, которая, не смѣя думать о возвратѣ былаго добраго стараго времени въ его чистомъ видѣ, хотѣла-бы удержать по крайней мѣрѣ привиллегированное положеніе, обезпечивающее безнаказанное самоуправство. Почитатели дореформенныхъ порядковъ особенно возмущались «не-

---

Флеровъ С. В. (съ 1872—1891 гг.), Ляпинъ М. И. (1872—1891 гг.), Коновницынъ графъ П. И. (1875—1891 гг.), Свѣчинъ А. И. (1877—1891 гг.), Ржевскій А. Ф. 1877—1891 гг.), Шиловъ А. А. (1881—1891 гг.).

Участковые мировые судьи слѣдуютъ по старшинству въ слѣдующемъ порядкѣ: Рукинъ В. Н. (1867—1891 гг.), Каринскій Н. Н. (1868—1891 гг.), Сумбулъ Л. Н. (1870—1891 гг.), Лебедевъ П. И. (1870—1891 гг.), Печкинъ С. И. (1872—1891 гг.), Волковъ И. М. (1872—1891 гг.), Симоновъ А. Б. (1873—1891 гг.), Баршевъ А. Л. (1875—1891 гг.), Любенковъ Л. В. (1875—1891 гг.), Ведрихъ Н. К. (1875—1891 гг.), Вульфертъ В. К. (1877—1891 гг.), Гончаровъ П. С. (1877—1891 гг.), Арцыбашевъ П. А. (1878—1891 гг.), Андреевъ Н. М. (1881—1891 гг.), Маттернъ Э. Э. (1881—1891 гг.). Съ основанія мироваго съѣзда секретаремъ состоитъ при немъ А. В. Амасійскій, а съ 1867 г.— А. Т. Савельевъ. Съ 1874 г. при съѣздѣ образованъ единственный въ Россіи совѣтъ судебныхъ приставовъ, вѣдающій ихъ дисциплинарныя дѣла и раздѣлъ таксіоннаго сбора.

[21]) См. журн. *Мин. Юст.*, 1867 г., № 5, стр. 184.

позволительнымъ вольнодумствомъ» мировыхъ судей, которые осмѣливались ставить на *одну доску* барыню и кухарку, обвинявшую первую въ самоуправствѣ либо оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ [22]). Судьи исполнявшіе свято возложенную на нихъ закономъ обязанность чинить судъ «равный для всѣхъ», безъ церемоніи обвинялись въ опасныхъ, разрушительныхъ наклонностяхъ.

Но первое время защитники крѣпостническихъ тенденцій были крайне малочисленны, и лучшая и бо̀льшая часть печати стояла горою за судебную реформу.

Отвѣчая на крѣпостническіе выходки «*Вѣсти*» противъ мироваго суда, *Московскія Вѣдомости*, между прочимъ, указывали на недобросовѣстность критиковъ этого молодаго учрежденія, игнорировавшихъ его цѣль и новыя условія его дѣятельности. «Щедрость общественныхъ учрежденій относительно мироваго

[22]) Подъ характернымъ заглавіемъ „Обломки разбитаго корабля" В. Н. Никитинъ выпустилъ къ „судебному юбилею" книгу, въ которой собраны сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ, представляющія крайне назидательную картину нравовъ извѣстной части нашего общества, не могшей примириться съ началомъ равенства, введеннымъ судебною реформою. Такихъ сценъ масса. Въ одной изъ нихъ фигурируетъ генералъ Симборскій, страшно обидѣвшійся на мироваго судью, который въ отвѣтъ на его требованіе, чтобы ему, какъ кавалеру ордена св. Владиміра, поданъ былъ стулъ, приказалъ подать два стула: одинъ генералу Симборскому, другой истцу мѣщанину (стр. 139).—Контръ-адмиралъ Арбузовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что мировой судья попросилъ его идти за рѣшетку (въ публику) и тамъ дожидаться очереди. Въ апелляціонной жалобѣ своей съѣзду г. Арбузовъ между прочимъ писалъ: „Услыша поочери призывъ г. судьи: „г. Арбузовъ" и г. Соколовъ, конечно, по идеѣ *соціализма* или непонятнаго *энгелизма* (sic), часто повторяемой отъ многихъ неучей мышленія, какъ-будто ведущихъ къ прогрессивности, что, къ сожалѣнію, отъ непониманія сущности ведетъ наше должное развитіе къ ущербу съ понятіемъ о ложномъ, мнимомъ равенствѣ состояній или закона, что слышанныхъ къ сожалѣнію отъ многихъ мировыхъ судей при народномъ собраніи разбирательства исковъ, въ чемъ мое опредѣленіе подвергаю рѣшенію судей, какъ здравомыслящихъ по непреложнымъ законамъ природы („тамъ-же" 128).—До какой степени это дикое наслѣдіе дореформенныхъ порядковъ непонятно было европейцамъ, видно изъ того, что надъ ними иронизировала даже архиконсервативная прусская газета, „Крестовая Газета" (тамъ-же, 145).

института, при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ, получаетъ, писала эта газета, значенiе *непререкаемаго* заявленiя о пользѣ мировыхъ учрежденiй, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ мировая часть судебныхъ учрежденiй подвергалась и подвергается *наиболѣе злобнымъ* нападкамъ со стороны нашихъ *консерваторовъ извѣстнаго сорта*, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другiя преобразованiя, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что̀ это такое было?—Кто будетъ утверждать, что прежнее судебное полицейское разбирательство было способно къ развитiю? И наоборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенiя мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла; что они становятся предметомъ обсужденiя въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и слѣдовательно способныхъ хранить результаты прiобрѣтенной опытности; что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ, какъ устной, такъ и печатной. Теперь всякое ихъ упущенiе выходитъ наружу и всякому доброжелателю *и недоброжелателю* правосудiя на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствiями мироваго суда и при первомъ поводѣ подвергать его порицанiю, *и даже незаслуженному*. Было-ли, что̀-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? Насколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда и мнимый, и на этомъ основанiи произносить неблагопрiятныя приговоры *о цѣломъ учрежденiи?*... Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Понургово, все-таки нельзя увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенiя не были возможны, потому что все тамъ происходило *келейно, подъ сильнымъ давленiемъ администрацiи?*...» [23]).

Но, къ сожалѣнiю, подобныя заявленiя нисколько не обезоруживали партiю, враждебную идеямъ новаго суда. Указывая на тѣ или другiя злоупотребленiя администрацiи, обнаруживаемыя при гласномъ разбирательствѣ, враги новаго суда обви-

[23]) См. № 263 за 1866 г.

нніи его въ томъ, что онъ колеблетъ престижъ государственной власти, стройность управленія [24]) и пр. Вся благомыслящая часть печати возстала противъ такой фальшивой точки зрѣнія, развиваемой *Вѣстью*, но не встрѣчавшей въ то время прямаго сочувствія въ правительственныхъ сферахъ. «Воздвигаясь среди обломковъ отчасти разрушившагося, отчасти еще разрушающагося соціальнаго быта, писалъ И. С. Аксаковъ, встрѣчаясь лицомъ къ лицу каждый день и каждый часъ со старыми, еще живучими, но уже осужденными на смерть порядками и преданіями, нашъ новый судъ переживаетъ трудное время. Потребна не малая мудрость, немалая стойкость отъ тѣхъ, кому поручено насажденіе новой правды на Руси, для разумнаго ухода за нею, для того, чтобы не тревожиться зловѣщими криками: «объ уничиженіи *достоинства власти*», «объ опасности для общественнаго спокойствія», и пр. Уничиженіе достоинства власти!... Но развѣ самъ судъ не есть одно изъ отправленій государственной власти и развѣ не въ тысячу кратъ выше прежняго сплотилась и укрѣпилась новая судебная власть? Развѣ не пріобрѣло, наконецъ, государство, казалось, на вѣкъ уже утраченное довѣріе къ своему суду? Уничижено не достоинство власти, но отъ блеска истиннаго достоинства нашего обновленнаго правосудія поблекла и посрамилась *мишура* прежнихъ административныхъ гарантій спокойствія и порядка. Толкуютъ объ опасности. Опасность дѣйствительно грозитъ, но не общественной тишинѣ и благоустройству, а именно новому суду, который хотятъ свести съ его юридической основы на зыбкую почву административ-

[24]) До чего доходила вражда администраціи къ суду и манія ея охранить престижъ свой, можно судить по разсказу акад. Никитенко. Въ ноябрѣ 1866 г. дѣлили Петербургъ на полицейскіе участки. Предположено было принять для этого въ основаніе дѣленіе города на судебно-мировые участки. Оберъ-полиц. Треповъ, ненавидившій новые суды, энергически отвергъ такой планъ дѣленія, ссылаясь на то, что „авторитетъ полиціи какъ бы подчинится (sic) авторитету судовъ“ (Русская Стар. 1891, № 9, стр. 585).—Тотъ-же Никитенко передаетъ, что отъ всякой ошибки со стороны новаго суда, какъ, напр., было съ дѣломъ свящ. Борисоглѣбскаго, обвиненнаго въ оскорбленіи дамы (подробности см. въ „Обломкахъ разбитаго корабля“ — Никитина, стр. 130), администрація чуть съ ума не сходитъ отъ радости (Русс. Стар. 1891, № 10, стр. 180).

ныхъ соображеній, привить ему традиціи и свойство старыхъ судовъ, которыхъ назначеніе, какъ извѣстно, состояло не въ томъ, чтобы творить судъ и правду на независимыхъ, твердыхъ началахъ, а въ томъ, чтобы узаконить или, вѣрнѣе, давать законную *юридическую обдѣлку* административному произволу—быть услужливымъ выраженіемъ и орудіемъ административныхъ, временныхъ, непрестанно видоизмѣняющихся воззрѣнійна правду»[25]).

Тотъ же публицистъ съ большою наглядностью указывалъ на вредъ, происходившій отъ систематической травли, предпринятой реакціонною печатью противъ мировыхъ и вообще судебныхъ учрежденій. «Тутъ, — по справедливому замѣчанію Аксакова,—правдивой и честной критикѣ не оставалось почти никакого мѣста, она легко могла бы послужить даровымъ лишь матеріаломъ для тѣхъ самыхъ недобросовѣстныхъ порицаній и отрицаній, которыя грозили нѣкоторое время даже существованію новаго суда». Съ другой стороны, Аксаковъ указывалъ, какъ неблагопріятно должно было отозваться на дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій ихъ постоянное шельмованіе и запугиваніе. «Новому суду,—писалъ онъ,—представляется такъ много серьезнаго и притомъ совершенно новаго дѣла, что всякая побочная забота объ огражденіи своихъ правъ или неувѣренность въ своей крѣпости и самостоятельности могла бы только мѣшать его внутренней дѣятельности и неуклонному исполненію его высокаго призванія: служить закону и законности въ Россіи. Закулисная борьба между прочно установившимися и вѣками сложившимися административными силами и едва возникающею самостоятельностью судовъ не можетъ обѣщать никакихъ добрыхъ результатовъ. Одно уже предположеніе, что борьба эта существуетъ — грозило-бы не малою опасностью *нравственной* (курсивъ подлинника) *независимости суда*, который, въ ожиданіи невѣдомаго исхода этой борьбы, по одному чувству *самосохраненія* легко бы могъ, въ лицѣ единичныхъ своихъ органовъ, увлекаться такими уступками, какія нисколько не согласны съ духомъ новыхъ судебный учрежденій, ни съ самими намѣреніями, выраженными ихъ Основателемъ. А этотъ духъ и

[25]) *Москвичъ* отъ 8 февраля 1868 г.

эти намѣренія — *самое дорогое* во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите ихъ отъ новаго суда, останется одна мертвая форма, одинъ балаганный спектакль чего-то новаго, что̀ въ сущности, пожалуй, выйдетъ хуже даже разлагающагося стараго [26]).

Указанныя неблагопріятныя условія, конечно, отразились и не могли не отразиться вредно на дѣятельности какъ общихъ, такъ и мировыхъ учрежденій. Но духъ этихъ учрежденій, добрыя традиціи, крѣпко заложенныя въ первые годы ихъ дѣятельности, оказали настолько благотворное дѣйствіе, что въ общей суммѣ мировыя учрежденія, за ничтожными исключеніями, по оффиціальному удостовѣренію находятся *въ удовлетворительномъ*, а мѣстами даже въ блестящемъ состояніи.

При послѣдней сенаторской ревизіи, предпринятой въ началѣ 80-хъ годовъ, одинъ изъ ревизоровъ, сенаторъ М. Е. Ковалевскій, ревизовавшій довольно глухія сѣверо-восточныя губерніи, далъ о мировыхъ учрежденіяхъ весьма хорошій отзывъ, а относительно одного мироваго съѣзда онъ прямо выразился, что онъ *не оставляетъ ничего желать болѣе*.

Вскорѣ послѣ опубликованія законоположеній 12-го іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ въ *Правител. Вѣст.* опубликованы были оффиціальныя данныя, изъ коихъ явствовало, что дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій (послѣ извѣстнаго сенатскаго указа 1886 г.) стала «весьма удовлетворительною какъ въ смыслѣ *правильности* постановляемыхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи *быстроты судопроизводства* [27]).

Какая бы участь ни ждала въ будущемъ мировой институтъ, истекшая двадцатипятилѣтняя плодотворная дѣятельность его по водворенію въ безправной дотолѣ массѣ народной идей права и законности, сознанія своего человѣческаго достоинства, составляетъ громадную и безспорную заслугу предъ отечествомъ и она займетъ видное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа.

---

26) *Москва* 2 февраля 1867 г.

27) Оффиціальныя данныя перепечатаны въ № 241 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1889 г.

Post-scriptum.

(Либерализмъ и новый судъ).

Десятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ ознаменовалось выраженіемъ Высочайшаго благоволѣнія чинамъ судебнаго вѣдомства (см. Собраніе Узаконеній и распоряженій правительства за 1874, № 100).

Двадцатипятилѣтіе же новыхъ судебныхъ учрежденій не было отмѣчено никакимъ оффиціальнымъ торжествомъ или заявленіемъ.

Въ газетахъ появились статьи, посвященныя «судебному юбилею». 17 апрѣля 1891 г., въ *Новомъ Времени* появилась статья, привѣтствовавшая съ большимъ сочувствіемъ двадцатипятилѣтіе новаго суда (см. выдержку ниже).

По поводу изданной мною къ двадцатипятилѣтію новаго суда книга «Основы Судебной реформы» въ *Новомъ Времени* 22 мая странная статья «О либерализмѣ суда», заслуживающая вниманія, какъ признакъ времени.

Въ статьѣ указывается на одно «печальное недоразумѣніе, возникшее *одновременно* съ новымъ судомъ и сопутствующее ему до сегодня». Недоразумѣніе, такъ долго продолжающееся, состоитъ въ томъ, что новые суды считались и считаются за «нѣчто либеральное». Ссылаясь на то, что начиная съ Ярослава Мудраго и вплоть до царствованія Николая I-го «забота о правосудіи» всегда образовывала одну изъ составныхъ частей государственнаго управленія, газета считаетъ неправильнымъ стремленіе «либерализма» «примазаться» къ новому суду. «Все оправданіе (sic) новаго суда,—говоритъ *Новое Время*,—очевидно не въ томъ, что его основы «либеральны», а только и единственно въ томъ, что *эти основы обезпечиваютъ правосудіе;* и можно предвидѣть,—продолжаетъ газета,—что до тѣхъ поръ новый судъ не будетъ имѣть у насъ нормальнаго, здороваго роста, пока не исчезнетъ это *печальное недоразумѣніе*».

Намъ неизвѣстно, на чемъ основано предвидѣніе и опасеніе автора статьи, но только нельзя не видѣть, что крайне ориги-

-нальная точка зрѣнія [1]), защищаемая газетою, и исторически невѣрна, и по существу несправедлива.

До сихъ поръ, какъ вѣрно замѣчаетъ газета, и противники и сторонники основъ новаго суда ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, либеральны или не либеральны начала новаго суда,— такъ безспоренъ былъ этотъ вопросъ. Споръ между ними происходилъ только о томъ, полезны ли, разумны ли, желательны ли эти начала въ интересахъ правосудія. Теперь же *Новое Время* выступаетъ съ необыкновенно оригинальнымъ взглядомъ, носящимъ отпечатокъ свойственнаго нашему времени шатанія мысли. Что «основы эти обезпечиваютъ правосудіе», газета въ этомъ не сомнѣвается, но вся бѣда, по ея мнѣнію, въ томъ, что къ нимъ примѣняютъ эпитетъ: «либеральный». Только онъ мѣшаетъ «здоровому, нормальному росту» [2]) новыхъ судебныхъ учрежденій!... Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что присущій имъ, «порокъ» не устранимъ, такъ какъ либеральный характеръ основъ судебной реформы нельзя отвергнуть, несмотря на всѣ усилія этой газеты обработать по своему или вовсе игнорировать данныя исторіи.

«Почему,—спрашиваетъ *Новое Время*,—*забота* о правосудіи выставляемся точно привилегіею либерализма?» Никто никогда такой привилегіи за нимъ не признавалъ. *Забота* о правосудіи болѣе или менѣе присуща всѣмъ законодателямъ и судьямъ всѣхъ временъ, начиная отъ эпохи царя Соломона и кончая современными законодателями Европы и Азіи. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ только въ томъ, какіе *пути, средства* слѣдуетъ считать орудіемъ для раскрытія на судѣ истины и обезпеченія правосудія? И вотъ тутъ-то въ пестрой исторической чредѣ смѣнялись разные взгляды и системы. Всѣ они болѣе или менѣе исходили изъ добраго намѣренія о водворѣніи правосудія,

---

[1]) Въ *Юридической Лѣтописи*, занимающей, благодаря своему двусмысленному нейтралитету, совершенно изолированное положеніе въ юридической прессѣ, появилась статья, написанная въ томъ же духѣ (1891, № 7).

[2]) Въ *Русской Мысли* (1891 г., № 8) было помѣщено обстоятельное возраженіе противъ этой статьи, въ которомъ ясно доказывалось, что невозможно обезоружить враговъ „основъ судебной реформы“ простымъ измѣненіемъ номенклатуры или маскараднымъ ренегатствомъ.

но не рѣдко устанавливали такую процедуру, которая служила сильнѣйшимъ тормазомъ и даже неодолимымъ препятствіемъ для осуществленія этой благой цѣли. Было время, когда испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, удачный исходъ поединка и т. п. средства считались цѣлесообразными орудіями правосудія. Было время, когда застѣнокъ и пытка, дыба и допросъ съ «пристрастіемъ» признавались наилучшими способами для открытія правды на судѣ. Были судьи въ родѣ безчеловѣчнаго Джефрайса, которые считали невинность лучшей защитой подсудимаго, а себя наиболѣе компетентными органами ея!

Но зачѣмъ уходить въ глубь временъ для иллюстраціи мысли, что не всякія средства, установленныя въ интересахъ торжества правосудія, *eo ipso* ведутъ къ достиженію его? Достаточно оглянуться на недавнее прошлое, на время, непосредственно предшествовавшее судебной реформѣ 1864 г. Тутъ ли не были приложены старанія для водворенія въ Россіи законности и правосудія! И Сводъ Законовъ былъ напечатанъ, и новое Уложеніе было составлено, и спеціальный разсадникъ юристовъ былъ созданъ! Мало того: въ интересахъ вящшаго торжества правосудія было создано даже спеціальное учрежденіе (III отдѣленіе) съ многочисленными чрезвычайными мѣстными агентами, на обязанности коихъ лежало «наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми сильными, властными; внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго и безгласнаго гражданина» [3]). Но когда рядомъ съ провозглашеніемъ этой благородной цѣли устанавливалось келейное, бумажное, инквизиціонное судопроизводство, съ полнымъ упраздненіемъ судейской самостоятельности; когда даже люди науки говорили съ университетскихъ каѳедръ о вредѣ гласности, о необходимости системою утонченныхъ инквизиторскихъ пріемовъ [4]) добиваться сознанія подсудимаго,— нечего было ждать водворенія законности и правосудія.

Вѣдь не для кого теперь не тайна, что своеобразныя «заботы»

---

[3]) Русс. Архивъ 1889, № 7, инструкція гр. Бенкендорфа чинамъ корпуса жандармовъ.

[4]) См. проф. Я. Баршева. Основаніе угол. судопр. Спб. 1841 г., стр. 155.

о правосудіи простирались такъ далеко, что, допытываясь чистосердечнаго сознанія, еще въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ безъ церемоніи подвергали пыткѣ, оффиціально отмѣненной Указомъ 1801 г. Лицо, компетентность коего внѣ всякаго сомнѣнія, бывшій московскій губернскій прокуроръ (нынѣ сенаторъ) Д. А. Ровинскій удостовѣряетъ, что еще въ 50-хъ годахъ въ Москвѣ существовали «клоповники» при Городскомъ частномъ домѣ и т. п. «Аскольдовы могилы» (то есть совершенно темныя ямы подъ Басманнымъ частнымъ домомъ), куда сажали «несознававшихся подсудимыхъ», и откуда они выходили слѣпыми [5]). Кормленіе сельдемъ составляло до открытія новаго суда явленіе заурядное въ московской слѣдственной практикѣ, которой не была чужда и древняя «виска» [6]). *Только съ учрежденіемъ суда присяжныхъ*, по удостовѣренію того авторитетнаго источника, пытка стала выходить изъ употребленія [7]).

Приподнимемъ еще уголокъ завѣсы, скрывающей темныя дѣла стараго суда, чтобы показать, каковы были «заботы» его о правосудіи. Какъ разъ предъ отрытіемъ новыхъ судовъ, въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось дѣло молодаго исправника, перепоровшаго массу людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и такъ неслыханно надругавшагося надъ крестьянскими дѣвушками, что въ печати невозможно было назвать по имени «омерзительные поступки» блюстителя порядка. Судила-рядила мать-палата. По закону, исправнику слѣдовало идти въ каторгу; но губернаторъ принималъ живое участіе въ своемъ любимцѣ, стало быть, онъ долженъ быть оправданъ. Такъ и поступила палата, приговоривъ «юнаго повѣсу», какъ назвали исправника *Моск. Вѣдом.*, къ домашнему аресту на нѣсколько дней.

Справедливо возмущенный этимъ Шемякинымъ судомъ, Катковъ излилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ: «Какая оскорбительная насмѣшка, говорили *Моск. Вѣдом.* по поводу этого приговора, надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ, какъ общественную нравственность. *Одно другаго*

---

5) См. Русскія народныя картины. Ровинскаго, т. V, стр. 327.
6) См. тамъ же, стр. 322.
7) См. тамъ же, стр. 324.

стоить: и поступки усерднаго блюстителя благочинія и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи. Но что такое наша *нынѣшняя* отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько времени должны уступить свое мѣсто другому судоустройству, долженствующему *не имѣть съ нимъ почти ничего общаго.* Они лишены всякой самостоятельности, особенно, когда губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными» [8])...

Когда и какъ явилось это *новое* судоустройство?

Послѣ паденія крѣпостнаго права, налагавшаго, по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта, свой отпечатокъ на всѣ отправленія государственной жизни [9]), стала на очередь судебная реформа. Для осуществленія ея ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться совершенно отъ существующей системы судоустройства и судопроизводства и обратиться къ прямо противоположной, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ. На необходимость обращенія къ «*противоположной системѣ* и *непреложнымъ истинамъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства», указалъ ни кто иной, какъ благонадежнѣйшій коронный юристъ г. Д. Н. Блудовъ [10]).

Въ виду этого и состоялось въ 1862 г. Высочайшее повелѣніе о составленіи основныхъ положеній судебнаго преобразованія, «несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*» [11]). Тутъ то и появились тѣ *гуманно-либеральныя* начала современнаго европейскаго судоустройства (несмѣняемость суда и независимость его отъ администраціи, судъ присяжныхъ, уваженіе къ личности обвиняемаго, огражденіе его правъ, уравненіе защиты съ обвиненіемъ, гласность и пр.), которыя легли въ основаніе Судебныхъ Уставовъ. Въ этомъ смыслѣ и можно и должно называть новый судъ учрежденіемъ либеральнымъ, и въ этомъ смыслѣ, какъ совершенно вѣрно указалъ еще М. Н. Катковъ, судебная реформа 1864 г. была «не столько реформой, сколько

---

8) „Московскія Вѣдомости“ 1866, № 49.

9) См. Журн. госуд. совѣта, 1862 г., № 65.

10) См. Записку Блудова въ т. II. Дѣла о преобраз. суд. части.

11) Т. XVIII того же Дѣла.

созданіемъ судебной власти» [12]). Поясняя это на первый взглядъ парадоксальное, но въ сущности совершенно вѣрное положеніе, тотъ же публицистъ указывалъ, что «хотя и до 1866 г. существовали суды, но эти суды *только по названію*, потому они, будучи лишены всякой самостоятельности, были только *придаткомъ администраціи*» [13]). Вліяніе этого новаго *либеральнаго* судебнаго строя, не имѣвшаго ничего общаго, по словамъ того же публициста [14]), «съ прежними порядками, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей», было поразительно, почти чудодѣйственно. Въ 1891 г. одна газета слѣдующими краснорѣчивыми словами характеризовала невѣроятный, почти сказочный переворотъ, произведенный судебною реформой:

«Новый судъ,—говорила эта газета по поводу недавняго судебнаго юбилея, — произвелъ коренной переворотъ *не только собственно въ правосудіи*, но и вообще въ *правовомъ положеніи*. Создалось, можно сказать, *почти вновь* обезпеченіе каждому русскому тѣхъ правъ, которыя ему даны закономъ. Законъ всегда былъ, но было такое положеніе: что каждый сильный человѣкъ имѣлъ право говорить: законы для того и пишутся, чтобы слабый не тягался съ сильнымъ. Законъ всегда былъ, *но не было правосудія*. Судъ и волокита, судъ и разореніе, судъ и подкупъ, судъ и крючкотворство — вотъ съ какими понятіями сочетался тогдашній судъ... И вдругъ, вмѣсто этого, 25 лѣтъ тому назадъ дѣйствительно правда и милость *засіяли* въ нашемъ судѣ. Россія словно бы очутилась на *другой планетѣ*, словно бы совершилось съ нею какое-то *дивное превращеніе* [15])».

Новое Время въ приведенныхъ строкахъ, вѣроятно не усмотритъ цвѣтовъ напыщенной адвокатской риторики, если вспомнить, что эти строки составляютъ ipsissima verba его же собственной «юбилейной» статьи, появившейся 17-го апрѣля 1891 г. Что замѣною стараго, продажнаго, жестокаго, лишеннаго всякой са-

[12]) „Моск. Вѣдом.“ 1867 г., № 69.
[13]) „Моск. Вѣдом.“ 1866 г., № 198.
[14]) „Моск. Вѣдом.“ 1867, № 69.
[15]) См. „Новое Время“ отъ 17 апрѣля 1891 г.

мостоятельности суда независимымъ гуманнымъ судомъ Россія обязана именно либерально-гуманнымъ основнымъ началамъ судебной реформы, а не новому судебному персоналу, это всего лучше видно изъ того, что громадное большинство персонала новаго суда было взято изъ состава старыхъ судовъ [16])... Теперь же, по новому взгляду *Новаго Времени*, оказывается, что только тогда будутъ правильно функцiонировать новые суды, когда вовсе откажутся отъ своего первороднаго грѣха — либеральнаго происхожденія, и отъ того духа и направленія, которые съ особенною силою сказались «въ началѣ судебной реформы».

Двусмысленность и непослѣдовательность взгляда *Новою Времени* наглядно обнаруживается именно въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ лучшей эпохѣ дѣятельности новаго суда, эпохѣ, когда съ особенною силою выражался присущій ему духъ. Для всѣхъ истинныхъ почитателей основъ новаго суда первое время именно и было временемъ разцвѣта основныхъ началъ судебной реформы. Отдѣльныя ошибки, конечно, возможны были и тогда, но общій духъ ея былъ таковъ, что въ сохраненіи его истинные друзья новаго суда видѣли залогъ его преуспѣянія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ 1867 г. И. С. Аксаковъ, котораго трудно заподозрѣть въ пристрастіи къ либерализму. Когда появились толки о томъ, что администрація относится недружелюбно къ независимому направленію и духу независимости новыхъ судебныхъ учрежденій, Аксаковъ доказывалъ, что въ немъ, въ этомъ именно духѣ, заключается основной смыслъ судебной реформы. «Этотъ духъ,—писалъ Аксаковъ въ *Москвѣ* отъ 2-го февраля 1867 г.,—самое дорогое во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите его отъ новаго суда, и отъ него останется одна *мертвая форма*, одинъ *балаганный спектакль* чего-то новаго, что въ сущности пожалуй даже выйдетъ хуже разлагающагося стараго» [17]).

Новые же «истинные» друзья новаго суда полагаютъ, что «для нормальнаго, устойчиваго, органическаго развитія» необ-

---

[16]) См. Журн. мин. юстиціи 1866, № 5.
[17]) См. Собраніе сочиненій Аксакова, IV, стр. 591.

ходимо отречься ему отъ своихъ лучшихъ традицій и истиннаго духа!...

Было время, когда оффиціально провозглашалось, что «либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ законъ порядка и благоденствія». Оно, конечно, въ порядкѣ вещей «открещиваться» теперь отъ либеральныхъ основъ судебной реформы,—разъ онѣ вышли изъ моды,—но, къ сожалѣнію, съ непріятными историческими фактами не легко справиться. Поэтому упрекъ *Новаго Времени* либерализму въ томъ, что онъ «примазывается» къ новому суду представляется страннымъ. Желаніе же этой газеты поставить успѣхи новаго суда внѣ зависимости отъ его либеральныхъ основъ и выставить эти основы даже враждебными интересамъ правосудія поражаетъ больше своею неблагодарностью, чѣмъ основательностью. Дальнѣйшее процвѣтаніе новаго суда возможно только при вѣрности его своимъ основнымъ началамъ: иначе это будетъ не новый судъ въ истинномъ его значеніи, а, какъ выразился М. Н. Катковъ, «одно только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть». Къ Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. вполнѣ было примѣнимо правило: Sint ut sunt, aut non sint!

Въ заключеніе два слова по поводу вышеупомянутой статьи *Юридической Лѣтописи*, поющей въ унисонъ съ *Новымъ Временемъ*. Журналъ негодуетъ на «неумѣлыхъ» друзей новаго суда, которые «своею легкомысленною защитою» только вредятъ ему. Этимъ безъ вины виноватымъ защитникамъ только остается спросить:

Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?..

По правилу: amicus certus in re incerta cernitur—защита дорога въ минуту опасности. А что-то не слыхать голосовъ этихъ «трезвыхъ», но нѣсколько двусмысленныхъ друзей новаго суда, именно тогда, когда онъ наиболѣе нуждается въ «авторитетной защитѣ». Достаточно припомнить недостойную травлю суда присяжныхъ, предпринятую какъ разъ предъ судебнымъ юбилеемъ *Московскими Вѣдомостями*, которыя въ дикой рас-

правѣ обезумѣвшей уличной толпы американцевъ усматривали «кровавый приговоръ надъ самимъ судомъ присяжныхъ» [18]. Трезвые друзья суда присяжныхъ предпочитали хранить, въ это время, невозмутимое молчаніе.

---

18) Москов. Вѣдом. 17-го марта 1891 г.

V.

Idéal! idéal! sur tes traces divines,
Combien déjà se sont egarés et perdus!
Les meilleurs d'entre nous sont ceux que tu fascines;
Ils se rendeut à toi sans s'être defendus.

Ackermann.

Мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; Эпохи, когда гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта.

Н. А. Любимовъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

(Рѣчь, произнесенная 13-го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Москов. Юридич. Общ. по случаю 25-ти-лѣтія его основанія).

I.

Признаться, не безъ сильнаго смущенія вхожу я на эту парадную каѳедру нашей almae matris. Меня смущаетъ не только тотъ сонмъ великихъ именъ и тотъ рой величавыхъ традицій и воспоминаній, которыя витаютъ надъ этою вѣщею трибуною. Меня смущаетъ также и та задача, которую я взялъ на себя по порученію Московскаго Юридическаго Общества, задача — сообщить вамъ лѣтопись, откуда пошло наше Юридическое Общество.

И есть отчего придти въ смущеніе!

Я былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе, если бы вы вздумали, мм. гг., потребовать отъ меня разсказать по *личнымъ* воспоминаніямъ прагматическую исторію зарожденія Московскаго Юридическаго Общества, имѣвшаго мѣсто въ то время, когда мы, наше поколѣніе сидѣло еще на школьной скамьѣ. Личныя воспоминанія мои объ Обществѣ не идутъ далѣе конца 70-хъ годовъ.

Мнѣ остается одинъ выходъ: передать вамъ то представленіе, которое, по традиціи, сложилось у членовъ Московскаго Юридическаго Общества болѣе поздняго наслоенія о времени и обстоятельствахъ, вызвавшихъ его къ жизни. Но это мое положеніе сторон-

няго зрителя имѣетъ и свои удобства, и, пожалуй, довольно значительныя. Непосредственнымъ участникамъ и свидѣтелямъ общественнаго дѣла трудно учесть размѣры участія въ немъ личнаго и общественнаго элементовъ. Сами находясь въ зонѣ извѣстнаго движенія, имъ трудно уяснить вполнѣ его значеніе и послѣдствія. Они нерѣдко впадаютъ въ ошибку, принимая физическихъ виновниковъ, иногда являющихся безсознательными, почти невольными орудіями движенія, за настоящихъ его авторовъ. Сторонній свидѣтель болѣе застрахованъ отъ подобной ошибки. Ему легче соблюсти законы исторической перспективы, ему виднѣе параллелограммъ силъ, обусловливающихъ явленія общественной жизни.

Вотъ почему, если я не въ состояніи буду разсказать вамъ, кто, когда и какъ строилъ фундаментъ Юридическаго Общества (что̀ уже отчасти сдѣлалъ въ своей исторической запискѣ первый предсѣдатель Общества, достойнѣйшій В. Н. Лешковъ), то, быть можетъ, мнѣ удастся очертить передъ вами характеръ того общественнаго движенія, которое сгруппировало учредителей нашего Общества и заставило ихъ вольно или невольно работать надъ сооруженіемъ будущаго зданія перваго союза юристовъ. Я сказалъ «работать невольно». Не подумайте, что это lapsus linguae! Нѣтъ, это фактъ историческій, и я его могу доказать ссылкою на вышеупомянутую «историческую записку». Изъ нея мы узнаемъ, что главными виновниками учрежденія Московскаго Юридическаго Общества были профессора С. И. Баршевъ и В. Н. Лешковъ. Эти два имени, поставленныя рядомъ, говорятъ весьма много и вразумительно! Насколько естественно видѣть надъ созиданіемъ Юридическаго Общества В. Н. Лешкова, этого неустаннаго борца за начало свободной общественной самодѣятельности, настолько неожиданно видѣть въ той же роли представителя противоположнаго міросозерцанія, С. И. Баршева. Участье Баршева въ этомъ дѣлѣ особенно знаменательно и интересно. Если Лешковъ, работая надъ созиданіемъ Юридическаго Общества, свободно отдавался своимъ природнымъ и научнымъ влеченіямъ и симпатіямъ, то Баршевъ, входя въ это дѣло и даже беря на себя его иниціативу, дѣлалъ шагъ, не имѣвшій оправданія во всей его прежней научной и литературной дѣятельно-

сти, посвященной восхваленію нашего дореформеннаго бюрократическаго строя. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю интереснымъ «невольное» участіе Баршева въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ сказаннаго я, кажется, въ правѣ заключить, что для уясненія происхожденія нашего Общества не столько важно знать его, такъ сказать, оффиціальныхъ воспріемниковъ отъ купели, сколько уяснить ту группу силъ, теченій и явленій, которыя вызвали къ жизни въ 1863 г. чествуемое нами учрежденіе.

Какія же это были явленія?

Обыкновенно принято считать причиною возникновенія Московскаго Юридическаго Общества судебную реформу или точнѣе обнародованіе 1-го октября 1862 г. Высочайше утвержденныхъ основныхъ положеній судебной реформы. Таково мнѣніе, между прочимъ, и перваго исторіографа его В. Н. Лешкова. Не скажу, чтобы это мнѣніе было невѣрно, но по моему мнѣнію, оно не совсѣмъ точно и убѣдительно. Начало судебной реформы относится къ 1842 году, а иные не безъ основанія относятъ его даже еще за 100 лѣтъ къ 1747 г. Отчего же въ этотъ длинный періодъ времени никому не приходила и не могла придти въ голову мысль объ основаніи гдѣ либо юридическаго общества!? А съ другой стороны, развѣ и сама судебная реформа, въ томъ видѣ какъ она вылилась въ присноцамятномъ законодательномъ актѣ 20 ноября 1864 г., развѣ она сама не есть продуктъ или, лучше, дальнѣйшее развитіе еще болѣе значительнаго законодательнаго памятника 19 февраля 1861 года? Свидѣтельствуюсь въ этомъ случаѣ авторитетомъ безусловной достовѣрности и компетентности, покойнымъ С. И. Заруднымъ, не отходившимъ отъ дѣла судебной реформы, начиная отъ образованія первой завязи ея въ 1842 году и вплоть до изданія въ 1866 г. государственною канцеляріею Судебныхъ Уставовъ, съ разсужденіями на коихъ они основаны. Онъ-то именно категорически заявляетъ, что безъ освобожденія крестьянъ никогда не видать бы этой странѣ Уставовъ 20-го ноября.

А если это такъ, то не въ правѣ ли мы счесть за болѣе коренную причину возникновенія юридическаго общества освобожденіе крестьянъ, крестьянскую реформу и то освободительное движеніе, которое въ свою очередь дало жизнь и крестьянской

реформѣ и всѣмъ проистекавшимъ изъ нея послѣдующимъ реформамъ: земской, судебной, городовой, университетской; отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, реформѣ законодательства о печати, о воинской повинности, и пр. и пр.?

Вотъ мы и подошли къ тому главному стволу, освободительному движенію 60-хъ годовъ, коего небольшимъ, но естественнымъ развѣтвленіемъ было основаніе Московскаго Юридическаго Общества.

II.

Шестидесятые годы! Какое это чу́дное и чудно́е, непонятное для насъ, для нашего бѣднаго вѣрою и воодушевленіемъ поколѣнія, время, время идеаловъ, время титановъ мысли, гигантовъ вѣры, богатырей дѣла! Въ какіе нибудь 3—4 года уничтожаются: и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, и старый инквизиціонный судъ, и насаждается самоуправленіе и нѣкоторое подобіе свободы печати! Что это за кипучая и всеобъемлющая дѣятельность по обновленію всѣхъ отраслей общественной и частной жизни, начиная отъ законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными отношеніями, начиная отъ философскихъ системъ и кончая дѣтскими пеленками!!

Нынѣшнимъ «охлажденнымъ умамъ» не по сердцу эта бьющая ключемъ энергія жизни, пробудившейся послѣ полувѣковой спячки. Они не прочь подчеркнуть съ злорадствомъ тотъ или другой неудачный штрихъ этой героической законодательной и общественной эпопеи, не прочь бросить его благороднымъ дѣятелямъ педантическій упрекъ въ поспѣшности. Но гдѣ же послѣ этого справедливость? Вѣдь если эти неутомимые труженники торопились, работали день и ночь, то это было не дѣломъ каприза и вѣтренаго увлеченія ложными идеями, а сознательнаго разсчета. Они очень хорошо знали, какъ непродолжительна и непрочны бываютъ въ нашей общественной жизни ясные «дни Аранхуеца», весна либеральныхъ вѣяній, послѣ обычной продолжительной и суровой зимы.

На этотъ разъ противъ обыкновенія выдалась болѣе продолжительная красная весна, и всѣ спѣшили ею воспользоваться,

боясь, какъ бы не пришлось дѣло, начатое весною, додѣлывать въ сырые, холодные осенніе дни!

Впрочемъ, можетъ быть, тутъ не былъ даже какого-нибудь преднамѣреннаго сознательнаго разсчета, а просто бессознательная кипучая работа пробудившейся, послѣ продолжительной спячки, общественной жизни.

«Болѣе великаго момента, говоритъ одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей этой эпохи, Н. В. Шелгуновъ, какъ этотъ переходъ отъ идей крѣпостнаго права и служилаго государства къ идеѣ новаго государства, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ; но мы, современники этого перелома, стремились къ личной и общественной свободѣ и работали только для нея, конечно, не имѣя времени думать, дѣлаемъ-ли что-нибудь великое или невеликое, мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно» (Русс. Мысль, 1886 г., № 3, стр. 195).

Это было какое-то стихійное увлеченіе, какое-то неотразимое дѣйствіе неизвѣстно откуда нахлынувшихъ волнъ тепла и свѣта, глубоко и сильно отозвавшихся и на всегда воспріимчивой душѣ пылкой молодежи и на охлажденной старости. Студентъ ли, въ новой обстановкѣ воскресной школы, поучающій народъ, цензоръ ли въ своемъ кабинетѣ, прилагающій свой старый уставъ о цензурѣ (помѣщенный въ сводѣ законовъ, какъ будто на смѣхъ, между уставами о бѣглыхъ и уст. о пред. преступленій), ясно чувствовали вѣяніе новаго времени, повелительно требовавшаго измѣненія старозавѣтныхъ пріемовъ сужденія и дѣйствія. Геній свободы и гуманности, витавшій въ то время надъ этой страною, производилъ разительныя перемѣны, которыя можно было бы принять за сказки, если бы еще не были живы свидѣтели и очевидцы ихъ. Старые законы о цензурѣ словно замерли, загипнотизированные чарами новаго духа времени; даже самъ кнутъ и розга, кажется, не такъ жестоко и самоувѣренно выполняли свою провиденціальную функцію. Всѣ почувствовали какой-то необыкновенный притокъ силъ и подъемъ духа, потребность и способность мыслить, говорить и дѣйствовать, чуть не совершать подвиги. «Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, говоритъ тотъ же авторъ, *всѣ* стали

думать и *всѣми* овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; *всѣ* — вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ» (Русс. Мысль, 1885, XI, стр. 22). Всѣ порядочные люди какъ-то выросли въ своихъ и чужихъ глазахъ. Вчерашній пигмей, разночинецъ, малодушный, неувѣренный въ себѣ «лишній человѣкъ», сегодня ощущалъ такой-же притокъ багатырской мощи, какъ Илья Муромецъ, собиравшійся на подвигъ послѣ того, какъ сиднемъ сидѣлъ онъ тридцать лѣтъ и три года!

Дивное, свѣтлое время, на которое нашему поколѣнію приходится лишь издали любоваться съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ такимъ-же завистливымъ восторгомъ, какимъ мы смотримъ на окруженныя лучезарнымъ блескомъ эпохи пробужденія человѣческаго духа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ. «Духъ человѣка пробуждается, становится весело и ясно жить», восклицаетъ могучій боецъ за человѣческій духъ, авторъ Epistolae obscurorum virorum, знаменитый гуманистъ Ульярихъ Гуттенъ. Такіе-же возгласы слышатся и въ эпоху нашего возрожденія. «Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало», говоритъ 28 декабря 1857 года при громѣ рукоплесканій публицистъ Н. Ф. Павловъ на общественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ по иниціативѣ редакціи *Русскаго Вѣстника* [1]). «Мы стоимъ, говоритъ одинъ изъ членовъ ея, Н. А. Любимовъ, въ Татьянинъ день 1858 года на Парижскомъ банкетѣ, при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; эпохи, когда начинающаяся гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта» (Рус. Вѣст., 1888 г., № 1, стр. 5).

---

[1]) О подъемѣ общественнаго воодушевленія можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ. Вскорѣ послѣ помянутаго обѣда, откупщикъ В. А. Кокоревъ собирался устроить грандіозный обѣдъ-митингъ въ Москвѣ. Число участвовавшихъ достигало до огромной цифры 1500. Обѣдъ предполагался въ большомъ театрѣ. Ложи должны были занимать кадеты. Съ обѣда должны были полетѣть телеграммы въ оба полушарія для возвѣщенія о наступленіи новой эры свободы для Россіи. Обѣдъ былъ воспрещенъ ген.-губ. Закревскимъ (см. Матер. для истор. упразд. крѣп. права т. II, 190).

«Если у меня, старика, у котораго нѣтъ будущаго, говоритъ одинъ изъ нихъ, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты, то только въ воспоминаніяхъ о людяхъ 60-хъ годовъ» (Русская Мысль, 1885 г., № XI, стр. 357).

Намъ непонятна, намъ чужда эта свѣтлая эпоха идеаловъ, эпоха либерализма и гуманизма, появившаяся и исчезнувшая, какъ метеоръ или какъ та комета, которая появилась въ годъ нарожденія на Руси свободы! Намъ непонятно то сердечное умиленіе, съ которымъ воспоминаютъ эту героическую эпоху счастливцы, жившіе и дѣйствовавшіе въ это главное время.

Съ открытыми глазами мы потеряли способность духовнаго зрѣнія, способность отличать свѣтъ отъ тьмы:

> Notre oeil perçoit encore, oui! mais, supplice horrible!
> C'est notre esprit qui ne voit pas.

III.

Не подумайте, мм. гг., что я дерзнулъ взять на себя непосильную мнѣ задачу представить вамъ полную картину этого, безпримѣрнаго въ Россіи, общественнаго движенія, благодаря которому совершены были наши либеральныя реформы. Для моей цѣли, для становленія связи между нимъ и возникновеніемъ Московскаго Юридическаго Общества, достаточно отмѣтить два-три крупныхъ явленія этой величавой эпохи, которыя дадутъ ключъ къ уразумѣнію этой связи.

На первомъ мѣстѣ я, конечно, долженъ отмѣтить великій законодательный актъ 19-го февраля, прозвучавшій какъ возвышающій душу благовѣстъ надъ этою страною, исполнившій надеждами все забитое, приниженное и обиженнне, и смутившій все, строющее свое благополучіе на вѣковой, застарѣлой неправдѣ. Паденіе крѣпостнаго права, этого краеугольнаго камня дореформеннаго строя жизни, дѣлало возможными и неизбѣжными реформы не только во всѣхъ отрасляхъ управленія, но и во всемъ міросозерцаніи или, какъ выражалась Екатерина II, умоначертаніи народа и общества.

«Крѣпостное право, говоритъ нашъ маститый публицистъ-сатирикъ, проникало не только въ отношенія между помѣстнымъ дво-

рянином и подневольною массою, но и во *всѣ вообще формы общежитія*, одинаково втягивая всѣ сословія (привиллегированныя и непривиллегированныя) въ омутъ *унизительнаго безправія*, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ. Съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя, пишетъ Щедринъ; какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда не защищеннаго существованія?— и къ удивленію отвѣчаешь—однакожъ жили» (Вѣст. Евр. 1888, № 2 Пошехонская Старина, стр. 601).

Да, жили, но наконецъ не въ моготу стала эта основанная на безправіи и насиліи жизнь, и гуманно-освободительное движеніе, медленно проникавшее къ намъ изъ Европы, смыло наконецъ, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенціи, это трехвѣковое позорное пятно.

Весьма обидное для русскаго самолюбія, но совершенно справедливое замѣчаніе Карамзина о томъ, что у русскаго человѣка, какъ таковаго, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ «правъ», получало въ Высочайшемъ Манифестѣ 19-го февраля, провозглашавшемъ право на свободный трудъ, первое торжественное опроверженіе. «Уваженіе къ достоинству человѣка и христіанская любовь», какъ сказано въ Манифестѣ побудили даровать русскому человѣку первѣйшее изъ правъ — право на личную свободу и на свободный трудъ.

Уваженіе къ человѣческому достоинству, свободный трудъ— какъ странно звучатъ эти слова въ 1861 г., когда не далѣе, какъ за годъ передъ тѣмъ, въ концѣ 59-го года, запрещено было говорить объ освобожденіи крестьянъ, и въ печати, и въ дворянскихъ собраніяхъ!

Уничтоженіе рабства и провозглашеніе правъ свободной личности дѣлало неизбѣжнымъ пересмотръ всѣхъ институтовъ и учрежденій, съ нимъ связанныхъ и на немъ основанныхъ, и прежде всего учрежденій судебныхъ. Объ этомъ категорически заявлялось въ всеподданнѣйшемъ адресѣ знаменитыхъ «пяти» дворянкихъ депутатовъ 1858 г., составленномъ извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы А. М. Унковскимъ (см. главу II). Эта же

мысль проводилась въ 1859 г. въ рядѣ дворянскихъ адресовъ Тверской, Ярославской и др. губерній, которые единодушно домогались гарантій личности, утвержденія на мѣсто произвола закона, и учрежденія въ этихъ видахъ независимой судебной власти и суда присяжныхъ. Но замѣчательно, что до освобожденія крестьянъ всѣ эти просьбы оставлялись безъ удовлетворенія, и просители подвергались большимъ или меньшимъ непріятностямъ, начиная отъ выговора и кончая полицейскимъ надзоромъ и административною высылкою.

Но съ конца 1861 г. замѣчается, благодаря освобожденію крестьянъ, сильный поворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ. Тогда какъ въ 1859 г. объявлено было Государственному Совѣту Высочайшее повелѣніе отнюдь не касаться вопросовъ объ адвокатурѣ, судѣ присяжныхъ и заниматься Блудовскими проектами о частичныхъ преобразованіяхъ, въ 1862 году Блудовъ вовсе отстраняется отъ дѣла, и на мѣсто его выступаетъ поборникъ либеральныхъ основъ судебной реформы кн. П. П. Гагаринъ. Вслѣдъ за этимъ приглашаются для разработки ея не чиновники, по соображеніямъ табели о рангахъ и продолжительности сидѣнія на мѣстѣ, *а юристы* съ основательною научною подготовкою. Юристы эти: наши почетные члены Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ и др. и во главѣ ихъ покойный нашъ почетный членъ С. И. Зарудный. Въ январѣ 1862 года кн. Гагарину удается исходатайствовать весьма важное Высочайшее повелѣніе, произведшее переворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ и открывшее для русской юридической мысли совершенно неизвѣстные ей дотолѣ горизонты. Высочайшее повелѣніе это предписывало прикомандированнымъ къ государственной канцеляріи юристамъ: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Это знаменитое Высочайшее повелѣніе составляетъ эпоху въ исторіи развитія русскаго законодательства и русской юридической мысли. Магическая формула была произнесена! Клятва, лежавшая на наукѣ, была снята! Открытъ былъ, наконецъ, доступъ

къ той европейской наукѣ, которая развилась въ Европѣ подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія и либеральныхъ доктринъ начала XIX столѣтія и которая у насъ такъ долго хранилась за семью печатями отъ нескромныхъ взоровъ публики.—Правда, лѣтъ за сто передъ тѣмъ вѣнценосная либеральная ученица (бывшая, однако, защитницею крѣпостного права) Беккаріи, Монтескье и Вольтера сдѣлала было попытку пріобщить эту страну къ плодамъ передовой европейской мысли, но, какъ извѣстно, попытка имѣла только характеръ блестящаго фейерверка и не оставила въ жизни прочныхъ слѣдовъ.

И вотъ теперь не только разрѣшалось, но прямо предписывалось черпать свободно изъ этого живаго источника, изъ этой запретной сокровищницы европейскаго ума и опыта. Легко представить себѣ, какъ должны были быть смущены ортодоксальные представители нашей старой университетской науки, обязанные не только за страхъ, но и за совѣсть пѣть съ каѳедры диѳирамбы кнуту (см. главу III), нашему инквизиціонному старому процессу съ его канцелярскою тайною и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ (см. Основан. Угол. Суд. Я. Баршева, стр. 68). Едва они стали приспособляться къ новымъ требованіямъ духа, едва они стали замѣнять въ своихъ старыхъ тетрадкахъ восторженные похвалы старому строю скромнымъ и нерѣшительнымъ указаніемъ на достоинство новаго гласнаго суда, какъ быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія еще болѣе изумили нашихъ старыхъ юристовъ и порадовали новыхъ.

Съ чѣмъ нибудь въ полгода были составлены и обнародованы Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года «Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи», громко на всю Россію провозглашавшія необходимость введенія у насъ тѣхъ самыхъ институтовъ европейскаго правоваго порядка, за предложеніе которыхъ три года тому назадъ въ эпоху «первой реакціи» пострадалъ не одинъ предводитель дворянства. Россія съ изумленіемъ и радостью узнала, что она находится наканунѣ полученія гласнаго суда, независимой судебной власти, адвокатуры и суда присяжныхъ, которые еще такъ недавно считались столь зловредными революціонными учрежденіями.

Откуда такая быстрая и неожиданная перемѣна? Послушаемъ

свидѣтеля, стоявшаго съ самаго начала у самаго кормила судебной реформы и хорошо знавшаго всѣ ея перипетіи. «Весьма важно, говоритъ С. И. Зарудный, *вѣяніе времени* — отъ него *все зависитъ*. Трудно понять, почему извѣстныя воззрѣнія представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ; между тѣмъ за нѣсколько дней до того тѣ же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для государственнаго распорядка. Судебные уставы 20 ноября 1864 года служатъ доказательствомъ этой истины. При крѣпостномъ правѣ, продолжаетъ онъ, въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были только помѣщики. Надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Положенія 19-го февраля 1861 года прекратили эти завзятые порядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что наступаетъ время, когда и для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго (основаннаго на порядкѣ?) государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Она возникла, она задалась, сама собою, вслѣдствіе событія, совершившагося по волѣ Самодержца Всероссійскаго. Необходимо проникнуться этою мыслею. Если бы въ 1861 году не состоялось освобожденія крестьянъ съ землею, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные Уставы».

Вотъ, стало быть, гдѣ разгадка этого на первый взглядъ непонятнаго явленія. Освобожденіе крестьянъ произвело настоящій переворотъ не только въ соціальномъ строѣ, но и въ общемъ настроеніи. Притаившіяся было послѣ «первой реакціи» 1859 г. либеральныя вѣянія снова, хотя и не надолго, воспрянули и влили новую энергію, бодрость и надежду въ нашъ общественный организмъ. Спокойное принятіе народомъ объявленія «воли», котораго такъ боялись робкіе умы, снова окрылило прогрессивную передовую часть нашихъ правительственныхъ сферъ и ослабило мнительность сторонниковъ дореформеннаго строя. Только этимъ объясняется, что, напр., такой завзятый консерваторъ, какъ гр. Панинъ, такъ много тормазившій и портившій дѣло освобожденія крестьянъ, этотъ врагъ и гонитель суда присяжныхъ, самъ явился защитникомъ его (искреннимъ или неискреннимъ,

Богъ его знаетъ—см. главу I), когда въ 1862 году Государственный Совѣтъ разсматривалъ вышеупомянутыя Основныя Положенія судебной реформы.

IV.

Дальнѣйшая судьба этихъ Основныхъ Положеній имѣла сильное и уже непосредственное вліяніе на дѣятельность русскихъ юристовъ и въ частности на возникновеніе Московскаго Юридическаго Общества. С. И. Зарудный возъимѣлъ крайне смѣлое, по тогдашнему времени, но въ высшей степени плодотворное намѣреніе, опубликовать во всеобщее свѣдѣніе Высочайше утвержденныя Основныя Положенія, съ приглашеніемъ юристовъ и вообще публицистовъ, интересующихся дѣломъ судебной реформы, доставлять свои замѣчанія объ Основныхъ Положеніяхъ въ Коммиссію, образованную подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Въ нашихъ глазахъ этотъ фактъ опубликованія не представляетъ ничего особеннаго въ виду того, что въ послѣдующее время неоднократно печатались законопроекты съ цѣлью вызвать замѣчанія публицистовъ или даже разсылаются цѣлыя законодательныя работы (какъ, напр., проекты Трудовъ Коммиссіи, составляющей уголовное Уложеніе) для публичнаго обсужденія въ Юридическихъ Обществахъ.

Не то было въ 1862 году.

Опубликованіе Основныхъ Положеній въ Собраніи Узаконеній было *первымъ* актомъ прямаго оффиціальнаго обращенія къ публицистамъ и юристамъ, къ представителямъ науки и опыта съ приглашеніемъ принять участіе въ законодательныхъ работахъ. Этотъ фактъ имѣлъ громадное историческое значеніе какъ для печати, науки, такъ и для общественнаго развитія вообще.

Онъ впервые, можно сказать, производилъ *секуляризацію* законодательной дѣятельности и открыто признавалъ значеніе публицистики. Въ силу закона и установившихся традицій законодательныя канцеляріи должны были дотолѣ съ особеннымъ тщаніемъ оберегать законодательныя предначертанія отъ нескромныхъ взглядовъ публики. Онѣ должны были наблюдать денно и

нощно, чтобы законопроекты безмятежно совершали свое теченіе въ потемкахъ канцелярской тайны и отнюдь не приходили въ соприкосновеніе съ тѣмъ profanum vulgus, для котораго они предназначались, ранѣе появленія на свѣтъ во всеоружіи властнаго постановленія, подлежащаго безмолвному и безпрекословному исполненію. Словомъ, законодательная дѣятельность была совершенно изолированнымъ отъ жизни міромъ, который былъ одинаково сокрытъ какъ для празднаго любопытства, такъ и серьезной любознательности и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Весьма наглядно охарактеризовано такое состояніе обязательнаго *всеобщаго молчанія* въ одной изъ извѣстнѣйшихъ статей М. Н. Каткова. «Бываютъ времена [2]), въ народной жизни, писалъ въ 1863 г., когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаются мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она сознаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, *не только порицательно, но и одобрительно* не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участія въ дѣлѣ общаго интереса и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ и *нѣтъ общественнаго мнѣнія*. Обо всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться *оффиціальные люди*, взятые какъ *рекруты* изъ общества и отдѣльные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ опричиной».

Такова была обычная у насъ организація.

Обнародованіе Основныхъ Положеній 1862 года было явле-

---

2) Замѣчательно, что это мѣсто статьи выпущено изъ Сборника статей Каткова, редижированнаго при его жизни. Онъ выпустилъ эту часть статьи подъ тѣмъ предлогомъ, что она „была напечатана не въ томъ видѣ, въ какомъ была написана". Но біографъ Каткова г. Любимовъ совершенно вѣрно догадывается, что главнымъ и истиннымъ мотивомъ было измѣненіе отношенія самого автора къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія (*Русскій Вѣстникъ*, 1888 г., № 1, стр. 10—11).

ніемъ, указывавшимъ на наступленіе другаго времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, «когда обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда *пробуждаются и даже призываются* къ дѣятельности *общественныя силы*».

И такое именно время поступило въ 1862 г.!

Вотъ каково было значеніе этого на видъ скромнаго, но по-существу очень важнаго мѣропріятія — распубликованія Основныхъ Положеній для обсужденія. Это былъ первый, (участье дворянъ во время крестьянской реформы имѣло болѣе сословный чѣмъ обще-государственный характеръ) хотя и скромный, но для всѣхъ очевидный актъ признанія значенія общественнаго мнѣнія и публицистики. Если прибавить къ сказанному, что этотъ актъ уваженія и довѣрія къ свободнымъ общественнымъ силамъ давалъ право надѣяться, что при дальнѣйшемъ движеніи судебной реформы будетъ допущено и содѣйствіе земства, на что намекалъ «День» Аксакова (въ № отъ 13 октября 1862 года), то легко представить себѣ, какія радужныя и ободряющія перспективы открывались для общественной самостоятельности.

V.

Если таково было значеніе опубликованія Основныхъ Началъ для русской интеллигенціи вообще, то легко догадаться, съ какимъ восторгомъ и радостнымъ увлеченіемъ встрѣчали этотъ шагъ русскіе юристы. Указанное выше Высочайшее повелѣніе 1862 года оффиціально признавало значеніе *юридической науки*. Обнародованіе Основныхъ Положеній оффиціально разрѣшало юристамъ, даже требовало отъ нихъ критическаго отношенія къ предположеніямъ правительства и *свободнаго* высказыванія своихъ сужденій и взглядовъ. Русскій юристъ, для котораго критика закона и намѣреній правительства на основаніи указаній европейской науки и опыта была запретнымъ плодомъ, впервые

почувствовалъ себя свободнымъ отъ цензурныхъ и начальственныхъ стѣсненій. Едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ русскій юристъ, такъ долго испытывавшій гнетъ и стѣсненіе, шагъ за шагомъ долженствовавшій отвоевывать у цензуры каждое свое слово, каждую свѣжую мысль.

Не всякій повѣритъ, что всего за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы цензоръ задержалъ сочиненіе, принадлежавшее нашему почетному члену, одному изъ корифеевъ судебной реформы, нынѣ предсѣдателю гражданскаго департамента Государственнаго Совѣта Н. И. Стоянскому, подъ заглавіемъ. «Практическое руководство по уголовному судопроизводству» И за что? За то, что авторъ, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ содержанія законовъ, прибавилъ «отъ себя» нѣсколько соображеній. Цензура разсуждала такъ: все, что нужно знать относительно судопроизводства, заключается въ книгахъ закона, а чего въ нихъ нѣтъ, то лишнее. И вотъ послѣ такого-то гоненія на юридическую мысль, послѣ такой-то ретроградной цензуры, повторявшей черезъ 1000 лѣтъ изреченіе знаменитаго калифа, сжегшаго александрійскую библіотеку, юристамъ громогласно говорятъ: отнынѣ они не должны считать за послѣднее слово юридической мудрости чахлые продукты доморощеннаго *законовѣдѣнія* (извѣстно, что до университетскаго Устава 1863 г. профессора обязаны были довольствоваться простымъ пересказомъ статей закона), что они могутъ говорить и писать о законахъ все, что внушаетъ имъ совѣсть и жизненный опытъ, и руководствоваться тѣмъ, что привыкли чтить у лучшихъ представителей европейской юридической мысли и публицистики.

Встрепенулись и воспрянули духомъ наши юристы, да и какъ было не воспрянуть отъ этого громкаго клича, раздавшагося по широкимъ степямъ Руси, гдѣ дотолѣ слышалось молчаніе на всѣхъ языкахъ, клича, звавшаго на общее дѣло, на работу, имѣвшую цѣлью закрѣпить въ этой странѣ только что дарованную свободу учрежденіемъ праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ суда. Не мудрено, что этотъ кликъ нашелъ восторженный откликъ во всѣхъ юристахъ, въ которыхъ не замерло чувство правды и гуманности. Не говоря о молодыхъ юристахъ, даже самые старые служаки, давно уже отставшіе ото всего,

что было свѣжаго и новаго въ наукѣ и публицистикѣ, и они не въ силахъ были превозмочь явившуюся у нихъ подъ вліяніемъ общаго увлеченія либерально-гуманными идеями неудержимую потребность сказать свое слово, принести свою лепту въ это общее дѣло насажденія свободы, права и правды въ этомъ столь недавно еще царствѣ рабства, неправосудія и произвола. И вотъ посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Тобольскомъ, и Баку масса замѣчаній юристовъ (до 450), напечатанныхъ впослѣдствіи въ шести большихъ томахъ.

Подъ вліяніемъ этого могучаго общественнаго воодушевленія и подъема либеральныхъ идей и стали группироваться юристы въ отдѣльные кружки, въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Симбирскомъ и Керчью. Въ это-то благодатное время, откуда, по прекрасному выраженію предшествовавшаго оратора, А. И. Чупрова идетъ, «все, чѣмъ красна наша жизнь», стала образовываться и та маленькая кучка или завязь юристовъ, изъ которой образовалось впослѣдствіи Московское Юридическое Общество.

При такомъ подъемѣ общественныхъ силъ роль отдѣльныхъ личностей бываетъ довольно скромна. Могучее теченіе, однажды возникшее, несется впередъ по инерціи и несетъ съ собою всѣхъ. Смѣна лицъ почти не имѣетъ никакого вліянія. Мы это и наблюдаемъ и на исторіи нашего общества.

Съ разныхъ концовъ Москвы, изъ разнообразныхъ слоевъ общества, собирается оно въ 1862 г. около оффиціальнаго представителя юридической науки, около декана Московскаго Юридическаго факультета С. И. Баршева. Рядомъ съ представителемъ крупной буржуазіи милліонеромъ Бостанджогло мы видимъ скромнаго студента, будущее свѣтило русской экономической науки, нашего уважаемаго почетнаго члена А. И. Чупрова, рядомъ съ профессоромъ—скромнаго практика, рядомъ съ образованнымъ юристомъ—представителя стараго крючкотворства. Это разношерстное собраніе повинуется властному духу времени, требующему установленія и распространенія въ народѣ началъ права и свободы. При такомъ массовомъ, стихійномъ движеніи и увлеченіи роль отдѣльныхъ личностей бываетъ второстепенною.

И это также видно на исторіи возникновенія нашего Общества. Въ самомъ дѣлѣ, смѣняется на первыхъ же порахъ, въ самый моментъ почти зарожденія нашего Общества лицо руководителя: на мѣсто Баршева становится Лешковъ, и столь опасная въ такой критическій моментъ смѣна кормчаго не вызываетъ въ жизни Общества никакого болѣзненнаго потрясенія.

Я этимъ не хочу умалить личныя заслуги нашего перваго предсѣдателя и безсмѣннаго руководителя въ теченіе 20 лѣтъ дѣятельностью общества, В. Н. Лешкова, симпатичный образъ котораго доселѣ живетъ между нами. Но едва ли я оскорблю память незабвеннаго В. Н., такъ много и честно потрудившагося впослѣдствіи на пользу Московскаго Юридическаго Общества, если я скажу, что возникновеніемъ своимъ оно болѣе обязано либерально-гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, нежели личнымъ усиліямъ того или другаго учредителя. Этотъ краснорѣчивый и неутомимый поборникъ личной свободы, началъ свободной общественной самодѣятельности и самоуправленія, этотъ горячій защитникъ права и правды, свободы слова и мысли, свободы совѣсти и ассоціацій — едва ли бы сталъ спорить противъ той мысли, что именно этимъ великимъ и необходимымъ для правильнаго развитія личности и общества началамъ и обязано своимъ происхожденіемъ наше Юридическое Общество.

И дѣйствительно, мы едва ли не въ правѣ сказать геній свободы парилъ надъ колыбелью нашего Общества, вызваннаго къ жизни освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ стремленіемъ освободить русскую жизнь и русскую мысль отъ язвъ и узъ дореформеннаго строя жизни.

Вотъ какъ мы, младшее поколѣніе нашего Общества, представляемъ себѣ его возникновеніе!

Быть можетъ, сложившееся у насъ представленіе не совсѣмъ точно, но въ существѣ своемъ едва ли оно ошибочно.

Но noblesse oblige! Такое высокое и благородное происхожденіе также ко многому обязывало и обязываетъ Московское Юридическое Общество.

Возникнувъ при расцвѣтѣ и торжествѣ идей свободы, права и гуманности, оно обязано было служить имъ всегда съ неизмѣн-

ною преданностью, и въ особенности въ тѣ печальныя времена одичанія и шатанія мысли, когда эти идеи повергаются осмѣянію и даже гоненію со стороны невѣждъ и обскурантовъ.

Не намъ, конечно, лицамъ, болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ дѣятельности Юридическаго Общества, судить, насколько оно удачно выполнило свою высокую миссію въ смыслѣ положительномъ; но мы можемъ, не грѣша противъ скромности и справедливости, сказать, что оно свято блюло свои завѣты въ смыслѣ отрицательномъ. Если, быть можетъ, оно не всегда дѣлало, что̀ могло и должно было дѣлать, то навѣрное можно сказать, что въ то̀мъ, что̀ оно дѣлало донынѣ, ни одинъ и притомъ самый строгій судья не найдетъ слѣдовъ измѣны его знамени и традиціямъ. Это, конечно, немного. Но въ нашъ жестокій и одичалый вѣкъ, въ наше безпринципное и «пестрое» время и это немногое тоже имѣетъ, смѣю думать, нѣкоторую цѣну.

Дозвольте, мм. гг., высказать пожеланіе и надежду, чтобы Московское Юридическое Общество, донесшее незапятнаннымъ до конца первой четверти — и какой четверти! — вѣка своего существованія свое знамя, осталось вѣрнымъ и въ будущемъ своимъ высокимъ и благороднымъ традиціямъ, и тѣмъ оказалось достойнымъ того великаго учрежденія, которое пріютило его подъ своею сѣнью въ труднѣйшее время его жизни и подъ гостепріимнымъ кровомъ котораго чевствуемъ мы сегодня нашъ скромный праздникъ. Да сохранится и въ будущемъ непрерывною эта дорогая и столь плодотворная для нашего общества связь съ древнѣйшимъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія — связь, которая не мало облегчала Юридическому Обществу вѣрное служеніе его славному и честному знамени права и свободы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.

(Мартъ 1866—1891 гг.).

Въ мартѣ 1866 г. вышла *первая* книга возобновленнаго историко-политическаго журнала *Вѣстникъ Европы*, издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ коего состоялъ и состоитъ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета М. М. Стасюлевичъ [1]), а ближайшимъ сотрудникомъ былъ отставной профессоръ того же университета Н. И. Костомаровъ.

Большіе журналы наши не живучи, и изъ нынѣшнихъ нашихъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ ни одинъ не можетъ соперничать съ *Вѣстникомъ Европы* относительно старшинства. Двадцатипятилѣтняя годовщина почтеннаго петербургскаго журнала составляетъ крупное и отрадное явленіе въ общественной жизни, въ виду того выдающагося положенія, которое онъ съ самаго начала занялъ въ современной русской журналистикѣ, гдѣ онъ и нынѣ занимаетъ, по общему признанію, исключительное, первенствующее мѣсто не только по возрасту, но и по вліянію и нравственному авторитету. Вѣрность принципамъ, живая отзывчивость на вопросы дня, всегда серьезное отношеніе къ нимъ, спокойный, исполненный достоинства тонъ, добросовѣстное и не-

---

1) М. М. Стасюлевичъ покинулъ университетъ вслѣдствіе извѣстныхъ событій въ концѣ 1861 г. одновременно съ профессорами К. Д. Кавелинымъ, Б. И. Утинымъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и ректоромъ П. А. Плетневымъ. См. „За много лѣтъ“ В. Спасовича, стр. 39.

измѣнно приличное отношеніе даже къ самымъ недобросовѣстнымъ и нечистоплотнымъ литературнымъ противникамъ—таковы всѣмъ извѣстныя качества этого журнала, стяжавшія ему громкую и прочную извѣстность и сочувствіе среди весьма значительнаго круга читателей, а также общее уваженіе не только среди друзей, но и враговъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать общій обзоръ и подводить итоги истекшей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности петербургскаго журнала: для этого пришлось бы коснуться исторіи русской общественной мысли за истекшее двадцатипятилѣтіе. Ограничимся только указаніемъ того историческаго момента и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ появилась первая книга *Вѣстника Европы*, и той задачи и публицистической программы, которую онъ взялся выполнить на своей исторической чредѣ [2]).

I.

Если сравнить первую книгу за первый годъ *Вѣстника Европы* съ теперешними его книгами, то различіе окажется немалое. За той же традиціонной обложкой кирпично-краснаго цвѣта съ порталомъ-виньеткою, составленною Шарлеманемъ, мы находимъ книгу, по объему и содержанію сильно отличающуюся отъ нынѣшнихъ книгъ *Вѣстника Европы*. Вы имѣете предъ собою большой томъ въ 40—41 листъ, выходящій на подобіе нѣкоторыхъ англійскихъ обозрѣній, не ежемѣсячно, а по четвертямъ, т. е. по четыремъ временамъ года, приблизительно около 9-го числа. Еще больше бросается въ глаза различіе при сравненіи содержанія книгъ. Вотъ напр., содержаніе первой мартовской книги 1866 года: Смутное время Н. И. Костомарова, Первая эпоха преобразованій Александра I М. М. Богдановича, Русская колонизація въ сѣверо-западномъ краѣ С. В. Ешевскаго, Средневѣковой историкъ и отношеніе его къ своему обществу М. М. Стасюлевича, Пугачевщина Д. Л. Мордовцева, Ломоносовъ и реформа Петра О. Ѳ. Миллера, Новѣйшая исторія Австріи, Литературная хроника—обзоръ книгъ и статей по рус-

[2]) Существующій съ 1859 г. *Русскій Вѣстникъ* съ 1887 года, послѣ смерти М. Н. Каткова, издается подъ новою редакціею.

Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ *властительству новыхъ силъ*... Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостоновочно открываются и заставляютъ перерабатывать часто вѣковыя идеи». Плетневъ одобрялъ вполнѣ намѣреніе редакціи обрабатывать каждый отдѣлъ не иначе, какъ «по требованіямъ господствующаго направленія».

Отношеніе свое къ современнымъ появленію первой книжки *Вѣст. Евр.* направленіямъ журналъ опредѣляетъ такъ: «Отношеніе нашего журнала къ духу современной образованности опредѣляется легко само собою господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ *гуманныхъ* наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло *первое* мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ *ослабло* изученіе явленій нашего духа, каковы *философія*, *филологія*, *исторія*, между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться *еще болѣе настоятельнымъ*, именно *вслѣдствіе успѣха* естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ оставаться безцѣльными, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя во внѣшній міръ, мы никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлать новый шагъ въ самознаніи и подвести общіе итоги своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ. Въ этомъ отношеніи; историческая наука способна оказывать намъ большую услугу».

Являясь органомъ научной разработки историко-политическихъ наукъ, новый журналъ долженъ былъ точно указать свое отношеніе къ обще-человѣческой исторіи и культурѣ, что должно было служить дальнѣйшимъ разъясненіемъ его программы и публицистическаго направленія. Мы не подраздѣляемъ,— заявляла редакція,—въ своемъ журналѣ каждаго отдѣла на рубрики по

предметамъ отечественной и всеобщей исторіи уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ мѣсто главнымъ образомъ настолько, насколько она, такъ сказать, является сама *второю* отечественною исторіей или, какъ выразился Жанъ-Батистъ-Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчество своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначеніе какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. *Никто* не имѣетъ притязанія считать, напримѣръ, *христіанства* явленіемъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь одному изъ великихъ современныхъ народовъ; то, что̀ называется *классическою* стороною въ настоящей европейской образованности, также не есть исключительная принадлежность какой нибудь новѣйшей европейской національности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ вытекаютъ скорѣе изъ общей всѣмъ народамъ природы, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности, ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности.

II.

Предпринимая широкую всестороннюю разработку историко-политическихъ наукъ, *Вѣстникъ Европы* съ самаго начала удѣлилъ серьезное вниманіе вопросамъ, «которые связываютъ науку и жизнь, вытекая изъ первой и сильно воздѣйствуя на послѣднюю», т.-е. вопросамъ народнаго образованія и общественнаго воспитанія. Съ этою цѣлью журналъ заводитъ особую «педагогическую хронику», въ которой трактуются какъ вообще педагогическіе вопросы, такъ въ частности вопросъ о преподаваніи исторіи. Свою основную profession de foi журналъ выражаетъ въ первой же книгѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ прошедшемъ сдѣлано все или почти все, что̀ можно было совершить въ области народнаго просвѣщенія правительственнымъ путемъ; то, что оставалось бы осуществить въ нашей исторіи, можетъ быть сдѣлано общественными силами, а эти силы слабы безъ

извѣстнаго капитала знанія и образованности; въ основѣ народнаго образованія должны лежать *народныя школы*.

Журналъ, написавшій на своемъ знамени разработку гуманитарныхъ наукъ, въ видахъ устраненія односторонняго увлеченія естественными науками, eo ipso не могъ не обратить серьезнаго вниманія на обострившійся въ то время (1866 г.) вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ. Тщательная и добросовѣстная разработка этого вопроса, продолжавшаяся почти безъ перерыва въ теченіе 25-ти лѣтъ, составляетъ едва ли не одну изъ главнѣйшихъ заслугъ этого почтеннаго журнала передъ русскимъ просвѣщеніемъ. Вопроки увѣреніямъ защитниковъ нашего современнаго грамматическаго псевдоклассицизма, *Вѣстникъ Европы* не былъ *никогда* противникомъ классицизма въ истинномъ его смыслѣ. Такое положеніе, à priori несовмѣстимое съ рельефно выставленною задачею новаго журнала противодѣйствовать одностороннему увлеченію естествознаніемъ, опровергается a posteriori всею дѣятельностью журнала. *Вѣстникъ Европы* ратовалъ и ратуетъ «противъ мертвой школы» классицизма, а не противъ самого гуманитарнаго классицизма. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно взять *послѣднюю* [6]) книгу за 1891 г., и въ ней мы увидимъ, что *Вѣстникъ Европы* не противъ классицизма вообще, а противъ неудачной постановки его у насъ, нынѣ болѣе или менѣе всѣми признаваемой. Не лишено назидательности, что точно такую же точку зрѣнія защищалъ журналъ въ *первой* своей книгѣ, вышедшей 25 лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1866 г., и возражавшей противъ крайностей какъ классицизма, такъ и реализма. Въ первой же педагогической хроникѣ проводится та мысль, что не въ классицизмѣ или естественныхъ наукахъ главная воспитательная сила, а *въ разумной постановкѣ* преподаванія. Журналъ возстаетъ не противъ насажденія у насъ классицизма, а противъ привитія его искусственными мѣрами и монополизаціи въ его пользу всего средняго образованія, а также противъ «мистическаго увлеченія латинскою грамматикою». Журналъ съ горечью констатировалъ еще въ 1866 г. патологическое явленіе, ставшее нынѣ очевиднымъ для всѣхъ: «у насъ

---

6) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 3, стр. 417—422.

учатъ латинскому языку, а классическаго образованія въ обществѣ нѣтъ» (стр. 8).

Въ этой же хроникѣ не лишнее отмѣтить, какъ далекъ былъ съ самаго основанія *Вѣстникъ Европы* отъ слѣпаго поклоненія предъ Западомъ. Говоря о преподаваніи исторіи, журналъ замѣчаетъ, что недостаточно ссылаться на авторитетъ западныхъ школъ: при подражаніи имъ слѣдуетъ переносить къ намъ не формы, выработанныя тамъ подъ вліяніемъ того или другаго теченія общественнаго ума, но внутренній ихъ смыслъ, который долженъ у насъ пріискать *свои* формы и отвѣтить на наши *живыя* потребности.

Весьма своеобразно и здраво опредѣлялъ журналъ свое отношеніе къ текущимъ событіямъ и злобамъ дня. Заведя для нихъ «историческую хронику», *Вѣстникъ Европы* исходилъ изъ той мысли, что современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми обществами и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ общеисторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами. Подобно тому, какъ въ прошедшей исторіи журналъ предполагалъ останавливаться не на одной политической исторіи, не на однихъ внѣшнихъ событіяхъ и оффиціальной сторонѣ жизни, такъ и въ событіяхъ текущей жизни онъ имѣлъ въ виду слѣдить за внутреннею жизнью общества, за тѣми идеями и теченіями, которыя циркулируютъ въ обществѣ и вліяютъ на практику жизни.

Въ исторической хроникѣ первое мѣсто отвелъ *Вѣстникъ Европы* «земскому обозрѣнію». Стоя посрединѣ между прошедшимъ и будущимъ нашей исторіи, — говоритъ обозрѣніе,—это учрежденіе весьма естественно не могло явиться безъ того, чтобы, съ одной стороны, не понести на себѣ слѣдовъ прежняго порядка вещей, который произвелъ земство, какъ бы вслѣдствіе «сознанія своей несостоятельности и, такъ-сказать, вслѣдствіе отрицанія самого себя; съ другой стороны, будущее возложило свои надежды на то же земство и желало въ немъ видѣть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, возможность своего существованія». Хотя нововведеніе было вызвано неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи на-

роднымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось по необходимости поручить тому же канцелярскому порядку и рукамии, *признанными за неискусныя*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить. А потому Полож. о зем. учрежд., составленное канцелярскимъ порядкомъ, могло понести на себѣ извѣстныя предвзятыя формы, безъ близкаго отношенія къ жизни, мало извѣстной бюрократизму...

Послѣ появленія первой книги *Вѣстника Европы* было выражено недоумѣніе по поводу того, что *Вѣстникъ Европы* не счелъ нужнымъ точнѣе обозначить свое «направленіе», примкнуть всецѣло къ тому или другому изъ существовавшихъ литературныхъ лагерей. Но, заканчивая свой первый годъ, журналъ продолжалъ настаивать, что его главная задача—оживленіе въ публикѣ интереса къ историко-политическимъ наукамъ, сильно ослабѣвшаго въ послѣднее время; что рядомъ съ изученіемъ природы должно идти изученіе человѣческаго духа во всѣхъ его направленіяхъ. «Идя на всѣхъ парахъ впередъ, — сказано въ редакціонной замѣткѣ, — отыскивая новыя формы для новыхъ идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться съ исторіею прошедшаго. Но и при этомъ не должно забывать превосходныхъ словъ нашего историка Н. М. Карамзина въ письмѣ къ Тургеневу: жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше *мыслить*, *чувствовать и дѣйствовать*» [7]).

III.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ—болѣе или менѣе спеціальнаго научно-историческаго изданія—*Вѣстникъ Европы* выходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1866—1867 гг. Съ 1868 г. онъ, оставаясь «преимущественно» историческимъ журналомъ, принялъ тотъ видъ и характеръ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ, который онъ сохраняетъ доселѣ. 1-го января 1868 г. вышла первая книга журнала въ преобразованномъ видѣ и съ тѣхъ поръ каждое первое число, за исключеніемъ случаевъ,

7) *Вѣстн. Европы* 1886.

оправдываемыхъ force majeure, «непреодолимою силою» [8]), въ Петербургѣ появляются книги *Вѣстника Европы* съ необычною у насъ пунктуальностью. Первое чисто беллетристическое произведеніе, появившееся въ журналѣ, былъ разсказъ Тургенева «Бригадиръ», напечатанный на первомъ мѣстѣ январьской книги за 1868 г.

Являясь въ преобразованномъ видѣ предъ большою, неспеціальною публикою, *Вѣстникъ Европы* долженъ былъ volens nolens опять завести рѣчь о «направленіи» журнала, хотя она, очевидно, была не по душѣ редакціи его, не сочувствовавшей вообще широковѣщательнымъ голословнымъ заявленіямъ, неоправдываемымъ на дѣлѣ. Наше общество, сказано въ редакціонномъ заявленіи 1868 г., прожило эпоху журнальныхъ «направленій», когда всѣ, какъ верстовые столбы, занимались указываніемъ пути и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху, и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія: направо, налѣво, назадъ, впередъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что «направленія» въ журналахъ есть только «*фраза*»... Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена...

Между тѣмъ, говоритъ далѣе редакція, жизнь нашла себѣ другой исходъ, *другія школы*, и въ числѣ такихъ школъ явились *публичные суды*. Тамъ общество начало читать новые безъискусственные романы, передъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанныя самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ одно направленіе и требовалъ: «*правды*, *одной правды*». Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная школа, это—*земскія учрежденія*; они заставили насъ своими руками коснуться самихъ вещей, принять на себя отвѣтствен-

[8]) *Вѣстнику Европы* даны были предостереженія три раза: первое въ 1871 г., второе въ 1873 г. и затѣмъ еще разъ первое въ 1889 г. Журналъ запаздывалъ выходомъ нѣсколько разъ.

ность за ихъ цѣлость и выслушать другое требованіе: «*дѣла, одного дѣла!*» Новое требованіе отъ насъ «правды» можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для дѣла нужно обогащеніе и воспитаніе мысли. Въ стремленіи стать орудіемъ къ тому и другому *Вѣстникъ Европы* просилъ видѣть его направленіе, считая излишнимъ ставить какое-нибудь «прилагательное» къ направленію. Наше направленіе,—говоритъ въ заключеніе журналъ—*есть трудъ*, *дѣло*, *знаніе*; наше направленіе и до сихъ поръ можно было признавать настолько, насколько мы обнаруживали труда, знанія, и потому мы адресуемъ отыскивающихъ наше направленіе къ оглавленію журнала за годъ.

Такимъ образомъ *Вѣстникъ Европы* возражалъ не противъ необходимости имѣть опредѣленное «направленіе» вообще, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно сколько-нибудь сознательно ведомое политико-литературное изданіе, а только противъ «направленій», выражаемыхъ одними общими фразами, могущими прикрыть и не разъ прикрывавшими несоотвѣтственное имъ содержаніе. Хотя въ такомъ строго выдержанномъ, въ смыслѣ направленія, журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*, всѣ статьи его болѣе или менѣе служатъ выраженіемъ направленія его, но главнымъ источникомъ для распознанія направленія редакціи, какъ извѣстно, служатъ ежемѣсячныя обозрѣнія. Съ январьской книги 1868 г. стала появляться ежемѣсячно рубрика «внутренняя политика», замѣненная съ октября того же года названіемъ «внутреннее обозрѣніе», въ которомъ читатели *Вѣстника Европы* привыкли видѣть самую обстоятельную разработку текущихъ вопросовъ внутренней политики. Съ марта 1882 г. въ дополненіе къ нему стала появляться новая рубрика: «изъ общественной хроники», посвященная обзору наиболѣе животрепещущихъ событій дня. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы настолько ясно обозначили предъ нашимъ обществомъ литературную физіономію журнала, что ему теперь нѣтъ болѣе надобности отсылать, для ознакомленія съ направленіемъ, къ оглавленію журнала за годъ или даже за двадцатипятилѣтіе.

Если ознакомленіе съ только что вышедшимъ объемистымъ каталогомъ *Вѣстника Европы* за 25 лѣтъ въ полтораста слиш-

комъ страницъ поучительно, то не столько для ознакомленія съ направленіемъ журнала, и безъ того теперь для всѣхъ яснымъ, сколько для констатированія той массы труда и энергіи, съ которою журналъ стремился проводить, несмотря на всякаго рода неблагопріятныя обстоятельства, свою программу «дѣла» и «правды», программу преобразовательной эпохи; для констатированія той выдержки и настойчивости, съ которою онъ отстаивалъ и отстаиваетъ дѣло русскаго просвѣщенія отъ разновидныхъ враговъ его, начиная съ перваго года своего появленія и до нашихъ дней, можно сказать, до самой послѣдней мартовской книги, гдѣ журналу приходится «съ горечью и со стыдомъ выступить на защиту азбучныхъ истинъ», на защиту общечеловѣческаго образованія, въ виду навалившаго нынѣ съ разныхъ сторонъ обскурантизма [9]). Сличая содержаніе первой мартовской книги *Вѣстника Европы* за первый годъ мартовской же книгою, вышедшею черезъ 25 лѣтъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣдней приходится журналу *повторять* почти тѣ же азбучныя истины науки и общежитія которыя указаны въ первой. Укажемъ хотя бы на предостереженіе, высказанное журналомъ еще въ 1866 году «отъ мертвой школы» классицизма. То же самое можно-бы отмѣтить и по вопросу о необходимости размноженія народныхъ школъ всякаго рода [10]) и по многимъ другимъ столь-же элементарнымъ вопросамъ. Изъ этого, конечно, нельзя дѣлать вывода, что истекшее двадцатипятилѣтіе прошло даромъ для русскаго самосознанія и усилія почтеннаго журнала были безплодны, а только тотъ, что еще много и много остается сдѣлать для очищенія и просвѣтленія общественнаго сознанія.

Въ заключеніе настоящей замѣтки нельзя не указать еще на одну сторону двадцатипятилѣтней безукоризненной публицистической дѣятельности *Вѣстника Европы*, составляющую не послѣднюю изъ его заслугъ предъ русскою литературою и обществомъ: это—безусловная *порядочность* и рѣдкая *терпимость*, которымъ,

---

[9]) См. статью В. С. Соловьева „Идолы и идеалы". *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 3, стр. 367.

[10]) См. март. книгу *В. Е.* за 1866 г., стр. I, и март. книгу *В. Е.* за 1891, стр. 408.

по общему признанію, ни разу не измѣнилъ этотъ журналъ за все время своего существованія, несмотря на все озлобленіе и неразборчивость въ средствахъ борьбы, отличавшія его литературныхъ противниковъ, несмотря даже на то, что «безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе въ журналистикѣ», на которыя жаловался въ 1830 году уходившій редакторъ *Вѣстника Европы* Каченовскій, едва-ли совсѣмъ исчезли и послѣ возобновленія этого журнала въ 1866 г.

Въ основѣ своей литературной критики и полемики, получившей, въ особенности въ послѣдніе годы, такіе крупные размѣры и значеніе, *Вѣстникъ Европы* въ первой же книгѣ поставилъ себѣ такой принципъ: «не слѣдуетъ забывать правила, что съ книгами нельзя обращаться хуже, чѣмъ мы привыкли и условились обращаться съ людьми въ нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ и встрѣчахъ въ обществѣ». Когда по выходѣ первой книги, одинъ изъ журналовъ указалъ въ своемъ привѣтствіи на то, что *Вѣстникъ Европы*, подобно Карамзину, послужитъ «самостоятельно, благоразумно и благородно» русской наукѣ и литературѣ, *Вѣстникъ Европы* отвѣчалъ слѣдующими словами: «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать какое-нибудь *исключительное* притязаніе на разумное и благородное служеніе русской наукѣ и литературѣ и на самостоятельность, какъ на качества, которыми мы желали бы *отличиться* отъ прочихъ органовъ печати; все это составляетъ, по нашему убѣжденію, общее достояніе *всѣхъ* журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязанія; едва ли найдется такой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не былъ бы убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно»...

Часто ли можно встрѣтить и въ болѣе развитой европейской публицистикѣ такое безпристрастное, истинно джентльменское отношеніе къ своимъ собратіямъ по перу? Насколько оно было заслужено и оправдано впослѣдствіи противниками *Вѣстника Европы*—это другой вопросъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Юбилейныя справки.

I.

В. Д. Спасовичъ.

(31-ое мая 1866—1891 гг.).

31-го мая исполнилось 25 лѣтъ со дня вступленія въ адвокатскую карпорацію одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, ученаго криминалиста, литератора-публициста и критика, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даниловича Спасовича. В. Д. родился въ 1829 г. въ гор. Рѣчицѣ, Минской губ. Вь 1849 г. онъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и уже черезъ два года защищалъ магистерскую диссертацію «О правахъ нейтральнаго флага». Рядъ мыслей, высказанныхъ въ диссертаціи, получилъ осуществленіе чрезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстныхъ парижскихъ декларацiяхъ 1856 г. (Русс. Стар. 1891, № 4).

Сблизившись съ извѣстнымъ ученымъ проф. Кавелинымъ, г. Спасовичъ въ 1857 г. занялъ каѳедру уголовнаго права въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ поднялъ преподаваніе этой науки до высокаго научнаго уровня. Поражая своихъ слушателей какъ глубиною своей эрудиціи и смѣлостью выводовъ, такъ и живостью, и картинностью, и изяществомъ изложенія, проф. Спасовичъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность и въ университетѣ и за стѣнами его. Въ 1863 г. онъ издалъ извѣстный

«Учебникъ уголовнаго права» и до нынѣ, т. е. чрезъ тридцать почти лѣтъ, составляющій настольную книгу для всякаго образованнаго юриста и давно уже сдѣлавшійся библіографическою рѣдкостью. Въ 1863 г. г. Спасовичъ долженъ былъ покинуть, послѣ извѣстныхъ событій, петербургскій университетъ вмѣстѣ съ проф. М. М. Стасюлевичемъ, К. Д. Кавелинымъ, А. Н. Пыпинымъ и др.

Но научно-литературная дѣятельность В. Д. безостановочно продолжалась и продолжается до сихъ поръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Кромѣ массы юридическихъ статей и монографій по разнообразнымъ отраслямъ права и процесса, В. Д. Спасовичъ написалъ много историко-литературныхъ и критическихъ монографій, изъ коихъ назовемъ «Исторію польской литературы», «Жизнь и политика маркиза Велепольскаго», и пр. Онъ же спеціально изучалъ Байрона и вліяніе байронизма на Пушкина, Лермонтова и Мицкевича. Въ послѣднее время г. Спасовичъ приступилъ къ изданію собранія своихъ сочиненій, изъ коихъ три тома уже вышли, а три выйдутъ въ скоромъ времени.

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, В. Д. вступилъ въ сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Почти съ самаго учрежденія С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ В. Д. Спасовичъ, съ небольшими перерывами, принималъ самое живое участіе въ дѣятельности его то въ качествѣ предсѣдателя или товарища, то въ качествѣ рядоваго члена (см. Макалинскаго. С.-Петербургская адвокатура, стр. 133). В. Д. былъ всегда «мірскимъ» человѣкомъ. Трудная миссія, выпавшая на долю петербургской адвокатуры—создать первые устои и принципы дѣятельности адвокатовъ въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, т. е. въ духѣ мужественнаго, честнаго и безкорыстнаго служенія идеямъ новаго суда, — имѣла въ лицѣ В. Д. одного изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ. Установленіе корпоративной связи въ средѣ, члены которой, можно сказать, находятся въ безпрерывной междуусобной профессіональной войнѣ, внесеніе принциповъ этики въ профессію, которая дотолѣ жила и управлялась только хищническимъ принципомъ обиранія простоватыхъ и беззастѣнчиваго попиранія закона путемъ ловкаго обхода его, — такова была трудная задача, надъ разрѣшеніемъ

торая обыкновенно соединяется съ сильнымъ напряженіемъ нервовъ и преждевременнымъ утомленіемъ и переутомленіемъ. Чтобы видѣть, какой запасъ жизни и энергіи хранитъ еще этотъ свыше шестидесятилѣтній ораторъ, достаточно прочесть его послѣднюю рѣчь, произнесенную недавно на общемъ собраніи петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 17-го апрѣля по случаю 25-лѣтія новаго суда (Русская Мысль, 1891, № 5).

Припоминая время открытія новыхъ судовъ, г. Спасовичъ между прочимъ сказалъ: «Я скорблю о томъ, что никогда не можетъ возвратиться *поэзія* прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы показывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и не стыдящаяся своей наготы—*гласность*, когда судъ стали творить почти-что на площади, и когда мы стали произносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурной печати»...

Оглядываясь кругомъ, г. Спасовичъ находитъ, что адвокатскую корпорацію озабочиваютъ не собственно корпоративныя, а «обще-гражданскія сомнѣнія и печали, возбужденныя «жестокимъ вѣкомъ», «Но пока мы страдаемъ отъ общественной болѣзни,—говорилъ г. Спасовичъ,—бѣда не велика: общество съ болѣзнью справится, мы ему поможемъ, оно намъ поможетъ. Пока мы не извѣрились въ *вѣковѣчные идеалы*, въ добро, красоту и человѣчность, пока мы соединены въ одно, этимъ цементомъ держимся въ кускѣ, пока живемъ по братски—будущность еще наша и мы передадимъ нашъ свѣточъ нашимъ преемникамъ».

Съ такимъ бодрымъ упованіемъ вступаетъ талантливый представитель петербургской адвокатуры, несмотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства, во второе двадцатипятилѣтіе своей адвокатской карьеры.

II.

В. А. Арцимовичъ.

(17-ое іюня 1841—1891 гг.).

17-го іюня чествовалось пятидесятилѣтіе государственной службы одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ государственныхъ

адвокатской дѣятельности. Если мѣстные знаменитости отличаются наклонностью къ напыщенной фразеологіи, прикрывающей пустоту мысли и незнакомство съ дѣломъ, то этотъ дурной примѣръ находитъ себѣ подражателей, особенно среди молодежи.

Въ этомъ отношеніи вліяніе или школа г. Спасовича на петербургскую адвокатуру было самое благотворное. Тщательное изученіе малѣйшихъ обстоятельствъ, самая усердная подготовка къ дѣлу (г. Спасовичъ пишетъ и выучиваетъ наизусть рѣчи по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ) тонкій психологическій анализъ, всестороннее освѣщеніе судебнаго матеріала при помощи научныхъ данныхъ и литературныхъ параллелей—таковы пріемы, которыми всегда пользовался г. Спасовичъ и которые, подъ его вліяніемъ, перешли въ традиціи петербургской адвокатуры.

Постоянное близкое общеніе съ наукою и литературою сообщаетъ рѣчамъ г. Спасовича ту богатую содержательность, благодаря которой рѣчи эти въ чтеніи производятъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ при слушаніи.

Но это не значитъ, что г. Спасовичъ не имѣетъ успѣха какъ ораторъ. Я помню одно засѣданіе въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, гдѣ рѣчь г. Спасовича на самую сухую юридическую тему была выслушана убѣленными сѣдинами сенаторами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ будто говорилъ трибунъ предъ юношами. И это несмотря на отсутствіе у г. Спасовича внѣшнихъ ораторскихъ качествъ, несмотря на не совсѣмъ отчетливую дикцію его. Въ чемъ же состоитъ секретъ его громадныхъ и вполнѣ заслуженныхъ ораторскихъ успѣховъ? Прежде всего въ его прелестномъ, живомъ, образномъ словѣ, а затѣмъ въ томъ сердечномъ, страстномъ отношеніи ко всѣмъ дѣламъ, которое составляетъ отличительную черту адвокатской школы Спасовича. Если казенщина, рутина вообще вредна для всякаго судебнаго дѣятеля, то она просто пагубна для адвоката, который можетъ и долженъ являться самымъ живымъ и оживляющимъ элементомъ процесса.

Это столь драгоцѣнное для адвоката качество на-ряду съ горячею любовью къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ неизмѣнно сохранилъ В. Д. до настоящаго времени, несмотря на продолжительную двадцатипятилѣтнюю адвокатскую карьеру, ко-

чувствуя горячо этому «святому дѣлу», онъ оказалъ правильной постановкѣ его большое содѣйствіе. Предъ открытіемъ засѣданій губернскаго комитета г. Арцимовичъ обратился къ дворянамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ. «Прямое содѣйствіе ваше, къ устройству многочисленнаго трудящагося сословія, сказалъ онъ, даруетъ вамъ высокое право участвовать въ отмѣнѣ того положенія дѣлъ, которое такъ рѣзко противорѣчитъ *духу нашего времени*, въ устраненіи многихъ глубокихъ страданій, завѣщанныхъ намъ временемъ прошедшимъ и въ установленіи такого порядка, чтобы возстановленіе этихъ страданій и неустройствъ въ будущемъ сдѣлалось невозможнымъ» [1]).

Въ 1859 г. В. А. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ онъ участвовалъ въ коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ крестьянскихъ уѣздныхъ, губернскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ, и какъ участникъ великой крестьянской реформы, получилъ золотую медаль за труды по освобожденію крестьянъ.

Особенно дѣятельное и плодотворное участіе принялъ В. А. Арцимовичъ въ крестьянскомъ дѣлѣ—по введенію въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ въ Калужской губерніи. Онъ съумѣлъ привлечь въ ряды мировыхъ посредниковъ лучшія мѣстныя дворянскія силы и далъ всей крестьянской реформѣ такой высокій и благородный тонъ, что дѣятельность В. А. Арцимовича ставилась въ образецъ другимъ губерніямъ и даже стала извѣстна заграницею. В. А. и его сотрудники пріобрѣли большую популярность не только въ интеллигентныхъ сферахъ, но даже и у крестьянъ. Когда лѣтомъ 1862 г. Калужская губернія была подвергнута сенаторской ревизіи, управленіе г. Арцимовича было аттестовано съ наилучшей стороны. За введеніе въ дѣйствіе Положенія къ крест. В. А. получилъ извѣстный серебряный крестъ.

Одинъ изъ «старыхъ калужанъ» въ слѣдующихъ симпатичныхъ выраженіяхъ характеризуетъ дѣятельность В. А.: «Едва ли, говоритъ онъ, гдѣ съ такою яркостью проявились особыя свойства его натуры—неутомимая энергія и любовь къ правдѣ какъ при управленіи Калужской губерніей. Занимая съ начала прошлаго цар-

---

[1]) См. Матер. для истор. упразд. крѣпост. права въ Россіи. Берлинъ. 1860, т. I, 293.

ствованія постъ губернатора сначала въ Тобольскѣ, а потомъ въ Калугѣ, В. А — чъ являлся образцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на минуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ—словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму и разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ отыскать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя начала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и ровный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношеніе по службѣ или по знакомству. Воспоминаніе о В. А —чѣ, спустя почти 30 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается доселѣ живымъ между людьми всѣхъ классовъ. Въ городскихъ домахъ, а нерѣдко—въ крестьянской избѣ какой нибудь глухой деревни, можно и теперь встрѣтить его фотографическое изображеніе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

«В. А—чъ во время калужскаго губернаторства вносилъ свѣтъ во всѣ области мѣстной жизни. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла образецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не только въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ закипѣла бодрая умственная и общественная работа. Имя В. А—ча привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много людей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣщеннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго элемента, и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои дни, воспрянули къ жизни. Центромъ, который объединялъ всю эту работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личность Викторъ Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства сословнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій, онъ сумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распу-

тать сложныя отношенія, возбуждавшіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія новаго порядка въ губерніи В. А — чъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками — мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и не прерывнаго руководства ихъ дѣйствіями [2]).

«В. А—чъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго

---

[2]) Одинъ изъ этихъ знаменитыхъ посредниковъ, нашъ извѣстный юристъ-публицистъ П. Н. Обнинскій, имѣвшій счастье начать свое общественное служеніе въ „красные дни“ нашего освободительнаго возрожденія и нынѣ благословляющій судьбу, „избаловавшую“ его этимъ счастьемъ, такъ передаетъ напутствіе, обращенное къ нему, какъ мировому посреднику, губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ: „Я радъ въ васъ видѣть, сказалъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій заурядъ) будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, *гражданина,* полезнаго своему отечеству. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу: я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душою, не испорчены жизнью и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что не менѣе важно для дѣла, независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать! Вѣрьте въ свое дѣло, *чтите законъ во что бы то ни стало,* не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня“. (Русскій Архивъ, 1892, № 1, стр. 121). — Чтобы очевидно было все значеніе этого напутствія, достаточно сопоставить его съ рѣчью, съ которою обратился новый калужскій губернаторъ къ посредникамъ, назначенный вскорѣ, когда со вступленіемъ въ 1861 г. П. А. Валуева на постъ министра внутреннихъ дѣлъ началось въ угоду „близорукой и безъ идейной реакціи“ (см. Leroy-Beaulien — Un homme d'etat russe стр. 76) обычное „смягченіе“ только что изданнаго, закона, т. е. попросту отмѣна закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ.—Вотъ что говорилъ мировымъ посредникамъ преемникъ В. А. Арцимовича. „Всѣ вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять законъ, растолковываете крестьянамъ ихъ *права.* Къ чему? Это только обостряетъ отношеніе; если крестьяне домогаются — исполняются эти домогательства, то старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была *добрая воля* помѣщика, его внимательность въ нуждахъ бывшихъ крѣпостныхъ и что они получаютъ его согласіе, какъ милость“ (Р. Ар. тамъ же стр. 26).

разлива образованія въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность но есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія, онъ признавалъ ея распространеніе безусловною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народная школа въ деревнѣ, даже въ наши дни встрѣчаетъ не мало препятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчислимы. Подавленный бѣдностью крестьянинъ былъ равнодушенъ къ школѣ, а о помощи прочихъ сословій не было почти и помину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало училищъ, но они существовали только на бумагѣ; никакого дѣйствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объѣзда В. А—чъ сумѣлъ заставить всю губернію заговорить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣдкимъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскалъ лицъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ современномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками В. А—ча въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ земство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ училищъ, В. А—чъ видѣлъ могучее орудіе къ распространенію грамотности въ воскресныхъ классахъ. По иниціативѣ и при непосредственномъ участіи В. А—ча и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ одной Калугѣ скоро устроилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ обучалось по нѣскольку сотенъ лицъ. В. А—чъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетвореніе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каждая школа была обставлена серьезно и внимательно. Отрадно вспомнить о томъ одушевленіи, какимъ проникнуты были преподаватели и руководители воскресныхъ школъ, и той напряженной работѣ, которую они добровольно на себя принимали.

«В. А—чу удалось даже создать мѣстную прессу Подъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *Губернскія Вѣдомости*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по содержанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ никѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной провинціаль-

ной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, техники, чиновники, стали помѣщать въ *Губ. Вѣд.* свои наблюденія и мысли, такъ что *Губ. Вѣд.* явились органомъ для той доброй умственной работы, о которой была рѣчь выше.

«Вспоминая жизнь и службу В. А—ча въ Калугѣ, было бы несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе, съ которымъ относился онъ къ бѣдному люду и въ особенности къ малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ, по новому уставу, собственноручно написанному В. А—чемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами» (Русск. Вѣд., 1891 г. № 164).

Съ конца 1862 г. г. Арцимовичъ покидаетъ постъ губернатора и опять переходитъ въ Петербургъ. Онъ поступаетъ въ сенатъ, но на этотъ разъ уже въ санѣ сенатора. Къ концу того же года переходитъ онъ на службу въ Царство Польское, гдѣ назначается членомъ совѣта управленія и вице-президентомъ государственнаго совѣта.

Затѣмъ В. А. былъ назначенъ членомъ особаго комитета, разсматривавшаго проектъ Н. А. Милютина объ устройствѣ быта польскихъ крестьянъ, за что вторично получилъ золотую «крестьянскую медаль».

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, открылось новое плодотворное поприще для дѣятельности г. Арцимовича. Онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и, по болѣзни первоприсутствовавшаго, исполнялъ его обязанности съ самаго начала введенія судебной реформы. Всецѣло преданный основнымъ началамъ Судебныхъ Уставовъ, г. Арцимовичъ не мало потрудился надъ тѣмъ, чтобы дать судебной практикѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, направленіе, согласное съ гуманно-либеральнымъ духомъ нашего новаго судебнаго законодательства.

Послѣ 14-лѣтняго пребыванія въ уголовномъ кассаціонномъ

департаментѣ, г. Арцимовичъ былъ переведенъ въ I-й департаментъ сената, гдѣ онъ и состоитъ, въ званіи предсѣдательствующаго, до сихъ поръ. Масса трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ административнаго права проходила и проходятъ чрезъ эту высшую инстанцію нашей административной юстиціи, на обязанности коей лежитъ примирять высшія требованія твердой законности при столкновеніи ихъ съ временными, но подчасъ крайне властными требовательными и могущественными соображеніями административной цѣлесообразности. Громадный полувѣковой административно-судебный опытъ В. А., его тонкое юридическое развитіе, стойкость характера и твердость въ убѣжденіяхъ, безъ сомнѣнія, оказываютъ немалое содѣйствіе нашему высшему блюстителю законности по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія для достойнаго выполненія его вообще трудныхъ, а часто и щекотливыхъ функцій.

В. А. Арцимовичъ имѣетъ много знаковъ отличія и орденовъ, въ томъ числѣ и орденъ Александра Невскаго, осыпанный брилліантами.

Въ 1888 году В. А. Арцимовичъ за выдающіяся заслуги по крестьянской реформѣ былъ единогласно выбранъ въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества.

Сочувствуя глубоко дѣлу высшаго женскаго образованія въ Россіи, г. Арцимовичъ много лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ Общества для вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Несмотря на 70 слишкомъ лѣтъ, В. А. Арцимовичъ донынѣ отличается изумительною дѣятельностью и находится въ полномъ обладаніи своихъ богатыхъ умственныхъ силъ.

III.

Н. И. Стояновскій.

(17-е іюня 1841—1891 гг.).

17-го іюня праздновался пятидесятилѣтній юбилей одного изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы, сенатора и предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта дѣйствит. тайн. совѣтн.

Н. И. Стояновскаго. Немногіе изъ участниковъ этой реформы имѣли такую правильную школьную и практическую подготовку, какъ г. Стояновскій. Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ черезъ шесть лѣтъ онъ уже преподавалъ гражданское судопроизводство.

Службу свою онъ началъ въ сенатѣ въ 1841 г. и здѣсь онъ пріобрѣлъ солидную судебную опытность, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ, призванныхъ хоть нѣсколько очистить авгіевы конюшни стараго суда, полнаго «черною неправдою», т.-е. говоря попросту—переполненнаго невѣжественными взяточниками. Какое rara avis былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить потому, что даже въ сенатѣ, въ годъ поступленія Н. И., было всего только *шесть* юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ онъ не мало принесъ пользы въ сенатѣ дѣлу правосудія.

Но съ воцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею занялась заря новой, освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое, обширное, законодательное поприще. Государственный секретарь, В. П. Бутковъ, въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшемуся либеральному движенію (С. М. Жуковскій, Л. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе прежде всего въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившую слѣдственную часть изъ функцій полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года. Н. И., помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи, состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи, выра-

батывавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ поборниковъ, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. словомъ и дѣломъ ратовалъ за нихъ не только въ то время, когда всѣ увлекались либеральными *вѣяніями*, но и тогда, когда они вышли изъ моды [1]).

Безобразное состояніе нашего стараго невѣжественнаго и продажнаго суда было для всѣхъ очевидно, и какъ только стало возможнымъ уничтоженіе его, всѣ просвѣщенные люди горячо принялись за это дѣло. Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣло Высочайшее повелѣніе января 1862 г., открывшее доступъ къ европейской наукѣ (см. главу XI). Благодаря этому акту, явилась возможность создать цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, извѣстное нынѣ подъ именемъ Судебныхъ Уставовъ Александра II. Для усиленія государственной канцеляріи были по Высочайшему повелѣнію прикомандированы въ 1862 г. извѣстнѣйшіе юристы, и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи «главныхъ основаній», такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи [2]). Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, точное установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые высказаны или точно формулированы въ этихъ Главныхъ Основаніяхъ преобразованія судебной части въ Россіи Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра юстиціи, каковую должность занималъ тогда Д. Н. Замятнинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ, по своимъ убѣжденіямъ, вполнѣ преданъ

---

[1]) См. рѣчь Н. И. Стояновскаго о реформахъ 60-хъ годовъ въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго Общества 3-го февраля 1880 г. въ „Журн. гражд. и угол. права“ того же года № 4.

[2]) См. три части т. XVIII Дѣла о преобразованіи суда въ Россіи.

дѣлу судебной реформы, но настоящею душою министерства сдѣлался Н. И. Къ чести Замятнина нужно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергичная дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Замятнинѣ игралъ такую же роль какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положенія о крест.

Когда составлены были проекты Судебныхъ Уставовъ, при министерствѣ юстиціи была образована спеціальная Коммиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ понесенныхъ имъ, въ этой стадіи судебной реформы, трудовъ, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи Уст. гражд. суд., до 300 уголовнаго, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдом. мир. суд., и до 120 на статьи проекта учрежд. суд. мѣстъ [3]). А объ обстоятельности этихъ замѣчаній можно судить потому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ *in folio*. По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [4]), здѣсь отмѣтимъ только, что благодаря имъ были внесены значительныя улучшенія въ текстъ судебныхъ уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновскаго въ подготовкѣ Судебныхъ Уставовъ. Въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, на него возложена была обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ Судебныхъ Уставовъ въ государственномъ совѣтѣ, съ правомъ голоса и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

Съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ, предстояли еще об·

[3]) См. Журналъ Министерства юстиціи, 1866, № 4, стр. 31.

[4]) См. мою книгу: Страница изъ исторіи судебной реформы (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883, стр. 32—67

ширныя [5]) частью законодательныя, частью распорядительныя работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія пререканія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной, реформы С. И. Зар373нымъ, Н. А. Буцковскимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: авось, небось и какъ-нибудь) стояло за одновременное *повсемѣстное введеніе* новаго суда, съ тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно [6]). Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для оффиціальной аргументаціи, и потому въ ней не упоминаемымъ, было желаніе однимъ разомъ и безповоротно покончить съ дѣломъ, которое иначе могло затянуться на много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему, въ видѣ реакціи послѣ *кратковременнаго* духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было вполнѣ основательно: вмѣсто предположенныхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было закономъ 19-го октября 1865, ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ и до сихъ поръ (черезъ 25 лѣтъ) не вездѣ еще въ ней введенъ!...

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ неосуществимымъ, по недостатку моральныхъ и матеріальныхъ средствъ и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе, на первое время, только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за постепенное открытіе другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило Высочайшее утвержденіе 19-го октября 1865 г.

Послѣ этого, подъ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго, въ министерствѣ юстиціи началась, кипучая, сложная и кропотливая работа по составленію правилъ о *скорѣйшей* ликвидаціи старыхъ судебныхъ учрежденій, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и нѣкоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя

---

[5]) Въ дѣлѣ о преобразованіи судебной части работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

[6]) См. т. LIX Дѣла о преобр. суд. части.

учрежденія (законъ 11-го октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться приспособленіемъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судоговоренія. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала [7]). И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду великую службу, привлекши въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшіе кадры и образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и донынѣ поддерживаютъ въ немъ его духъ и энергію, несмотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при недобрыхъ ауспиціяхъ состоялось это торжество. Вскорѣ руководство новымъ судомъ отошло отъ людей, искренно преданныхъ основнымъ началамъ этого суда, и перешло въ руки людей или равнодушныхъ, или враждебныхъ его началамъ. Съ 1867 г. Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Въ этой стадіи своей служебной дѣятельности г. Стояновскій поработалъ такъ же очень много для проведенія въ жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устраненіе администраціи отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы безпрестанно приходили въ столкновеніе съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ, чтобы удержать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ Судебными Уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ вѣрный ключъ къ распознанію путей правды, каковый ключъ, къ сожалѣнію, впослѣдствіи былъ или утерянъ или испорченъ.

---

7) Любопытныя подробности о первыхъ дняхъ судебной реформы см. въ статьѣ сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино“ (Книжка Недѣля 1892, № 3).

Здѣсь не мѣсто исчислять многочисленныя превосходныя кассаціонныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно. Въ самомъ началѣ кассаціонной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ, можетъ ли быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго? Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго, слѣдуя *духу* Судебныхъ Уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она прямо не была установлена закономъ. Но tempora mutantur, и сенатъ впослѣдствіи, безъ достаточныхъ основаній, измѣнилъ свою практику [8]).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго Юридическаго Общества, Московскаго, и предсѣдателемъ С.-Петербургскаго, съ самаго его основанія. Съ 1882 г. Н. И. состоитъ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи, составляющей проэктъ гражданскаго уложенія.

Интересны для характеристики недавняго «добраго, стараго времени» обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Въ 1850 г. цензура задержала его «Практическое руководство по уголовному судопроизводству» по глубокомысленному мотиву, заимствованному у калифа Омара, сжегшаго Александрійскую библіотеку. Въ сочиненіи г. Стояновскаго встрѣчались нѣсколько «собственныхъ» соображеній автора. Вотъ это именно обстоятельство и послужило причиною запрещенія книги! Все, что нужно знать о законахъ, разсуждалъ цензоръ, помѣщено въ Сводѣ, а чего въ немъ нѣтъ, то *лишнее*, и въ опубликованіи его нѣтъ надобности... И это говорилось въ то время, когда въ основаніи общественной жизни лежало крѣпостное право, въ судахъ господствовало *повальное* взяточничество; кнутъ и вообще тѣлесное наказаніе господствовали въ уголовномъ правѣ, а во всей Россіи слышалось, какъ выразился

[8]) См. Сбор. рѣш. угол. касс. депар. 1868, № 201. Сенатъ, сослался на законъ 25-го мая 1885 г., хотя законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю, какъ я имѣлъ случай разъяснить въ другомъ мѣстѣ. (См. мои: Вопросы адвокат. дисципл. Т. 1887, стр. 22).

Шевченко одно только молчаніе на разныхъ языкахъ и возгласъ: все обстоитъ благополучно.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

IV.

А. М. Унковскій.

(2-е декабря 1866—1891 гг.).

6-го декабря въ Петербургѣ происходило скромное товарищиское чествованіе замѣчательнаго общественнаго и судебнаго дѣятеля Алексѣя Михайловича Унковскаго, состоящаго съ 2 декабря 1866 г. присяжнымъ повѣреннымъ въ Петербургѣ. Исполнившееся двадцатипятилѣтіе его безукоризненно-честной адвокатской дѣятельности и послужило ближайшимъ поводомъ къ этому празднеству.

Услуги, оказанныя г. Унковскимъ нашей молодой адвокатурѣ, громадны, можно сказать, неисчислимы. Одно уже вступленіе въ 1866 г. лица съ такимъ славнымъ и извѣстнымъ на всю Россію прошлымъ, каково было прошлое г. Унковскаго, сообщило молодому институту сразу необыкновенный престижъ и нравственную привлекательность. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ званіе ходатая, привыкшаго защищать всякую ложь и недобросовѣстныя ухищренія, было такъ зазорно, что ни одинъ *порядочный* и уважающій себя человѣкъ не брался за ходатайство по дѣламъ [1]). И вдругъ въ ряды молодой присяжной адвокатуры вступаетъ такой человѣкъ, какъ А. М. Унковскій, не только имѣвшій почетную репутацію въ качествѣ публициста и юриста [2]), но пріобрѣвшій громкую всероссійскую извѣстность своею

---

1) См. статью Деппа въ *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., № 12.

2) Г. Унковскій помѣщалъ статьи въ 50-хъ годахъ въ *Современникѣ* Некрасова и *Русск. Вѣстн.* и выпустилъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько капитальныхъ юридическихъ сочиненій: 1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ Уильза. 2) Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ Миттермейера. 3) Его же, уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ и пр.

честною, мужественною, истинно-благородною дѣятельностью на пользу народа, по должности тверскаго губернскаго предводителя дворянства, во время освобожденія крестьянъ (см. выше гл. II). Уже одно вступленіе,—говоримъ мы,—человѣка съ такимъ нравственнымъ ореоломъ, служило къ *реабилитаціи* адвокатской профессіи, относительно которой, даже въ нашихъ высшихъ судебныхъ сферахъ, частью по предубѣжденію, частью по недомыслію, существовали самыя дикія представленія, по коимъ адвокатура являлась какъ бы организованною защитою безчестныхъ домогательствъ [3]). Другія имена, одновременно съ А. М. внесенныя въ списокъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, быть можетъ сообщали адвокатской карпораціи больше блеска и научнаго авторитета, но ни одно не говорило такъ громко и внушительно о вѣрности нравственному и гражданскому долгу, о безкорыстномъ и неуклонномъ служеніи общественному дѣлу.

Вся двадцатипятилѣтняя адвокатская карьера г. Унковскаго была вѣрнымъ служеніемъ этому знамени. Вся она была однимъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ осуществленія программы новой адвокатуры, которая, по замыслу творцовъ Судебныхъ Уставовъ, является однимъ изъ важныхъ и незамѣнимыхъ факторовъ для распознанія судебной правды. Да, именно раскрытія, а не затемненія правды,—какъ это ни покажется страннымъ нынѣшнимъ зоиламъ адвокатуры или тѣмъ изъ фальшивыхъ и опасныхъ друзей ея, которые все назначеніе адвокатуры сводятъ къ воспособленію торжеству формальной, т. е. мнимой правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше, чѣмъ кто-нибудь другой поработалъ для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ идти въ сравненіе со славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ, умѣли стяжать себѣ и своей карпораціи немало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безъидейные дѣльцы и

---

3) См. замѣчанія оберъ-прокурора Н. П. Семенова въ т. LIX „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи“ и статью его „Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ“ въ *Русск. Вѣстн.* 1859 г., мартъ.

шаловливые баловни счастья и удачи немало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ понимающихъ людей и немало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, пользующихся т. н. всероссійскою громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко не завидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснять сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реноме свое—злословіемъ и завистью недоброжелателей [1]). Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые давно уже подвизаются на адвокатскомъ поприщѣ, но чистаго имени которыхъ не смѣетъ коснуться никакое злословіе и зависть?!

Къ такимъ скромнымъ, но свѣтлымъ и чистымъ знаменитостямъ принадлежитъ и А. М. Унковскій, имя котораго, какъ адвоката, едва ли даже и много извѣстно за чертою с.-петербургскаго судебнаго округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей спеціальности, какъ цивилистъ, г. Унковскій извѣстенъ, помимо обширнаго круга своей петербургской кліентелы, только въ кругу товарищей и въ судебномъ мірѣ. Уголовною практикою занимался г. Унковскій почти только въ качествѣ оффиціальнаго защитника по назначенію суда, но всегда исполнялъ эту святѣйшую изъ обязанностей адвоката съ добросовѣстностью, преданностью и жаромъ, котораго не могли остудить донынѣ ни бремя лѣтъ (теперь ему за 60 лѣтъ), ни профессіональная рутина.

Но прочно установившуюся репутацію талантливаго, знающаго и честнѣйшаго адвоката г. Унковскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ своею гражданскою практикою. Уже одно принятіе г. Унковскимъ извѣстнаго дѣла,—говорилъ недавно мнѣ одинъ изъ судей,—создаетъ praesumptio juris въ его пользу и почти рав-

[1]) Одинъ такой дѣлецъ жалобу свою на постановленіе совѣта, запретившаго ему практику на полгода за веденіе завѣдомо неправаго дѣла, заканчивалъ такими словами Котошихина: „издревле всѣялъ есть дьяволъ плевелы зависти въ землѣ русской, аще кто придетъ въ честь, славу и богатство—возненавидѣти начнутъ“.

носильно выигрышу дѣла въ одной инстанціи. Чтобы заслужить такое исключительное довѣріе, да еще въ качествѣ цивилиста, нужна исключительная добросовѣстность и нравственная щепетильность въ выборѣ дѣлъ.

Гражданскій процессъ, который весь вращается «около денегъ», представляетъ особенныя опасности для адвоката, у котораго можетъ, незамѣтно для него самого, затуманиться отъ ихъ нездоровыхъ испареній нравственное чутье и видѣніе. Кромѣ того, частью благодаря запутанности нашего гражданскаго законодательства и кассаціонной практики, частью благодаря одностороннему бытовому освѣщенію, при которомъ обыкновенно видитъ адвокатъ дѣло при принятіи его, онъ иногда бываетъ затрудненъ въ распознаніи правды. Исходя изъ этого общеизвѣстнаго, но далеко не ежедневнаго факта, иные юристы приходятъ къ фатальному заключенію, что адвокатъ долженъ вполнѣ игнорировать нравственную сторону дѣла и довольствоваться одною внѣшнею законностью. А иначе, говорятъ они, для него создается безвыходное положеніе, въ виду *неуловимости* нравственнаго принципа,—такъ какъ одна де нравственность по сю сторону Пиринеевъ, другая по ту [5]).

Славная двадцатипятилѣтняя абсолютно честная адвокатская дѣятельность г. Унковскаго воочію убѣждаетъ, что адвокату, съ чуткою совѣстью, ни существованіе Валдайскихъ горъ и Пиринеевъ, ни запутанность законодательства не создаютъ неодолимыхъ препятствій къ честному исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго согласно требованіямъ нравственности... Конечно, отъ такихъ «трудовъ праведныхъ» не наживешь палатъ каменныхъ, но вѣдь цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ и, стало быть, учрежденія присяжной адвокатуры вовсе не было во что бы то ни стало помочь осуществленію этого стремленія. Водвореніе «правды» на судѣ и внушеніе спасительнаго «страха» плутамъ, болѣе или менѣе ловкимъ обходомъ законовъ стремящимся обратить судъ въ орудіе обмана,—вотъ къ чему стремились творцы новаго суда.

---

[5]) См. брошюру г. Невѣдомскаго: „Вѣчные вопросы (?) адвокатуры“. М. 1886 г.

Такъ именно опредѣляетъ задачу новаго гражданскаго суда бывшій товарищъ по профессіи г. Унковскаго, нынѣ членъ одесской судебной палаты г. Боровиковскій въ своей замѣчательной книгѣ «Отчетъ судьи», и этой именно задачѣ служилъ въ теченіе всей своей продолжительной адвокатской карьеры г. Унковскій.

Значеніе ея, такимъ образомъ, опредѣляется само собою. А. М. Унковскій не умозрительными теоретическими доводами, а фактомъ всей своей многолѣтней дѣятельности доказалъ лживость пагубнаго ученія, будто отправленіе адвокатуры несовмѣстимо съ требованіями честности и нравственности. Знаменитый французскій юристъ Молло говоритъ: si le style est tout l'homme la probité est tout l'avocat (какъ по стилю узнается человѣкъ, такъ и по степени честности узнается адвокатъ). Если это такъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что А. М. Унковскій былъ и остается въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова *первымъ* русскимъ адвокатомъ, такъ какъ едва ли кто превзошелъ его въ строгомъ слѣдованіи правиламъ честности.

Къ чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она всегда умѣла цѣнить выдающіяся нравственныя и умственныя качества своего знаменитаго сочлена. Съ перваго же года своего вступленія въ петербургскую адвокатскую корпорацію А. М. Унковскій входилъ въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ— то въ качествѣ его члена, то въ качествѣ предсѣдателя. Съ 1885 г. А. М. вышелъ, по болѣзни, изъ состава совѣта, но и за всѣмъ тѣмъ добрыя традиціи, образовавшіяся въ немъ въ первые годы его дѣятельности, до сихъ поръ сохраняютъ силу и обезпечиваютъ ему первое мѣсто среди другихъ совѣтовъ, охраняя его отъ тѣхъ нездоровыхъ увлеченій, отъ которыхъ не уберeглись другіе.

Дѣятельность А. М. Унковскаго безспорно займетъ лучшую страницу въ исторіи не только петербургской, но и вообще русской адвокатуры. При тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыхъ не мало наблюдается въ современной адвокатской практикѣ, взоръ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія останавли-

*) См. стр. 239.

вается на такихъ личностяхъ, какъ А. М. Для справедливаго сужденія о современной русской адвокатурѣ слѣдуетъ имѣть въ виду и помнить не только тѣ темныя и грязныя низины, до которыхъ опускается адвокатура иногда, но и тѣ свѣтлыя и чистыя вершины, до которыхъ она подымается; тѣмъ болѣе слѣдуетъ ихъ имѣть въ виду, что лица, достигающія этихъ вершинъ, по своей скромной и некрикливой дѣятельности, не стоятъ на виду, почти вовсе неизвѣстны въ большой публикѣ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать счастливой мысль — чествовать двадцатипятилѣтіе скромнаго, но честнаго и заслуженнаго петербургскаго адвоката, дѣятельность коего составляетъ и славу всей русской адвокатуры.

Не будемъ распространяться о замѣчательной общественной дѣятельности А. М. Унковскаго по освобожденію крестьянъ [7]), составляющей достояніе исторіи русской культуры. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ: съ самаго своего вступленія 1857 г. въ должность тверскаго губернскаго предводителя дворянства и и до самаго удаленія его въ Вятку А. М. Унковскій былъ однимъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ поборниковъ и въ печати, и въ оффиціальныхъ сферахъ плана освобожденія крестьянъ *съ землею и полной отмѣны помѣщичьей юрисдикціи*. Тверской комитетъ, по инициативѣ своего предсѣдателя, *первый* возбудилъ въ оффиціальномъ порядкѣ вопросъ о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями и о выкупѣ ихъ. Кромѣ того, въ превосходно мотивированной объяснительной запискѣ тверской комитетъ доказывалъ необходимость, вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго права, измѣненія всего основавшагося на немъ административнаго строя. Въ Положеніи тверскаго комитета 1859 года были проектированы тѣ самыя реформы, которыя стали впослѣдствіи осуществляться, а именно — созданіе земскихъ учрежденій, независимаго суда и суда присяжныхъ, цензурная реформа и пр. Обозрѣвая матеріалы крестьянской реформы, историкъ ея, проф. И. И. Иванюковъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ, говоритъ слѣдующее о работахъ состоявшаго подъ предсѣдательствомъ А. М. Унковскаго комитета. «Тверской комитетъ соста-

---

[7]) См. выше главу II §§ 1 2.

вилъ не только относительно лучшій, но и *абсолютно разумный* и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ» [8]).

За выдающіяся заслуги свои по крестьянской реформѣ А. М. Унковскій былъ выбранъ въ 1888 г. въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества. По случаю же двадцатипятилѣтія адвокатской дѣятельности С.-Петербургскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ поднесъ 6-го декабря 1891 г. г. Унковскому адресъ и золотой жетонъ съ изображеніемъ адвокатскаго знака.

---

[8]) Паденіе крѣп. пр. гл. III.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 4-му сентября 1865—1890 гг.).

IV.

Открытіе новаго суда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль—октябрь 1865—1890 гг.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда“.

(Справка къ 17-му апрѣля 1866—1891 гг.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 23-му апрѣля 1866—1896 гг.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Учрежденія мировапо суда.

(Справка къ 17-му мая 1866—1891 гг.).

Post-scriptum.

V.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.

(Мартъ 1866—1891 гг.)

ГЛАВА [illegible]

Юбилейныя справки

